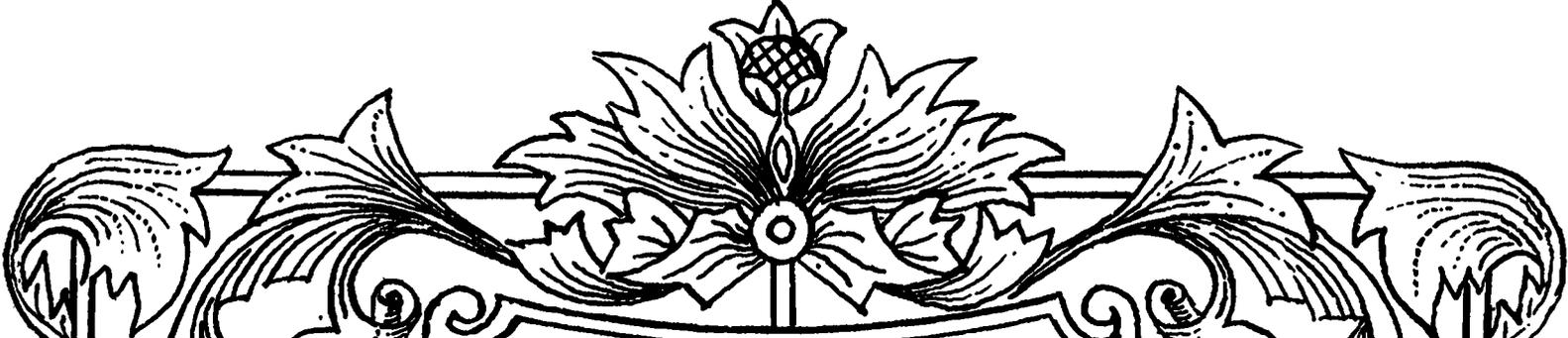

СКАЗКИ
ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ

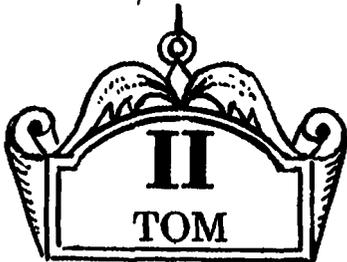

ВЕЛИКИЕ
СКАЗОЧНИКИ МИРА

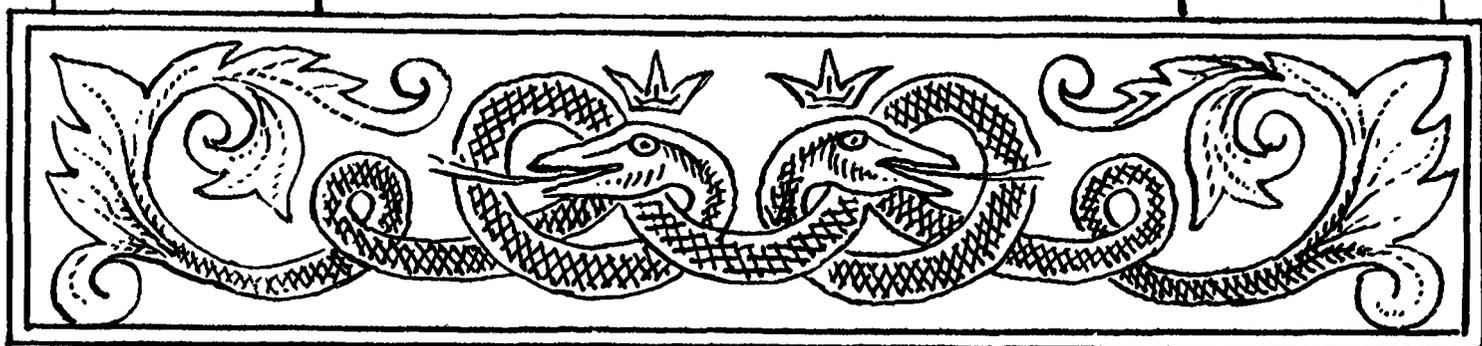

СКАЗКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

II
ТОМ

Пермь
1992

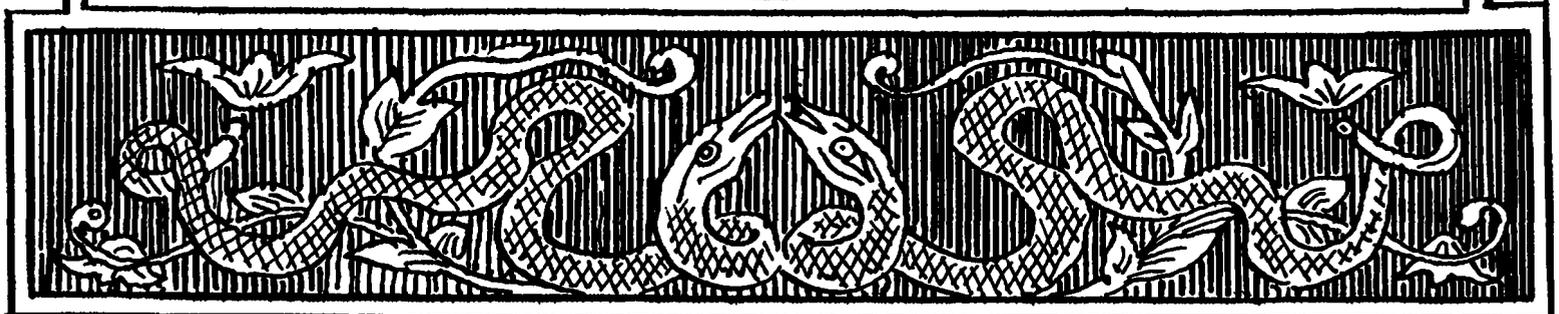
ББК 84(0) – 442
С 421

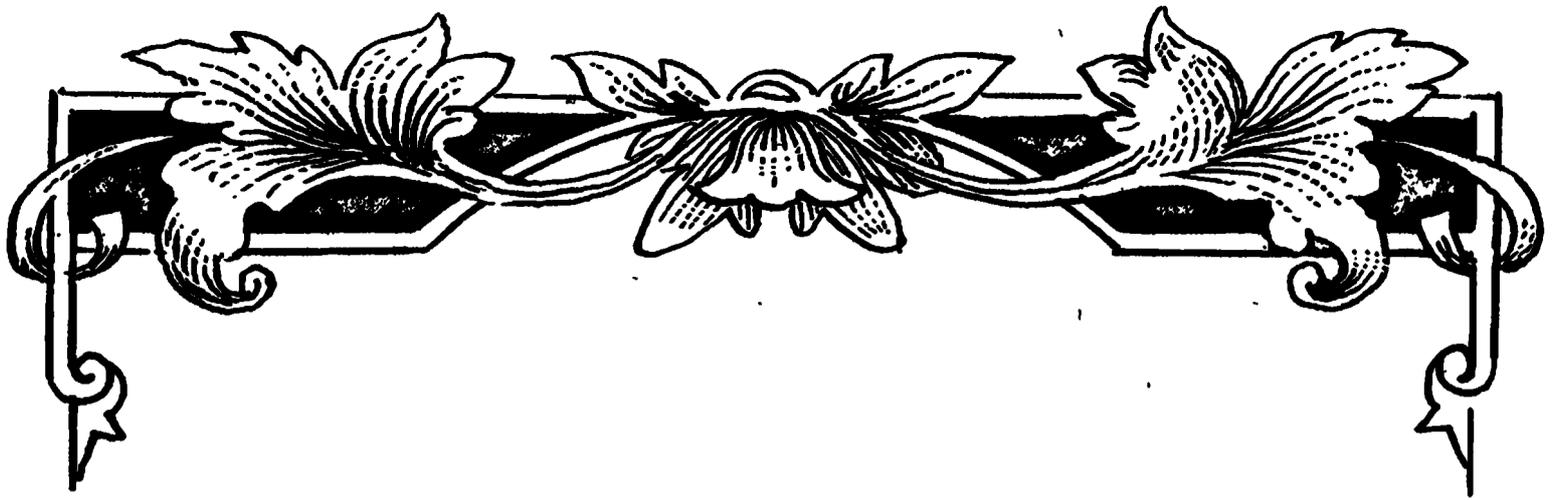
Составитель *А. Старовойтов*

Художник *Е. Шелонников*

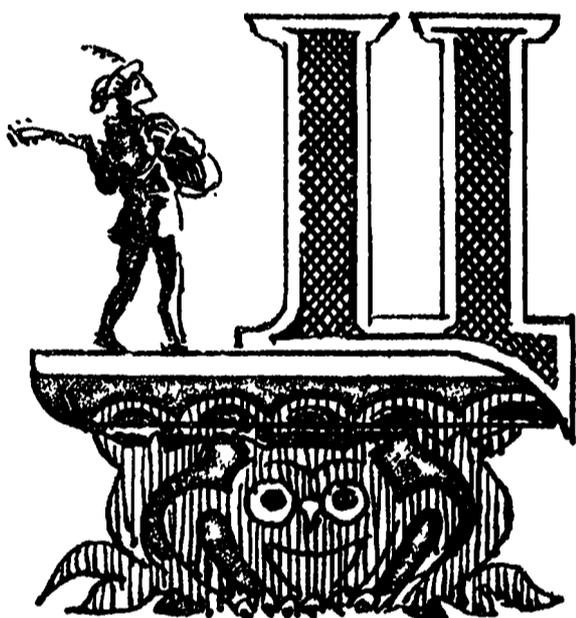

ЛЕГЕНДА О ТРЕХ ПРИНЦЕССАХ

ЛЕГЕНДА О ТРЕХ ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕССАХ

арствовал когда-то в Гранаде мавританский султан по имени Мохамед; к этому имени подданные добавили прозвище «Эль Хайгари», то есть «Левша». Одни утверждают, что нарекли его так из-за того, что он и впрямь владел левой рукою лучше, чем правой, другие — потому, что был он якобы склонен приниматься за все не с того конца или, иными словами, губил всякое дело, в которое вмешивался. Так или иначе, но достоверно известно, что из-за своей несчастливой звезды или дурного управления он никогда не ведал покоя и его неизменно преследовали несчастья; трижды его свергали с престола, причем один раз он едва спасся, переодевшись рыбаком и убежав в Африку. Впрочем, он был в такой же мере отважен, как незадачлив, и, хотя слыл левшою, настолько ловко владел ятаганом, что всякий раз, после упорной и кровопролитной борьбы, снова усаживался на трон. Однако, вместо того чтобы научиться в несчастиях мудрости, он продолжал упорствовать и творить своей левою рукою произвол и насилие. О бедствиях, которые он по этой причине навлек на себя и на свое царство, желающие могут узнать из арабских летописей Гранады; настоящая легенда повествует не более как о его домашних делах.

Когда однажды этот самый Мохамед ехал верхом во

главе своей свиты, у подножия горы Эльвиры ему встретился отряд всадников, возвращавшихся после набега на земли христиан. Они вели за собой длинную вереницу навьюченных добычею мулов и большое количество пленных обоего пола; среди них наш монарх заметил поразившую его своей внешностью прелестную и нарядную девушку, которая, сидя на невысокой, но стройной лошадке, проливала горькие слезы и не слушала увещаний и утешений ехавшей рядом дуэньи.

Султана поразила ее красота, и, расспросив командира отряда, он выяснил, что она — дочь алькальда той пограничной крепости, которая была взята и разграблена во время набега. Потребовав для себя девушку в качестве царской доли в добыче, Мохамед отослал ее в Альгамбру и поместил в свой гарем. Здесь прилагали всяческие усилия, чтобы побороть ее грусть, и султан, влюбляясь в нее день ото дня все сильнее и сильнее, возымел намеренье сделать ее своею султаншей. Испанка вначале отвергала его домогательства: он — неверный, злейший враг ее родины и, что хуже всего, в преклонных годах.

Обнаружив, что его настойчивость и постоянство бессильны, Мохамед решил обеспечить себе поддержку дуэньи, попавшей в плен одновременно со своей госпожой. Она была родом из Андалусии, и ее христианское имя забыто; что же касается мавританских легенд, то они называют ее не иначе как благоразумной Кадигой, и она действительно отличалась редким благоразумием, как это явствует из истории ее жизни. Едва только султан побеседовал с нею наедине, как она признала убедительность приведенных им доводов и взялась выступить его ходатаем перед юной христианкой.

— Ну вот! — вскричала она. — Стоит ли бесконечно плакать и убиваться? Не лучше ли быть хозяйкою этого изумительного дворца со всеми его садами и фонтанами, чем сидеть взаперти в старой пограничной крепости вашего отца? Что в том, что Мохамед неверный? Ведь вы выходите за него, а не за его веру. Если при этом он несколько стар, то тем скорее вы овдовеете и станете сами себе госпожа. Так или иначе, вы в его власти, и лучше быть султаншею, чем рабыней. Когда попадешь в руки разбойника, разумнее отдать свой товар за сходную цену, чем допустить, чтобы его отняли силой.

Доводы благоразумной Кадиги в конце концов победили. Девушка осушила слезы и стала супругою Мохамеда Левши; она приняла даже (правда, лишь внешне) веру сво-

его августейшего мужа, а ее благоразумная дуэнья немедленно превратилась в ревностную поборницу мусульманства. Именно тогда эта последняя получила арабское имя Кадиги и разрешение остаться при своей госпоже.

По истечении положенного срока султан сделался гордым и счастливым отцом трех прелестных девочек, родившихся вместе; он предпочел бы, конечно, чтобы то были не дочери, а сыновья, но утешился тем, что три дочери сразу — вовсе не плохо для человека в его годах и к тому же левши. В связи с этим счастливым событием он, подобно всем мусульманским государям, обратился к астрологам. Астрологи рассмотрели гороскопы принцесс и покачали головами.

— Дочери, о повелитель, — сказали они, — никогда не бывают надежною собственностью; твои же, достигнув зрелого возраста, потребуют особо бдительного надзора. Вот почему, когда придет время, собери их под свое крылышко и не доверяй никому.

Среди придворных Мохамед Левша пользовался славою мудрого государя и сам, несомненно, держался того же мнения. Предсказание астрологов не причинило ему особого беспокойства, ибо, веря в свой ум, он полагал, что сможет уберечь дочерей и перехитрить волю судьбы.

Рождение трех дочерей было последним супружеским трофеем монарха: у султанши детей больше не было, и через несколько лет она умерла, поручив трех малюток его любви, а также верности благоразумной Кадиги.

До достижения принцессами опасного, то есть брачного, возраста оставались еще многие годы, но предусмотрительный и мудрый султан счел необходимым заранее принять меры предосторожности и решил воспитывать дочерей в своем замке, называвшемся Салобренья. Это был роскошный дворец, вставленный, так сказать, в грозную мавританскую крепость на вершине горы у самого Средиземного моря. В сущности, эта крепость служила тюрьмою для принцев, и мусульманские государи заточали в нее своих казавшихся им небезопасными родичей, разрешая узникам роскошь и развлечения, среди которых, в сладострастной неге и праздности, те и проводили всю свою жизнь.

Здесь и поселили принцесс, отгороженных от всего мира высокими стенами, но окруженных удовольствиями и прислужницами-рабынями, спешившими предупредить их прихоти и желания.

В их распоряжении находились восхитительные сады, изобиловавшие редчайшими цветами и фруктами, благоу-

ханские роши, бани с ароматическими маслами и благовониями. С трех сторон из окон замка открывался вид на плодороднейшую долину, пестревшую красками самых разнообразных полевых и садовых культур и запертую на горизонте горделивой грядой Альпухары, а с четвертой — видно было залитое солнцем безбрежное море.

В этом чудесном убежище, среди роскошной природы, под безоблачным небом три принцессы превратились в редкостных красавиц, и хотя они воспитывались все вместе, в каждой из них обнаружились известные особенности характера. Принцесс звали: Са́йда, Сорáйда, Сораáйда, и таков же был порядок их старшинства, ибо между рождением каждой из них протекло ровно по три минуты.

Саида, старшая, обладала бесстрашной душой и во всем вела за собою сестер, подобно тому как это случилось при их появлении на свет. Она была любопытна, любознательна и полна стремления доискиваться сути вещей.

Сораида испытывала неодолимое влечение к красоте и, конечно, поэтому обожала смотреться в зеркало или в воды фонтана, страстно любила цветы, драгоценности и другие прелестные вещи.

Что касается Сорааиды, самой младшей из них, то она была тихой и робкой, в высшей степени чувствительной и преисполненной нежности, как это явствует хотя бы из того, что у нее было множество любимых цветов, любимых птиц и любимых животных, которых она окружала ласкою и заботами. Ее развлечения также отличались изяществом и благородством, ибо состояли из размышлений и грез. Она могла часами просиживать на балконе, созерцая искрящиеся звезды летнего неба или освещенное лунным сиянием море; в такие мгновения песнь рыбака, едва доносящаяся с далекого пляжа, или звуки мавританской флейты, льющиеся со скользящего вдоль берега судна, вселяли в ее душу восторг. Малейшее волнение стихий повергало ее, однако, в неодолимый ужас, и раскат грома лишал ее чувств.

Годы текли спокойно и безмятежно. Благоразумная Кадига, которой было вверено попечение о принцессах, ревностно относилась к своим обязанностям и денно и нощно окружала своих питомиц заботами.

Замок Салобренья, как уже сказано, был построен на горе у самого моря. Одна из его внешних стен, спускаясь по склону горы, обрывалась на повисшей над водою скале, у подножия которой стелилась узкая полоска песчаного пляжа, омываемого немолчным прибоем. На гребне этой скалы стояла небольшая сторожевая башня, которая была

переделана в павильон с решетчатыми ставнями, открывавшими доступ ветерку с моря. Здесь принцессы имели обыкновение проводить знойные полуденные часы.

Любознательная Саида сидела однажды у окна павильона, в то время как ее сестры, прикорнув тут же на оттоманках, предавались сиесте, то есть полуденной дреме. Вдруг ее внимание было привлечено галерою, весла которой размеренно поднимались и опускались и которая плавно продвигалась вдоль берега. Когда галера подошла ближе, принцесса заметила, что она полна вооруженных людей. Судно бросило якорь у подножия башни; с него на берег высадилось некоторое число мавританских воинов, сопровождавших нескольких пленных христиан. Любознательная Саида разбудила сестер: все три прильнули к оконной решетке, скрывавшей их от постороннего взгляда. Между пленниками находились три богато одетых испанца. Они были в расцвете юности, отличались благородной осанкой, и достоинство, с которым они держались (несмотря на то, что были закованы в цепи и окружены врагами); говорило о величии их непокорных душ. Принцессы, затаив дыхание, не сводили с них глаз. Принимая во внимание, что, запертые среди женской прислуги, они никогда не видали, кроме черных рабов и грубых рыбаков побережья, никого из мужчин, мы не станем удивляться, что появление трех юных, наделенных мужественной красотой кавалеров произвело немалое волнение в их сердцах.

— Ступал ли кто-нибудь по земле благороднее этого кавалера в малиновом! — вскричала Саида, старшая из сестер. — Посмотрите, как гордо он держится! Точно все окружающие — его же собственные рабы.

— Обратите внимание на кавалера в синем! — воскликнула Сораида, — сколько в нем изящества, сколько грации, сколько мужества!

Нежная Сораида не молвила ничего, но в душе отдала предпочтение кавалеру в зеленом.

Принцессы не отрывали взоров от пленников, пока те не скрылись из вида; затем, глубоко и печально вздохнув, они отошли от окна, взглянули одна на другую и уселись, мечтательные и томные, на свои оттоманки.

Вошедшая спустя некоторое время Кадига нашла их все в том же положении; они сообщили ей обо всем, что видели, и даже высохшее сердце дуэньи было тронута их рассказом.

— Бедные юноши! — воскликнула она, — готова поручиться, что их плен причиняет немало страданий прекрасным и знатым дамам их родины! О дети мои, вы не имеете

ни малейшего представления о жизни этих кавалеров у себя дома! Сколько доблести на турнирах! Какое поклонение дамам! Какие ухаживания и серенады!

Любознательная Саида зажглась любопытством. Она была ненасытна в своих расспросах и заставила дуэнью поведать о днях ее юности и нарисовать живописные сцены родной страны. А когда речь зашла об испанских женщинах и их красоте, прекрасная Сораида стала лукаво поглядывать в зеркало и прихорашиваться, тогда как Сораида с трудом подавила горестный вздох, услышав о серенадах при лунном свете.

Всякий день любознательная Саида возобновляла расспросы, и всякий день рассудительная дуэнья повторяла свои рассказы, которые выслушивались ее питомицами с глубоким вниманием, хотя зачастую и прерывались нежными вздохами. Наконец благоразумная старая женщина поняла, что допустила ошибку. Она привыкла смотреть на принцесс как на малых детей; между тем они успели на ее глазах не приметным образом вырасти, и теперь перед нею цвели три прекрасные девушки брачного возраста. «Пришла пора, — решила дуэнья, — оповестить об этом султана».

Однажды утром, когда Мохамед Левша восседал на диване в одной из дышащих прохладою зал Альгамбры, из крепости Салобренья прискакал раб с посланием благоразумной Кадиги, поздравлявшей его с днем рождения дочерей. Раб одновременно доставил султану изящную маленькую корзинку, которую украшали цветы и внутри которой на ложе из виноградных и фиговых листьев покоились персик, абрикос и нектарин, яркие, покрытые пушком, еще смоченные росой и едва только созревшие. Монарх был сведущ в восточном языке плодов и цветов и сразу разгадал смысл аллегорического подношенья Кадиги.

— Итак, — сказал он себе, — опасный период, о котором толковали астрологи, наконец наступил: мои дочери достигли брачного возраста. Что же предпринять дальше? Они скрыты от взгляда мужчин; они под неусыпным надзором благоразумной Кадиги; все это отлично, но они все же не у меня на глазах, как это предписали астрологи. Я должен собрать их под свое крылышко и надзора за ними не доверять никому.

Сказав это, он повелел приготовить к их приезду одну из башен Альгамбры и отправился во главе отряда телохранителей в Салобренью, чтобы лично доставить оттуда принцесс.

Прошло почти три года с тех пор, как Мохамед лицезрел в последний раз дочерей. Он едва поверил глазам при виде

той поразительной перемены, которая в столь короткий срок произошла в их наружности. За это время они переступили тот поразительный порог в жизни женщины, который отделяет угловатую, еще не развившуюся и безмятежную девочку от прелестной, застенчивой и мечтательной девы. Этот переход подобен переходу от плоских, высохших и скучных равнин Ламанчи к роскошным долинам и живописным холмам Андалусии.

Саида была высокого роста и хорошо сложена; ее манеры были свободны и взгляд проницателен. Она вошла смелым, решительным шагом и низко поклонилась Мохамеду, чтя в нем скорее своего властелина, чем родного отца. Сораида была среднего роста, с обворожительным взглядом и плавной походкой, и ее блистательная красота казалась еще более ослепительной благодаря роскошному платью. Она подошла к отцу с улыбкою на устах, приложилась к его руке и приветствовала его стихами прославленного поэта, чем доставила монарху неизъяснимое удовольствие. Сораида была застенчива и робка, ростом поменьше сестер, и в ее красоте было что-то молящее, ищущее ласки и покровительства. Она не была предназначена повелевать, подобно старшей сестре, или обольщать, как вторая, но скорее была создана, чтобы безраздельно отдаться любви и в этом найти свое счастье. Она робко, едва не падая от волнения, подошла к отцу и хотела поцеловать его руку, но, взглянув на него и увидав на его устах родительскую улыбку, уступила порыву души и бросилась ему на шею.

Мохамед Левша разглядывал своих обворожительных дочерей с гордостью и одновременно с тревогой, ибо, восторгаясь их красотой, он вспоминал предсказанья астрологов.

— Целых три дочки, три дочки, — бормотал он про себя, — и все в брачном возрасте! Вот они — соблазнительные плоды Гесперид, уберечь их может только дракон!

Готовясь возвратиться в Гранаду, он выслал на гонцов с приказанием, чтобы никто не смел выходить на дорогу, по которой ему предстояло проехать, и чтобы при приближении принцесс все двери и окна были наглухо заперты. Сделав это, он выехал во главе отряда, состоявшего из черных всадников страшного вида, облаченных в сверкающие доспехи.

Вслед за султаном на прекрасных белых лошадках, покрытых бархатными, расшитыми золотом, волочащимися по земле попонами, ехали закутанные в покрывала принцессы. Удила и стремяна у лошадок были из золота, на

шелковых поводьях сверкал жемчуг и драгоценные камни. Лошадки были увешаны маленькими серебряными бубенчиками, мелодично звеневшими, когда они шли легкою иноходью. И горе тому несчастному, который, услышав звон бубенцов, замешкается на проезжей дороге, — страже было приказано беспощадно рубить такого.

Кавалькада приближалась уже к Гранаде, когда на берегах Хениля ей встретился небольшой отряд мавров, сопровождавший нескольких пленных. Солдаты не успели сойти с дороги и незамедлительно пали ниц, приказав пленникам последовать их примеру. Среди пленных находились те самые кавалеры, которых принцессы видели из окна павильона. Они или не поняли приказания, или были слишком горды, чтобы ему подчиниться: стоя во весь рост, разглядывали они приближавшихся всадников.

Султан возгорелся гневом и пришел в ярость при виде столь дерзкого ослушания. обнажив ятаган и погнав коня, он готовился уже своей левой рукой нанести удар, который мог оказаться роковым, по крайней мере, для одного из дерзновенных зевак, но его окружили принцессы и стали молить о прощении пленников; даже робкая Сорааида — и та поборола свою застенчивость и обрела красноречие. Мохамед застыл с поднятым ятаганом, и как раз в этот момент к его ногам пал начальник отряда.

— Да не свершит ваше величество, — сказал он, — деяния, которое может причинить большие неприятности государству. Эти трое — храбрые и благородные испанские рыцари, которые были захвачены в битве, они сражались как львы. Они — знатного происхождения и могут внести весьма значительный выкуп.

— Довольно! — сказал султан. — Я оставляю им жизнь, но покараю за дерзость; поместить их в Алые башни и приставить к тяжелым работам!

Мохамед и на этот раз взялся за дело не с того конца, с которого следовало. Во время суматохи покрывала трех прекрасных принцесс были откинута назад, их лица открылись, и во всей своей ослепительности обнаружилась их красота. Затянув объяснение по поводу происшедшего, султан предоставил их красоте достаточно времени, чтобы произвести на испанцев должное впечатление. В те дни влюблялись гораздо стремительнее, чем ныне, как об этом свидетельствуют решительно все старинные повести, — и поэтому неудивительно, что сердца трех кавалеров были окончательно пленены, тем более что к их восхищению присоединялась еще благодарность. Несколько странно, но

тем не менее положительно верно, что каждый из них восхищался именно тою красавицей, к которой остались равнодушны его товарищи. Что касается принцесс, то их еще больше, чем прежде, поразило мужество пленников, и они запечатлели в сердцах все, что слышали об их доблести и знатном происхождении.

Кавалькада двинулась дальше; принцессы задумчиво ехали на своих позвякивающих бубенчиками лошадках; время от времени они оборачивались и украдкой поглядывали на пленников, тогда как эти последние продолжали свой путь в назначенные им Алые башни.

Приготовленные принцессам покои были так изысканно утонченны, как только можно себе представить. Они находились в башне, возвышавшейся несколько в стороне от основного дворца Альгамбры, но соединенной с ним главной оборонительной стеной, окружавшей вершину горы. Их окна с одной стороны выходили на внутренний двор крепости, где у подножия башни был разбит небольшой сад, в котором произрастали редкостнейшие цветы. С другой стороны из их комнат открывался вид на глубокий овраг, отделявший уголья Альгамбры от угодий Хенералифе. Внутри башня была разделена на небольшие сказочно роскошные комнатки, прелестно отделанные в воздушном арабском стиле, с выходом в высокий сводчатый зал, потолок которого поднимался почти вровень с вершиною башни. Стены и покрытие зала были украшены росписью и резьбой, сверкали позолотой и яркими красками. На мраморном полу посреди зала был сооружен алебастровый фонтан, обсаженный благоухающими кустами и чудеснейшими цветами, бивший струею воды, которая охлаждала все помещение и навевала дремоту своим журчанием. Вдоль стен висели клетки из серебряной и золотой проволоки, в которых сладчайшими голосами распевали птицы с редкостным оперением.

Находясь в Салобренье, принцессы, согласно донесениям Кадиги, были неизменно веселыми и жизнерадостными, и султан ожидал, что они придут в восхищение от Альгамбры. Однако, к его изумлению, они начали чахнуть, грустить и выражать неудовольствие по поводу всего, что их окружало. Цветы казались им лишенными аромата, песнь соловья мешала им спать по ночам, а алебастровый фонтан раздражал их своим вечным, с утра до ночи и с ночи до утра, журчаньем и плеском.

Султана, обладавшего крутым и деспотическим нравом, сначала по этому случаю охватило негодование, но затем

он вспомнил, что его дочери достигли того возраста, когда девушка развивается в женщину, ее желания возрастают и она становится более требовательной.

— Они больше не дети, — сказал он себе, — они превратились в женщин и нуждаются в развлечениях, подходящих их полу и возрасту.

По этой причине он обложил данью всех портных, ювелиров, золотых и серебряных дел мастеров гранадского Сакатина — и на принцесс, как из рога изобилия, посыпались шелковые, парчовые, шитые золотом и серебром платья, кашемировые шали, ожерелья из жемчуга и алмазов, кольца, браслеты, золотые обручи для ног и все что только ни есть драгоценного.

Ничто, однако, не помогало; среди всей этой роскоши принцессы продолжали бледнеть и вянуть, уподобляясь трем поблекшим бутонам роз, поникшим на общем стебле. Султан не на шутку встревожился. Вообще говоря, он имел похвальную привычку доверять лишь собственным мнениям и поэтому никогда ни с кем не делился своими тревогами. «Впрочем, — подумал он, — капризы и прихоти трех девиц брачного возраста способны поставить в тупик даже самый пронцательный ум», — и по этой причине впервые в жизни решил прибегнуть к чужому совету.

Лицо, к которому он обратился, была многоопытная дуэнья.

— Я знаю, Кадига, — молвил султан, — ты — одна из наиболее благоразумных женщин на свете, я знаю также, что ты вместе с тем — одна из наиболее заслуживающих доверия, поэтому-то я и приставил тебя к моим дочерям. Но отцовская осторожность в отношении лиц, на которых полагаешься в таком щекотливом деле, никогда не бывает излишней или чрезмерной. Я хочу, чтобы ты выяснила причину таинственного недуга, который точит и изнуряет принцесс, и придумала средство возвратить им здоровье и веселое расположение духа.

Кадига взялась выполнить повеление. И действительно, она знала о болезни принцесс гораздо больше, чем они сами. Тем не менее, запершись с ними наедине, она сделала попытку добиться их откровенности.

— В чем причина, милые дети, — сказала она, — что в таком чудесном месте, где вы располагаете решительно всем, чего только может пожелать сердце, вас гложут печаль и уныние?

Принцессы окинули равнодушным взглядом свои апартаменты и вздохнули.

— Быть может, вам чего-нибудь хочется? Не достать ли вам знаменитого попугая, говорящего решительно на всех языках и приводящего в восхищенье Гранаду?

— Фи, мерзость! — воскликнула принцесса Саида. — Ужасная, крикливая птица, лопочущая слова, лишённые всякого смысла; надо быть совершенно безмозглым, чтобы выносить подобную дребедень.

— В таком случае не послать ли за обезьяной с гibraltarской скалы; уж она, по крайней мере, доставит вам развлечение своими ужимками?

— Обезьяна? Фу! — возмутилась на этот раз Сораида. — Ведь она — отвратительное подобие человека. Ненавижу этих противных животных!

— А что вы скажете о Каземе, знаменитом черном певце султанского сераля в Марокко? Говорят, что его голос столь же высок и тонок, как голоса женщин.

— Я пугаюсь при виде черных рабов, — молвила впечатлительная Сораида, — кроме того, я потеряла вкус к музыке.

— Ах, дитя мое, ты бы этого не сказала, — ответила лукавая старая женщина, — нет, не сказала бы, если бы тебе довелось послушать ту музыку, которую вчера вечером слышала я. Пели те самые испанские кавалеры, которых встретили по дороге. Но, помилуй бог, почему вы все трое покраснели и пришли в такое волнение?

— Ничего, ничего, матушка, продолжайте!

— Итак, проходя вчера вечером мимо Алых башен, я увидела трех кавалеров, отдохавших после дневного труда. Один из них мило играл на гитаре, тогда как двое других пели по очереди, и делали это так хорошо, что даже стража — и та застыла как статуи или как заколдованные волшебными чарами люди. Да простит мне аллах! Меня глубоко тронули песни моей страны. К тому же нелегко видеть красивых и знатных юношей в порабощении и в цепях.

Здесь добрая женщина не могла удержаться от слез.

— Но, быть может, матушка, вы доставите нам возможность взглянуть на этих трех кавалеров? — сказала Саида.

— Я думаю, — добавила Сораида, — что музыка нас чуточку развлекла бы.

Робкая Сораида не вымолвила ни слова, но крепко обвила руками шею Кадиги.

— Покорно благодарю! — воскликнула благоразумная женщина. — О чем вы, дети, толкуете? Ваш отец предал бы нас немедленной смерти, если бы услышал о подобных ве-

цах. Кавалеры, правда, производят впечатление отлично воспитанных и образованных юношей, но что нам до этого? Они — враги нашей веры, и вы должны думать о них не иначе как с омерзением.

Женский нрав, особенно когда приходит пора замужества, являет собой образец достойной удивления непреклонности, и его не могут остановить ни опасности, ни запреты. Принцессы повисли на своей старой дуэнье, уговаривали ее, умоляли и решительно заявили, что ее отказ разобьет их сердца.

Что оставалось ей делать? Она, вне всяких сомнений, была самой благоразумной старухой на свете и одной из наиболее верных служанок своего повелителя, но разве она могла допустить, чтобы сердца трех прекрасных принцесс были разбиты из-за какого-то брэнчанья гитары? К тому же, хотя она и жила довольно давно среди мавров и, будучи предана своей госпоже, даже переменила вместе с ней веру, тем не менее родилась в Испании, и в ее сердце продолжали жить кое-какие христианские воспоминания. И вот она принялась размышлять, каким путем выполнить волю принцесс.

Заключенные в Алых башнях христианские пленники находились под надзором украшенного большими бакенбардами широкоплечего ренегата по имени Гуссейн-Баба, славившегося тем, что у него постоянно чесались руки. Кадига отправилась к этому ренегату и, сунув ему в руку большую золотую монету, сказала:

— Гуссейн-Баба, мои госпожи, три принцессы, томящиеся в башне и жаждущие любых развлечений, проведали о музыкальных талантах испанских дворян и хотели бы послушать их пение, чтобы удостовериться в их мастерстве. Я уверена, что ты человек добрый и не откажешься удовлетворить столь невинную просьбу.

— Как? Чтобы вслед за этим моя голова оскалила зубы на воротах моей собственной башни! Ибо таково будет возмездие, если султан об этом узнает.

— Такой опасности не существует; дело можно обставить так, что желание принцесс будет исполнено, а их отец ни о чем не проведаст. Тебе известен, конечно, глубокий овраг по ту сторону стен, протянувшийся у самого подножия башни. Устрой так, чтобы трое христиан работали в этом овраге, а в перерыве между трудами играли и пели, как бы для своего удовольствия. Таким путем принцессы из окон своей башни смогут их слышать; можешь быть уверен, что твоя снисходительность будет щедро оплачена. — За-

кончив речь, славная старуха еще раз стиснула шершавую руку непреклонного ренегата и оставила в ней вторую золотую монету.

Ее красноречие оказалось неотразимым. Уже на следующий день кавалеры были поставлены на работу в овраг. В полуденный зной, когда их товарищи по работе спали в тени, а стража на своих постах мирно клевала носом, они уселись на траву, у подножия башни, и под аккомпанемент гитары запели испанские ронделе.

Лощина была глубокой, башня высокая, но в безмолвии летнего дня их голоса звучали ясно и звонко. Принцессы слушали их у себя на балконе — они выучились испанскому языку у дуэньи — и были растроганы нежностью песни. Благоразумная Кадига, напротив, вспылала негодованием.

— Да хранит нас аллах! — вскричала она. — Они поют любовную песенку, в которой обращаются не к кому иному, как к вам! Доводилось ли хоть одному смертному наблюдать подобную дерзость? Я сейчас же помчусь к надсмотрщику и попрошу, чтобы их как должно отколотили палками.

— Что? Отколотили палками столь благородных кавалеров, и только за то, что они так чудесно поют! — При мысли об этом три прекрасные принцессы исполнились ужаса. При всем своем добродетельном негодовании добрая старая женщина была отходчива и легко успокаивалась. Кроме того, музыка, по-видимому, благотворно подействовала на ее юных питомиц. Во всяком случае, на их щеках заиграл румянец, а их глаза заблестели. Она не стала поэтому препятствовать кавалерам петь свои любовные песни.

Пение смолкло; принцессы погрузились в молчание. Наконец Сораида взяла лютню и приятным, но слабым и дрожащим голосом прошебетала коротенький арабский романс на тему: «Роза таится меж листьев, но с упоением слушает песнь соловья».

Начиная с этого времени кавалеры почти ежедневно трудились в овраге. Благоразумный Гуссейн-Баба становился все снисходительнее и с каждым днем обнаруживал все большую склонность дремать на посту. Постепенно между принцессами и кавалерами установился оживленный обмен песнями и романсами, которые отвечали в известном смысле друг другу и были проникнуты одними и теми же чувствами. С течением времени принцессы стали выходить на балкон, когда могли это сделать, не будучи замечены стражею. Они разговаривали теперь с кавалерами при посредстве цветов, символический язык которых знали

и те и другие. Трудность общения придавала ему особую прелесть и укрепляла их столь необыкновенным образом возникшую страсть — ведь любовь обожает препятствия, и ее древо лучше всего произрастает на самой бесплодной почве.

Перемена во внешности и настроении принцесс поразила и обрадовала незадачливого султана. Но никто не ликовал больше благоразумной Кадиги, полагавшей, что все это — плоды ее ловкости и умения.

Это телеграфическое общение принцесс с испанскими пленниками внезапно прервалось; кавалеры уже несколько дней не показывались в овраге. Напрасно обворожительные принцессы выглядывали из башни, напрасно вытягивали они свои лебединые шейки, напрасно пели, как соловьи, заключенные в клетку. Их возлюбленные-христиане исчезли, и из зарослей больше не доносилось ни звука. Благоразумная Кадига отправилась на разведку и вскоре возвратилась с озабоченным, вытянутым лицом.

— Ах, дети мои, — вскричала она, — я заранее знала, чем все это кончится, но вы проявили такую настойчивость! Свои лютни вы можете теперь отложить за ненадобностью! За испанских пленников внесен выкуп — они ныне в Гранаде и собираются возвратиться на родину.

При этом известии прекрасные принцессы впали в отчаяние. Красотка Саида негодовала, что ими пренебрегли, что их покинули, не простившись. Сораида ломала руки, рыдала, гляделась в зеркало, вытирала слезы и снова рыдала. Кроткая Сорааида, склонившись над балконом, тихонько плакала, и ее слезы капля за каплей падали на скамью цветника, на которой нередко сиживали неверные кавалеры.

Благоразумная Кадига делала все от нее зависящее, чтобы смягчить их печаль.

— Успокойтесь, детки, — говорила она, — велика важность, что вы к ним привыкли! Такова жизнь. Ах, проживи вы с мое, вы бы знали, чего стоят мужчины! Я уверена, что эти кавалеры имеют возлюбленных испанских красоток Кордовы и Севильи, они вскоре будут петь серенады под их балконами и позабудут мавританских красавиц Альгамбры. Успокойтесь, детки, пусть воспоминанье о них изгладится из ваших сердец!

Слова утешения благоразумной Кадиги лишь удвоили горе прекрасных принцесс, и целых два дня они никак не могли утешиться. На утро третьего дня славная старуха вошла в их покои, кипя и пылая негодованием.

— Кто бы мог предположить подобную наглость? — воскликнула она, лишь только нашла слова, чтобы выразить свои чувства. — Я получила по заслугам за то, что помогла обманывать вашего уважаемого отца. Ни слова больше о ваших испанцах!

— Но что случилось, Кадига? — воскликнули принцессы, едва дыша от волнения.

— Что случилось? Случилось предательство, или — что почти столь же гнусно — мне предложили пойти на предательство, мне, вернейшей из верноподданных, самой преданной из дуэний! Да, дети мои, испанцы пытались меня подкупить, чтобы я убедила вас бежать с ними в Кордову и там стать их женами.

Тут почтенная старая женщина закрыла лицо руками и дала волю своему яростному негодованию и безмерному огорчению. Три прекрасные принцессы бледнели и краснели, краснели и бледнели и трепетали, потупив взоры и переглядываясь, но не сказали ни слова. Между тем старуха сидела, раскачиваясь в сильном волнении взад и вперед, и раздражалась время от времени восклицаниями:

— Как могла я дожить до такого срама, я, преданнейшая из слуг!

Наконец старшая принцесса, самая решительная и всегда во всем руководившая сестрами, приблизилась к ней и, положив ей на плечо руку, произнесла:

— Ах, матушка... предположим, что мы готовы бежать с христианскими кавалерами; осуществимо ли это?

Славная старуха внезапно пресекла свои сетованья и, подняв глаза, повторила:

— Осуществимо ли это? Будьте уверены, что безусловно осуществимо! Разве кавалеры не купили Гуссейна-Бабу, ренегата, начальника стражи, и не разработали плана? Но обмануть вашего отца — отца, который питал ко мне такое доверие! — Здесь достойная женщина снова предалась гневу и огорчению и снова начала раскачиваться взад и вперед, ломая в отчаянье руки.

— Но наш отец никогда нам не верил, — сказала старшая принцесса, — он доверял лишь замкам и засовам и обращался с нами, как с пленницами.

— Увы, это — сущая правда, — отвечала старуха, опять прервав свои горестные стенания, — он действительно обращался с вами весьма неразумно и держал вас взаперти в этой древней унылой башне, где вы губили свою юность и прелесть, подобно розам, увядающим в вазе. Но все же: бежать из родной страны!

— А разве страна, в которую мы убежим, не страна нашей матери, где мы будем жить на свободе? И вместо старого сурового отца не обретет ли каждая из нас любящего супруга?

— Это все правда, и отец ваш, должна признаться, — ужасный тиран, но что же из этого? — вскричала Кадига, снова впадая в негодование. — Неужто вы оставите меня ему на расправу?

— Никоим образом, дорогая Кадига. А почему бы тебе не бежать вместе с нами?

— Разумеется, доченька, и... сказать по правде, когда я толковала об этом с Гуссейном-Бабой, он обещал позаботиться обо мне, если я убегу вместе с вами: но подумайте, детки, готовы ли вы отречься от веры отца?

— Христианская вера была изначальной верой нашей покойной матушки, — сказала старшая из принцесс, — я готова вступить в ее лоно и уверена, что того же пожелают и сестры.

— Сушая правда! — воскликнула, оживившись, старая женщина. — Это и впрямь была изначальная вера вашей покойной матушки, и на смертном одре она выражала горькие сожаления, что отреклась от нее. Я обещала ей неуклонно печься о ваших душах и рада видеть, что теперь они на верном пути к спасению. Да, детки, и я родилась христианкой, в сердце своем я христианка и посейчас, и теперь я решила вернуться к своей истинной вере. Я говорила об этом с Гуссейном-Бабою, который и сам уроженец Испании и происходит из мест, находящихся близ города, где я родилась. Он тоже жаждет снова увидеть родную страну и примириться с христианскою церковью; кавалеры обещали, что, если, по возвращении на родину, мы с ним пожелаем вступить в супружество, они обеспечат нас до конца наших дней.

Словом, короче говоря, оказалось, что эта в высшей степени благоразумная и дальновидная старая женщина не раз уже совещалась с кавалерами и ренегатом, принимая участие в разработке плана побега. Старшая принцесса немедленно его приняла, и ее пример, как обычно, определил поведение обеих ее сестер. Младшая, правда, заколебалась, ибо была наделена нерешительной и робкой душой; в ее сердце происходила борьба между дочерними чувствами и девической страстью; впрочем, страсть, как всегда, одержала победу, и, молча обливаясь слезами и подавляя вздохи, она также стала готовиться в путь.

Обрывистый холм, на котором возведена Альгамбра,

когда-то, в стародавние времена, был изрыт подземными ходами, пробитыми в голой скале и ведшими из крепости в различные части города и к отдаленным воротам для вылазок на берегах Хениля и Дарро. Эти ходы были проложены в разное время мавританскими государями и предназначались для бегства на случай внезапных восстаний, а кроме того, для тайных приключений галантного свойства. Многие ходы ныне начисто позабыты, иные сохранились и по сию пору, но частью завалены мусором, частью замурованы камнем, оставаясь памятниками осторожной предусмотрительности и военных хитростей мавританских владык. По одному из этих проходов Гуссейн-Баба взялся провести принцесс к воротам для вылазок за городскими стенами, где их должны были ожидать кавалеры с резвыми скакунами, чтобы переправить через границу.

Наступила долгожданная ночь побега; принцесс, как обычно, заперли в башне. Альгамбра погрузилась в глубокий сон. Около полуночи благоразумная Кадига отворила окно, выходящее в сад, и прислушалась. Гуссейн-Баба был уже там и подал условный знак. Дуэнья привязала к перилам балкона конец веревочной лестницы, сбросила ее в сад и спустилась вниз. Две старшие принцессы с замиранием сердца последовали за нею, но когда дело дошло до младшей, Сорааиды, она заколебалась и потеряла решимость. Много раз ставила она свою крошечную изящную ножку на зыбкую лестницу и тотчас же отдергивала ее назад, и чем дольше она задерживалась, тем сильнее трепетало ее бедное маленькое сердечко. Она обернулась и окинула опечаленным взглядом свою обитую шелком комнатку; она в ней жила, разумеется, подобно птичке, запертой в клетке, но здесь она чувствовала себя в безопасности: кто может предвидеть, какие превратности судьбы ожидают ее, если она выпорхнет на широкий простор белого света? То она вспоминала своего возлюбленного христианского кавалера, и тогда ее маленькая ножка тянулась к лестнице, то вдруг думала об отце и... отступала назад. Но попытка изобразить душевную борьбу столь юной, нежной, любящей и в то же время столь робкой, не знающей жизни девушки — безнадежное дело.

Тщетно ее умоляли сестры, бранилась дуэнья, разражался, стоя под балконом, проклятьями ренегат — маленькая мавританка, одолеваемая сомнениями, не могла набраться решимости, будучи уже на грани побега: ее соблазняла сладость греха, но страшили его опасности.

Между тем с каждым мгновением угроза провала их

плана все возрастала. Послышался отдаленный топот идущих людей.

— Это ночной патруль! — вскричал ренегат. — Если мы станем мешкать, мы безвозвратно погибли. Принцесса, спускайтесь немедленно, мы уходим!

Сорааида ужасно заволновалась; затем с решимостью отчаяния, отвязав лестницу, она сбросила ее вниз.

— Решено, — крикнула она, — бежать уже невозможно. Да хранит и благословит вас аллах, милые сестры!

Старшие принцессы содрогнулись при мысли, что их сестра остается одна; они помедлили бы еще, но патруль приближался, ренегат рвал и метал, и им поневоле пришлось скрыться в подземный ход. Продвигаясь ощупью по жуткому, пробитому в сердце горы лабиринту, они благополучно достигли железной двери, которая вывела их по ту сторону городских стен. Здесь их уже дожидались испанцы, переодетые солдатами той самой стражи, над которою начальствовал ренегат.

Возлюбленный Сорааиды, узнав, что она отказалась покинуть башню, был вне себя от отчаяния, но предаваться жалобам и стенаниям не было времени. Принцессы уселись на крупы коней позади своих милых, благоразумная Кадига взгромоздилась позади ренегата, и путники пустились крупной рысью по направлению к перевалу Лопе, который ведет через горы к Кордове.

Вскоре после этого с укреплений Альгамбры донесся грохот барабанов и слышались звуки труб.

— Наш побег обнаружен! — вскричал ренегат.

— У нас быстрые скакуны, ночь темна, никто не нагонит нас, — ответили кавалеры.

Они пришпорили лошадей и понеслись по равнине. Они достигли подножия горы Эльвиры, выходящей выступом на дорогу. Ренегат остановил коня и прислушался.

— Пока, — сказал он, — еще никто не напал на наш след. Мы успеем скрыться в горах.

Но не успел он произнести эти слова, как на сторожевой башне в Альгамбре вспыхнул огонь.

— Беда! — вскричал ренегат. — Этот сигнальный огонь поставит на ноги стражу на перевалах. Вперед! Вперед! Гоните коней, как безумные, нельзя терять ни мгновения!

Они помчались как вихрь, и цоканье копыт их коней отдавалось эхом, когда они неслись между скалами по дороге, идущей вокруг скалистой горы Эльвиры. И когда они таким образом мчались, в ответ на тусклый огонь Альгамбры зажглись огоньки во всех направлениях: то тут, то

там вспыхивали они на аталаях, то есть сторожевых башнях в горах.

— Вперед! Вперед! — кричал ренегат, сопровождая свои слова бесчисленными проклятиями: — К мосту! К мосту, прежде чем там проведуют о тревоге!

Они объехали выступ горной гряды и оказались в виду знаменитого моста Пинос, переброшенного через бурный поток, который нередко окрашивался христианской и мусульманской кровью. К своему ужасу, они обнаружили, что башня на мосту горит огнями и сверкает доспехами стражи. Ренегат снова остановил коня, приподнялся на стременах и осмотрелся; затем, махнув рукой кавалерам, свернул с дороги, проскакал некоторое расстояние вдоль реки и кинулся в ее воды. Кавалеры велели принцессам держаться крепче и последовали его примеру. Быстрый поток отнес их несколько в сторону; вокруг с ревом катились волны, но прекрасные принцессы прильнули к своим рыцарям и не издали ни одной жалобы. Кавалеры благополучно достигли противоположного берега, и ренегат, стараясь избегать проезжих дорог, повел их крутыми, почти непроходимыми тропами и глухими оврагами сквозь самое сердце гор. Короче говоря, они достигли старинного города Кордовы, где возвращение кавалеров в родную страну к друзьям было отпраздновано с пышностью и великолепием, ибо они принадлежали к знатнейшим семьям. Прекрасные принцессы были без промедления приняты в лоно католической церкви и, став по свершении надлежащих обрядов подлинными христианками, превратились в счастливых супругов.

Торопясь благополучно завершить переправу принцесс через реку и горы, мы забыли упомянуть о судьбе благоумной Кадиги. Во время скачки по равнине она вцепилась, как кошка, в Гуссейна-Бабу, взвизгивая при каждом толчке и вызывая по этой причине потоки ругательств волосатого ренегата; когда же он погнал коня в воду, ее ужас стал безграничен.

— Не хватайся так крепко, ты мне мешаешь, — вскричал Гуссейн-Баба, — держись за мой пояс и ничего не бойся.

Она обеими руками ухватилась за кожаный пояс, стягивавший живот дородного ренегата, но когда он наконец вместе с кавалерами остановился на вершине горы, чтобы перевести дух, дуэньи нигде не было видно.

— Где же Кадига? — вскричали встревоженные принцессы.

— То ведомо только аллаху, — последовал ответ ренегата, — мой пояс расстегнулся посередине реки, и Кадига

заодно с ним свалилась в поток. Такова воля аллаха; горе мне, то был драгоценный, богато расшитый пояс!

Как бы горько принцессы ни печалились по поводу исчезновения своей благоразумной наставницы, для праздных сожалений времени не было. Впрочем, двужильная старуха утонула, да не совсем: рыбак, забросивший в реку свои сети чуть ниже, вытащил ее на берег и был несказанно поражен своим необыкновенным уловом. О том, что случилось с благоразумной Кадигой в дальнейшем, легенда умалчивает; бесспорно лишь то, что свойственное ей благоразумие побудило ее держаться возможно дальше от Мохамеда Левши.

Почти столь же мало известно о поведении прозорливого монарха после того, как он узнал о бегстве дочерей и о шутке, которую сыграла с ним самая верная из его служанок. Это был единственный случай, когда он прибегнул к чужому совету, и в дальнейшем, насколько известно, никогда больше не был повинен в подобной слабости. Впрочем, он принял необходимые меры охраны последней оставшейся дочери, которая не пожелала бежать, хотя, как полагают, порою сожалела об этом. Ее не раз видели на верхней площадке башни, откуда она грустно взирала на горы в том направлении, где расположена Кордова, а иной раз слышали и ее лютню, сопровождавшую грустные песни, в которых она оплакивала, как говорят, потерю сестер и возлюбленного и сетовала на свое одиночество. Она умерла молодой и, по слухам, была похоронена в подземелье под башней, ее безвременная кончина породила в народе не одну легенду и сказку.

ЛЕГЕНДА О ПРИНЦЕ АХМЕДЕ АЛЬ КАМЕЛЬ, или ПАЛОМНИК ЛЮБВИ

Жил когда-то мавританский султан, повелитель Гранады, и был у него единственный сын, которого он назвал Ахмедом; придворные добавили к этому имени «Аль Камель», то есть «совершенный», ибо с первых же дней младенчества они заметили в нем несомненные признаки сверхисключительных качеств. Астрологи, посулив ему все, что полагается совершенному принцу и преуспевающему владыке, еще больше укрепили их в этом предвидении. Лишь одно-единственное облачко застилало его судьбу, но и оно, в сущности, было окрашено в розовый цвет: ему

предсказали, что он будет влюбчив и, воспылав нежною страстью, претерпит великие бедствия. Впрочем, если его сумеют уберечь от соблазнов любви до достижения им зрелого возраста, эти бедствия удастся предотвратить и вся его дальнейшая жизнь будет непрерывной прогулкой по стезе счастья.

Стремясь раз и навсегда избавиться от опасности подобного рода, мудрый султан решил воспитать сына в полном затворничестве, дабы он не только никогда не увидел женского личика, но даже не услышал самого слова «любовь». С этой целью на вершине горы, что подымается над Альгамброй, среди прелестных садов он построил роскошный дворец и окружил его высокими стенами; кстати, это тот самый дворец, который ныне известен под именем Хенералифе. В этом дворце и поместили юного принца, отдав его под надзор и доверив его воспитание Эбен Бонабену, одному из глубокомысленнейших и наиболее сухих арабских философов, прошедшему бóльшую часть своей жизни в Египте, где он изучал иероглифы и занимался исследованием пирамид и гробниц, находя неизмеримо больше очарования в египетской мумии, чем в самой обольстительной между живыми красавицами. Мудрецу было велено обучить принца всем отраслям знаний, кроме одной — юноше надлежало остаться круглым невеждой в науке любви.

— Прими любые, необходимые, на твой взгляд, меры предосторожности, — сказал султан, — но помни, о Эбен Бонабен, что, если сын мой, находясь на твоём попечении, постигнет хоть что-нибудь из этой запретной области знания, ты мне ответишь за это своей головой.

При этой угрозе по высохшему лицу мудрого Бонабена пробежала безжизненная усмешка.

— Пусть ваше величество будет столь же спокойно за сына, как я за свою голову. Разве похож я на человека, дающего уроки пустой и суетной страсти?

И вот под бдительным оком философа принц уединенно рос в тиши дворца и садов. Его, правда, неизменно сопровождали черные рабы — страшные и немые, — но ведь они ровно ничего не понимали в любви, а если и понимали, то у них не было слов, чтобы сообщить о ней принцу. Его умственное развитие — вот о чем больше всего заботился Эбен Бонабен, стремившийся посвятить его в сокровенную науку Египта, но принц обнаруживал в этом весьма посредственные успехи, и вскоре стало вполне очевидным, что он не имеет склонности к философии.

Для юного принца он был даже слишком послушлив, готов следовать любому совету и всегда внимал последнему из советчиков. Он подавлял зевоту и терпеливо выслушивал длинные учнейшие речи Эбен Бонабена, от которого перенял множество разнообразных поверхностных знаний. Так, живя тихо и мирно, он благополучно достиг своего двадцатого года, являясь среди принцев чудом премудрости, но в то же время круглым невеждой во всем, что касалось любви.

Приблизительно в это время в поведении принца произошла, однако, резкая перемена. Он совершенно забросил занятия и принялся бродить по садам и мечтать у фонтанов. Кроме своих разнообразных познаний, он обладал также некоторым пониманием музыки: теперь она поглощала большую часть его времени, у него явно обнаружились поэтические склонности. Мудрый Эбен Бонабен не на шутку встревожился и постарался побороть эти праздные настроения с помощью суровой и строгой алгебры, но принц отвернулся от нее с явным неудовольствием.

— Я не выношу алгебры, — сказал он, — она внушает мне отвращение. Я хочу чего-нибудь, что больше говорило бы моему сердцу.

Выслушав эти слова, мудрый Эбен Бонабен покачал своей высохшей головой. «Пришел конец философии, — подумал он. — Принц открыл в себе сердце». Он еще пристальнее начал следить за своим питомцем и обнаружил, что скрытая нежность его натуры рвется наружу и что ей недостает лишь предмета, на который она могла бы излиться. Принц блуждал по садам Хенералифе в душевном смятении, о причине которого не догадывался. Иногда он погружался в сладостные мечты; то он брался за лютню и извлекал из нее изумительно трогательные, хватающие за душу звуки, то внезапно отбрасывал ее прочь и предавался вздохам и горестным восклицаниям.

Любовное томление, овладевшее принцем, со временем нашло для себя отдушину в обожании неодушевленных предметов: у него появились излюбленные цветы, которые он лелеял с нежным постоянством; затем он особенно привязался к некоторым деревьям, в особенности одно среди них — стройное, с поникшей листвой — вызывало с его стороны влюбленное поклонение; он вырезал на его коре свое имя, увешивал его ветви гирляндами и пел под аккомпанемент лютни сложенные во славу его романсы.

Мудрого Эбен Бонабена не на шутку встревожило возбужденное состояние, в котором пребывал его ученик. Он

видел его у самой грани запретного знания: малейший намек мог открыть ему страшную тайну. Дрожь за благополучие принца и целостность собственной головы, он поторопился отвлечь его от скрытых в саду соблазнов и запер в самой высокой башне Хенералифе. В ней было много роскошных покоев, из которых открывался почти безграничный вид на окрестности, но она высоко подымалась над царством неги и чарующих, однако коварных беседок и павильонов, столь опасных для чрезмерно чувствительного Ахмеда.

Но что же такое придумать, чтобы примирить его с заключением и скрасить долгие, томительные часы? Не говоря уже об алгебре, он исчерпал почти все науки, способные доставлять приятное развлечение. К счастью, Эбен Бонабен еще в Египте изучил язык птиц — ему преподавал его один еврейский раввин, унаследовавший эти редкостные познания по прямой линии от Соломона Премудрого, в свою очередь обучившегося этому языку у царицы Савской. При одном упоминании о такого рода занятиях глаза принца загорелись воодушевлением, и он с таким жаром взялся за дело, что вскоре достиг в этой области столь же высокого совершенства, как и его учитель.

Башня Хенералифе перестала быть для него местом одиночного заключения; он имел теперь в изобилии собеседников, с которыми мог разговаривать. Первый, с кем свел он знакомство, был ястреб, гнездившийся в выемке между высокими стенными зубцами, откуда он вылетал далеко и надолго, высматривая добычу. Впрочем, он не внушил принцу ни уважения, ни любви. Это был самый обыкновенный воздушный пират, хвастливый и чванный, который только и толковал что о грабеже, разбое и отчаянных подвигах.

Вслед за тем познакомился он с совою. Это была чрезвычайно важная птица с весьма глубокомысленной внешностью, огромною головой и уставленными в одну точку глазами, которая, щурясь и мигая, целый день неподвижно сидела в расщелине стены и слонялась где-то всю ночь напролет. Она мнила себя философом, любила потолковать об астрономии и луне, намекала, что ей не чужды магия и чернокнижие, увлекалась метафизикой; принц нашел ее разглагольствования еще более тяжеловесными, чем рассуждения великого мудреца Эбен Бонабена.

Там была еще летучая мышь, висевшая в течение дня вниз головой в темном углу у основания свода и выбиравшаяся оттуда ужасной растрепой лишь с наступлением сумерек. У нее, однако, относительно всего были какие-то

сумеречные понятия: она насмеялась над тем, о чем имела неверное представление, и ничто, по-видимому, ее не радовало.

Кроме них, была еще ласточка, от которой вначале принц был без ума. Она была остроумной, веселою говоруньей, но при этом невероятно непоседливой, суетливой, всегда на отлете. Она почти никогда не задерживалась для сколько-нибудь связной беседы, и в конце концов выяснилось, что она — просто невежда, скользит по поверхности вещей и явлений, полагая, что знает решительно все, тогда как в действительности ничего толком не знала.

Вот перечень тех пернатых друзей, с которыми принцу случалось упражняться в недавно усвоенном языке: башня была слишком высокой, чтобы ее могли посещать и другие птицы. Его новые знакомцы, впрочем, вскоре ему наскучили, ибо беседа с ними очень мало говорила уму и ничего сердцу; вот почему он понемногу вернулся к своему прежнему одиночеству. Миновала зима; в пышном цветении, в зелени, напоенная дыханием свежести, распустилась весна; для птиц настала счастливая пора свадеб и гнездования. Внезапно в сады и рощи Хенералифе, можно сказать, ворвались песни, чириканье и щебетанье; они донеслись и к принцу в уединение его башни. Со всех сторон он слышал все то же: любовь, любовь, любовь — о ней пели, ей отвечали в бесконечном многообразии голосов и звуков. Принц молча и в недоумении вслушивался. «Что представляет собой эта любовь, которой, по-видимому, полон весь мир и в которой я ничего не смыслю?» За разъяснениями он обратился к своему приятелю — ястребу. Хищная птица ответила презрительным тоном:

— Тебе следует обратиться к мирным птицам земли, созданным для того, чтобы служить добычей нам, князьям воздуха. Мое ремесло — война, мое наслаждение — в битвах. Я воин и ровно ничего не смыслю в том, что зовется любовью.

С омерзением отошел принц от ястреба и отыскал сову в ее темном убежище. «Эта птица, — подумал он, — ведет мирную и спокойную жизнь, и она, вероятно, сможет разрешить мой вопрос». Он попросил сову разъяснить ему, что такое любовь, о которой все птицы расппевают в рощах внизу. В ответ сова взглянула на него с видом оскорбленного достоинства.

— Мои ночи, — молвила она, — посвящены ученым трудам и исследованиям, а дни — размышлению у себя в келье о том, что я изучила. Что же касается певчих птиц, о которых

ты говоришь, я никогда не слушаю их; я презираю их и их песни. Хвала аллаху! Я не могу петь. Я — философ и ничего не смыслю в том, что зовется любовью.

Принц направился к своду, где вниз головой висела его приятельница — летучая мышь; он обратился к ней с тем же вопросом. Летучая мышь наморщила нос, весь ее облик изобразил крайнее раздражение.

— Зачем ты потревожил мою утреннюю дремоту столь праздным вопросом? — сердито пропищала она. — Я летаю лишь в сумерки, когда птицы давным-давно спят, я не утруждаю себя их делами. Я не птица и не животное, благодарение небу! Я обнаружила низость и подлость как тех, так и других; я ненавижу каждого из них в отдельности и всех взятых вместе. Одним словом, я мизантроп и ничего не смыслю в том, что зовется любовью.

Последнею надеждою принца была веселая ласточка; он разыскал ее и окликнул в то мгновение, когда она кружилась над верхушкой башни. Ласточка, как обычно, страшно спешила и едва нашла время, чтобы бросить ему в ответ:

— Честное слово, у меня такая уйма общественных дел, я так занята, что не имела времени подумать над этим вопросом. Ежедневно мне необходимо отдать тысячу визитов, вникнуть в тысячу исключительно важных дел, у меня не остается ни минутки досуга для таких мелочей, как какие-то птичьи песенки. Одним словом, я гражданка вселенной и ничего не смыслю в том, что зовется любовью. — Произнеся эти слова, она нырнула в долину и через мгновение скрылась из глаз.

Принц был разочарован в своих упованиях и совершенно сбит с толку, но его любопытство, встретившись с трудностями, разгорелось с еще большею силою. Случилось, что в то самое время, когда он бился у себя наверху над этим неразрешимым вопросом, к нему поднялся его давний учитель и страж. Принц поспешил навстречу.

— О Эбен Бонабен, — вскричал он нетерпеливо, — ты открыл мне многое из земной мудрости, но есть одна вещь, в которой я сущий невежда, и я хотел бы, чтобы ты ее разъяснил.

— Пусть мой принц задаст свой вопрос, и все, что доступно разуму его преданного слуги, — в его полном распоряжении.

— Скажи мне в таком случае, о глубокомысленнейший из мудрецов, в чем сущность вещи, которая зовется любовью?

Эбен Бонабен, казалось, был поражен громом. Он за-

дрожал и стал белый, как полотно, ему почудилось, что его голова едва держится на плечах.

— Кто подсказал моему принцу подобный вопрос? Где он выучился этому нелепому слову?

Принц подвел его к окну башни.

— Послушай-ка, о Эбен Бонабен, — сказал он.

Мудрец принялся слушать. Внизу, в чаще, у самого подножия башни соловей пел своей возлюбленной розе, — с каждой цветущей ветки, из каждой рощицы неслись сладостные мелодии, — и любовь, любовь, любовь была неизменной темой всех этих песен.

— Алла акбар! Велик аллах! — воскликнул Эбен Бонабен. — Кто осмелился утверждать, что он в силах скрыть от сердца мужчины эту великую тайну, если даже птицы небесные — и те составили заговор, чтобы выдать ее?

Затем, повернувшись к Ахмеду, он торопливо проговорил:

— О мой принц, заткни уши, не слушай этих соблазнительных песен! Замкни ум от этого опасного знания! Знай, что любовь — причина половины бедствий несчастного человечества. Это она сеет вражду и распри между братьями и друзьями, она виновница предательских убийств и опустошительных войн. Заботы и горе, тоскливые дни и бессонные ночи — вот ее спутники. Она губит едва расцветшую душу, отравляет радости юноши и приносит с собою болезни и страдания преждевременной старости. Да сохранит тебя всемогущий аллах, мой принц, в полном неведении относительно того, что зовется любовью!

Мудрый Эбен Бонабен поспешно ретировался, покинув принца в еще большем недоумении. Тщетно пытался принц избавиться от мучившего его неотступно вопроса, — он все сильнее и сильнее овладевал его мыслями и томил бесплодными и пустыми догадками. «Разумеется, — говорил он себе, прислушиваясь к сладостному пению птиц, — разумеется, в этих звуках нет и следа какой-нибудь горести: все говорит о нежности и счастье. Если любовь действительно причина зла и вражды, то почему же все эти птицы не чахнут в уединении или не разрывают друг друга в клочья, но беззаботно порхают в рощах и резвятся среди цветов?»

Однажды утром, еще не встав со своего ложа, он мучительно размышлял над своей неразрешимой загадкой. Окно его комнаты было раскрыто, в него вливался мягкий утренний ветерок, напоенный ароматом цветущих в долине Дарро апельсиновых деревьев. Едва-едва слышалось пение соловья, который пел о том же, о чем пел всегда. Принц

прислушивался к нему и вздыхал. Вдруг до него донеслось громкое хлопанье крыльев: красавец голубь, спасаясь от ястреба, стремительно влетел в окно и, задыхаясь, упал на пол, между тем как преследователь, упустив добычу, унесся стрелою в сторону гор.

Принц поднял изнеможенного голубя, пригладил перышки, согрел у себя на груди. Когда же голубь, возвращенный к жизни его ласками и заботами, пришел немного в себя, он поместил его в золотую клетку и предложил ему из собственных рук чистейшей, отборной пшеницы и самой прозрачной воды. Голубь, однако, отказался от пищи: печальный и тоскующий, он горько стенал.

— Что же удручает тебя? — спросил Ахмед. — Или нет у тебя всего, что может пожелать твое сердце?

— Увы, нет! — грустно ответил голубь. — Разве я не разлучен с подругою моего сердца, и притом в счастливую весеннюю пору, как раз в самое время любви?

— Любви? — переспросил Ахмед. — Прошу тебя, мой голубок, не можешь ли ты рассказать, что такое любовь?

— Могу, принц, и — увы! — даже слишком могу. Для одного это муки, для двоих — счастье, для троих — вражда и раздоры. Это чары, которые влекут друг к другу два существа и сливают их в сладостном упоении, принося им блаженство, когда они вместе, и горе, когда они врозь. Неужели нет никого, к кому бы тебя влекли узы нежного чувства?

— Мой старый учитель Эбен Бонабен приятнее мне, чем все остальные, но и он порою нагоняет на меня скуку, так что по временам я чувствую себя лучше, если он лишает меня своего общества.

— Это не то влечение, которое я имею в виду. Я говорю о любви, величайшем таинстве и основе жизни, хмельном пиршестве юности, трезвом наслаждении зрелой поры. Взгляни, мой принц, ты обнаружишь, что в это благословенное время вся природа полна любви. Всякое живое творение имеет друга или подругу: самая ничтожная птица поет для своей возлюбленной, самый крошечный жук, пресмыкаясь в пыли, домогается взаимности у жучихи, и эти бабочки, которых ты видишь в воздухе, счастливы взаимной любовью. Увы, мой принц! Ужели ты в самом деле растратил столь великое множество драгоценных дней юности, не зная ничего о любви? Разве нет какого-нибудь милого существа противоположного пола, прекрасной принцессы или очаровательной девушки, которая захватила бы в плен твое сердце и наполнила твою грудь

легким волнением сладостных мук и нежных желаний?

— Теперь я начинаю кое в чем разбираться, — сказал принц вздыхая. — Подобное волнение я испытывал неоднократно, но никогда не догадывался о причине его, и, кроме того, разве в этом ужасном затворничестве мог бы я найти предмет обожания, вроде описанного тобою?

Вскоре их беседа оборвалась и первый урок науки любви, преподанный принцу, закончился.

— Увы! — молвил он. — Раз любовь в самом деле такая услада, а разлука — столь великое горе, аллах не велит, чтобы я отнимал радость у одного из его правоверных почитателей.

Он открыл клетку, взял голубя и, пылко поцеловав, подошел вместе с ним к амбразуре окна.

— Счастливого пути, — сказал он, — воссоединись с подругою твоего сердца в эти дни юности и весны! К чему тебе томиться со мной в этой ужасной тоскливой башне, куда никогда не сможет проникнуть любовь?

Голубь радостно встрепенулся, ринулся в воздух и, свистя крыльями, устремился вниз по направлению к цветущим садам на берегах Дарро.

Принц проводил его взглядом и предался еще горшей печали. Пение птиц, недавно услаждавшее его слух, теперь только углубляло его страдания! Любовь! Любовь! Любовь! Увы, бедный юноша, их песни теперь стали ему понятны.

Когда в следующий раз к принцу поднялся мудрый Эбен Бонабен, в глазах Ахмеда запылал гнев.

— Зачем ты держишь меня в позорном невежестве? — закричал он. — Зачем ты скрывал от меня величайшее таинство и основу жизни, которые, как я вижу, отлично известны самому ничтожному насекомому? Погляди, вся природа предается пиршеству наслаждений. Всякое живое творение ликует со своим другом или подругою. И все это — любовь, относительно которой я просил у тебя разъяснений. Почему один я лишен ее радостей? Почему столько дней моей юности растрачено зря и мне незнакомы ее восторги?

Мудрый Эбен Бонабен наконец убедился воочию, что дальнейшие предосторожности бесполезны, ибо принц уже постиг опасное и запретное знание. Он сообщил ему поэтому о предсказании астрологов и о мерах, которые были приняты при его воспитании, дабы отвратить нависшие над ним бедствия.

— А теперь, мой принц, — добавил он, — моя жизнь в твоих руках. Если султан, твой отец, проведает, что, на-

ходясь на моем попечении, ты познал любовную страсть, я отвечу за это собственной головой.

Принц был не менее рассудителен, чем большинство молодых людей его возраста; он спокойно выслушал своего воспитателя и не стал ему возражать. Кроме того, он по-настоящему был привязан к Эбен Бонабену и, познав любовную страсть пока лишь в теории, согласился схоронить это знание в собственном сердце, лишь бы не подвергать опасности голову мудреца.

Его благоразумию, однако, пришлось столкнуться с новыми испытаниями. Спустя несколько дней, когда в ранний утренний час он предавался размышлениям у зубцов башни, он заметил над головой парящего в воздухе голубя; это был тот самый, которого он выпустил на свободу. Голубь бесстрашно опустился к нему на плечо.

Принц прижал его к своему сердцу.

— О счастливец, — воскликнул он, — ты можешь летать, я сказал бы, на крыльях зари в любые, самые отдаленные земли. Где побывал ты с тех пор, как мы расстались с тобою?

— В дальней стране, мой принц; в благодарность за возвращенную мне свободу я принес тебе оттуда добрые вести. Среди пустынной и дикой местности, которую я видел во время моего полета над равнинами и горами, я заметил, когда парил в воздухе, внизу под собой очаровательный сад: в нем росли самые разнообразные цветы и деревья. Он был разбит на зеленом лугу по обоим берегам стремительного потока; посередине сада стоял роскошный дворец. Я опустился на одну из беседок, чтобы отдохнуть после утомительного полета. Внизу подо мной, на зеленом берегу, сидела принцесса, прелестная девушка в цветении своей юности. Ее окружали служанки, такие же юные, как она; они украшали ее сплетенными из цветков гирляндами и венками, но не было ни полевого цветка, ни садового, который выдержал бы сравнение с ее красотой. Здесь, однако, она цвела, сокрытая от всего мира, ибо сад окружали высокие стены и ни одному смертному туда не дозволялось проникнуть. Лишь только увидел я эту чудесную девушку, столь юную, невинную, еще не испорченную суетой жизни, я подумал: вот существо, сотворенное самим небом, чтобы внушить любовь моему принцу.

Это описание было искрою для готового воспламениться сердца Ахмеда; его затеянная влюбчивость сразу нашла себе предмет обожания; он ощутил в себе ни с чем не сравнимую страсть к далекой принцессе. Он написал ей

восторженное послание, которое дышало пламенным чувством; он оплакивал в нем свою жалкую долю, из-за которой не мог отправиться на ее поиски и пасть перед нею ниц. К этому посланию он добавил стихи — нежные, трогательные и красноречивые, — ибо он в душе был поэтом; к тому же его вдохновляла любовь. На этом послании он написал: «Неведомой чаровнице от узника — принца Ахмеда» и, надушив его мускусом и розовым маслом, передал голубю.

— Вперед, преданнейший из вестников, — сказал он. — Лети над горами, долами, реками и равнинами; не отдыхай в садах, не опускайся на землю, пока не вручишь это послание госпоже моего сердца.

Голубь поднялся высоко в воздух и стремительно понесся все вперед и вперед, не отклоняясь от прямого пути. Принц следил за ним до тех пор, пока он не превратился в неуловимое пятнышко на облаках и не исчез наконец за горами.

День за днем поджидал он гонца любви, но его ожидания были тщетны. Он уже начал винить его в легкомыслии и забывчивости, как вдруг как-то вечером, перед самым заходом солнца, верный голубь влетел в его горницу и, упав у его ног, испустил дух. Стрела какого-то шалого лучника пронзила насквозь его грудь, но он боролся со смертью, пока не выполнил поручения. Склонившись над этою благородною жертвою преданности, опечаленный принц заметил на шее голубя жемчужное ожерелье, к которому была привешена небольшая, исполненная на эмали миниатюра. Она изображала очаровательную принцессу в цветении ее юности. Без сомнения, то была неведомая красавица. Но кто она? Где она? Как приняла послание? Был ли этот портрет знаком одобрения его страсти? К несчастью, смерть верного голубя оставила все это в тайне и под сомнением.

Принц глядел и глядел на портрет, пока глаза его не застлали слезы. Он прижимал его к губам и к своему сердцу; он часами смотрел на него и почти умирал от наплыва нежности. «Милый образ, — говорил он, — но увы — только образ! Вот теперь твои живые влажные очи нежно устремлены на меня, и твои алые губки как будто готовы произнести слова одобрения. Пустые мечты! Разве не так взирают они и на более удачливого соперника? Но где, где в этом огромном мире могу я надеяться обнаружить оригинал? Кто знает, какие горы, какие царства лежат между нами, какие преграды могут встать на пути? И, быть может, сейчас... да, да, сейчас, в это мгновение она окружена толпою

поклонников, а я, узник башни, предаюсь обожанию тени!»

Наконец принц Ахмед принял решение: «Я убегу из дворца, — сказал он себе, — ставшего для меня ненавистной тюрьмой; отныне я — паломник любви и пойду искать по свету неведомую принцессу».

Бежать днем, когда все бодрствовали, было бы делом почти невозможным, но ночью дворец охранялся довольно небрежно, ибо никому и в голову не приходило, чтобы принц, который всегда покорно сносил свое заключение, попытался выйти на волю. Но как направить свой путь темной ночью, не имея ни малейшего представления об окружающей местности? Тут, однако, он вспомнил сову, которая привыкла слоняться ночь напролет и которой, конечно, ведомы все ходы и выходы. Разыскав ее в обычном убежище, он спросил: хорошо ли она знает страну? Сова ответила взглядом, преисполненным сознания собственной важности:

— Тебе, должно быть, известно, о принц, что мы, совы, принадлежим к весьма древнему и многочисленному, но обедневшему роду и владеем во всех областях Испании разрушенными дворцами и замками. Едва ли сыщется хоть одна башня в горах, крепость на равнине или старинная цитадель в городе, где бы не обитал мой брат, дядюшка или какой-нибудь родич; во время странствий, предпринимаемых мною, дабы повидать мою многочисленную родню, я обшарила каждый угол и закоулок, и теперь во всей стране нет ничего, что оставалось бы для меня тайной.

Выяснив, что сова столь сведуща в географии, принц был чрезвычайно обрадован и поведал ей по секрету о своей нежной страсти и задуманном бегстве, убеждая ее стать его спутником и советником.

— Что ты! — воскликнула сова, смерив его недовольным взглядом. — Разве я принадлежу к числу птиц, которых можно вовлечь в любовные шашни... я, все время которой посвящено размышлению и луне!

— Не обижайся, о достопочтеннейшая сова, — ответил принц, — забудь на время о размышлениях и о луне; помоги мне бежать, ты будешь иметь все, чего только ни пожелает твое совиное сердце.

— Всем этим я и без того обладаю, — сказала сова, — несколько мышей удовлетворяют мой скромный стол; эта дыра в стене достаточно просторна для моих научных занятий; что же еще нужно философу?

— Подумай, о самая высокомудная между совами, что пока ты хандришь в своей келье и рассматриваешь луну,

твои таланты пропадают для мира. В один прекрасный день я стану государем и смогу предоставить тебе важную и почетную должность.

Сова хотя и была философом и стояла выше всех обыденных житейских желаний, все же не могла побороть тщеславия и в конце концов согласилась сопровождать принца и быть на время паломничества его проводником и наставником.

Замыслы любящего обычно претворяются в жизнь без промедления. Принц собрал свои драгоценности и взял их с собой в качестве дорожной казны. В ту же ночь при помощи шарфа он спустился с балкона башни на землю, перебрался через внешние стены Хенералифе и, следуя за совою, еще до рассвета укрылся в горах.

Здесь он и его ментор¹ держали совет относительно маршрута предстоящего путешествия.

— Если хочешь знать мое мнение, — сказала сова, — я посоветовала бы отправиться сначала в Севилью. Ты должен знать, что я побывала там — тому уже много лет — с визитом у дядюшки, весьма достойной и знатной совы, который жил в разрушенном крыле алькасара² этого города. Во время ночных скитаний по городу я часто видела свет в окне одиноко стоявшей башни. В конце концов я однажды опустилась на один из ее зубцов и обнаружила, что источник его — светильня одного арабского мага: он был окружен своими чародейскими книгами, и на плече у него сидел его старый приятель, весьма древний ворон, прибывший вместе с ним из Египта. Я познакомилась с этим вороном и обязана ему большею частью своих познаний. Маг уже умер, но ворон по-прежнему обитает в башне, ибо этим птицам свойственно необыкновенное долголетие. Я советую, о принц, разыскать этого ворона, ибо он прорицатель и чародей, понимающий кое-что в чернокнижии, чем вообще славятся вороны, а египетские в особенности.

Принц согласился с доводами совы и направил свой путь в Севилью. Приспосабливаясь к привычкам спутницы, он путешествовал только ночью, днем же отдыхал в какой-нибудь темной пещере или разрушенной сторожевой башне, ибо сова знала все убежища этого рода и ее, словно археолога, влекло к обожаемым ею развалинам.

¹ М е н т о р — наставник, воспитатель (Ментор — имя воспитателя Телемаха, сына Одиссея, ставшее нарицательным). (Прим. пер.)

² А л ь к а с а р — крепость внутри города, слово испано-арабского происхождения. (Прим. пер.)

Наконец как-то перед рассветом они достигли Севильи, где сова, ненавидевшая шум и суету кишмя кишевших народом улиц, осталась у городских ворот и расположилась в дупле старого дерева. Принц же вошел в ворота и без труда отыскал башню мага, возвышавшуюся над городскими строениями, подобно пальме над чахлыми кустами пустыни; кстати, эта башня — знаменитая севильская мавританская башня — существует и в наши дни и известна под названием Хиральда.

По длинной витой лестнице принц поднялся на самый верх одинокой башни, где нашел ворона-каббалиста, дряхлую таинственную птицу с седой головой, лохматыми крыльями и бельмом на глазу, придававшим ему призрачный вид. Он стоял на одной ноге, повернув набок голову и сосредоточенно рассматривая здоровым глазом начертанную на каменном полу диаграмму. Принц приблизился к ворону со страхом и благоговением, которые внушали ему его почтенная внешность и непостижимая мудрость.

— Прости меня, о старейший и чернокнижнейший ворон, — воскликнул он, — если я на минуту прерву твои ученейшие, восхищающие весь мир занятия! Ты видишь пред собой человека, связанного обетом любви и жаждущего выслушать твой совет, как же отыскать ему предмет своей страсти?

— Другими словами, — сказал ворон, бросив на него исполненный важности взгляд, — ты хочешь испытать мое искусство в гадании по руке. Поди сюда, покажи ладонь, и я разгадаю по ней тайные линии предначертанного тебе судьбою.

— Прошу прощения, — сказал принц, — я пришел не за тем, чтобы узнать волю судеб, скрытую аллахом от смертных; нет, я паломник любви и ищу дорогу к предмету моего паломничества.

— Но разве в пылкой Андалусии возможны затруднения подобного рода? — усмехнулся ворон, подмигнув своим единственным глазом. — Как можешь ты сталкиваться с подобными затруднениями в беспутной Севилье, где черноокие девушки пляшут самбру в любой апельсиновой роще?

Принц покраснел и был несколько шокирован словами почтенной птицы, которая, стоя уже одною ногой в могиле, позволяла себе болтать в столь легкомысленном тоне.

— Поверь мне, — сказал он, нахмурившись, — я вовсе не из тех праздношатающихся юнцов, за одного из которых ты меня принимаешь. Черноокие девушки Андалусии, пляшущие в апельсиновых рощах на берегах Гвадалквивира, не

для меня: я ищу неведомую, но бесспорно целомудренную красавицу, с которой писан этот портрет, и я молю тебя, о всемогущий ворон, если это в пределах твоих познаний и доступно твоему искусству, — укажи, как ее разыскать.

Серьезный тон принца подействовал на седовласого ворона, как укор.

— Что я знаю, — ответил он сухо, — о юности и красоте? Я посещаю лишь старых и немощных, а не юных и исполненных сил; я предвестник судьбы, вот кто я; возвещающая смерть, я каркаю на печной трубе или стучу крылом в окошко больного. Ищи сведений о своей красавице где-нибудь в другом месте.

— Но где же искать их, как не у сынов мудрости, сведущих в книге судеб? Знай же, о ворон, что я принц — наследник престола, что мое рождение отмечено звездами, что я призван совершить таинственный подвиг, и от того, удастся ли мне его выполнить, может быть, зависит судьба царств и царей.

Узнав, что это дело совершенно исключительной важности и что в нем заинтересованы даже звезды, ворон переменил тон; с глубоким вниманием выслушал он историю принца и, когда тот окончил, сказал:

— Что касается прекрасной принцессы, то не жди от меня никаких разъяснений, ибо я никогда не летаю ни над садами, ни над покоями женщин; но поторопись в Кордову, отыщи пальму славного Абдурахмана, что растет во дворе главной мечети, и у ее подножия ты найдешь великого странника, посетившего все страны и все дворы и пользовавшегося неизменным успехом у королей и принцесс. Он расскажет тебе о той, кого ты разыскиваешь.

— Прими мою благодарность за твои драгоценные сведения, — сказал принц. — Прощай, почтеннейший чародей.

— Прощай, паломник любви, — сухо ответил ворон и снова принялся размышлять над своей диаграммой.

Принц вышел за пределы Севильи, отыскал своего верного спутника и товарища, дремавшего в дупле дерева, и вместе с ним отправился в Кордову.

Дорога шла вдоль висячих садов, апельсиновых и лимонных рощ, украшавших собой прелестную долину Гвадалквивира. Когда путники приблизились к воротам Кордовы, сова укрылась в расщелине стены, а принц пустился на поиски пальмы, посаженной в давние времена Абдурахманом. Она росла среди обширного двора при мечети и горделиво возносилась над апельсиновыми деревьями и кипарисами.

В аркадах двора сидели группами дервиши и факіры;

верующие, перед тем как войти в мечеть, совершали у фонтана положенное обычаем омовение.

У подножия пальмы, прислушиваясь к словам кого-то невидимого, говорившего, вероятно, очень велеречиво, теснилась толпа. «Это, должно быть, и есть, — сказал себе принц, — тот великий странник, который снабдит меня сведениями о неведомой и прекрасной принцессе». Он вмешался в толпу и был несказанно удивлен, обнаружив, что присутствующие слушают попугая, который в своем зеленом кафтанчике, с наглым взглядом и нахальным хохолком, имел вид чрезвычайно самовлюбленной птицы.

— Как это, — обратился принц к одному из соседей, — столько достойных людей находят удовольствие в болтовне без умолку лопочущей птицы?

— Ты не подозреваешь, о ком говоришь, — ответил его собеседник. — Этот попугай — потомок знаменитого персидского попугая, прославившегося своим талантом рассказывать сказки. Ведь на кончике его языка вся ученость Востока; он цитирует поэтические произведения так же легко и свободно, как говорит. Он посетил много иностранных дворов, где на него смотрели как на чудо учености. Он всеобщий любимец и в особенности пользуется успехом у представительниц прекрасного пола, которые, как известно, восторгаются учеными попугаями, умеющими цитировать чужие стихи.

— Довольно! — воскликнул принц. — Я непременно поговорю с этим всемирно прославленным странником.

Он добился беседы наедине и рассказал попугаю о цели своего путешествия. Едва только он начал, как попугай разразился приступом сухого, колючего смеха, вызвавшего на его глазах слезы.

— Прошу прощения за веселость, — сказал он, — но даже просто упоминание слова «любовь» неизменно приводит меня в смешливое настроение.

Принца глубоко оскорбила эта веселость.

— Разве любовь, — молвил он, — не великая тайна природы, не сокровенное основание жизни, не вселенская гармония чувства?

— Ерунда! — вскричал попугай, прерывая поток его слов. — Скажи, пожалуйста, где ты выучился этому сентиментальному языку? Поверь, любовь нынче не в моде, и в обществе блестящих умов и утонченных людей о ней что-то больше не слышно.

Принц вздохнул, вспомнив о совсем других речах своего верного друга голубя. «Но попугай, — подумал он, — жил

при дворе; он производит впечатление блестящего и утонченного господина — и он ничего не знает о том, что зовется любовью». Не желая более выставлять на посмешище чувство, которым было полно его сердце, он перешел прямо к делу.

— Скажи мне, — молвил принц, — о высокообразованный попугай, ты, умеющий проникать к красавицам в самые сокровенные их приюты, не встречалась ли тебе в твоих странствиях та, с которой писан этот портрет?

Попугай взял портрет в когти и, поворачивая голову то в ту, то в другую сторону, принялся рассматривать его поочередно то левым, то правым глазом.

— Честное слово, — пробормотал он наконец, — прехорошенькая мордашка, чертовски хорошенькая, но когда перевидаешь на своем веку такое множество хорошеньких женщин, то исключительно трудно... погоди! Черт возьми, а теперь взглянем-ка еще разик... Да тут нет никакого сомнения — это не кто иная, как принцесса Альдегонда; как же я мог забыть ее, мою дорогую любимицу?

— Принцесса Альдегонда! — повторил за ним принц. — Но где же ее разыскать?

— Полегче, полегче, — сказал попугай, — ее проще разыскать, чем получить в жены. Она единственная дочь христианского короля, который правит в Толедо, и до семнадцати лет должна жить взаперти из-за какого-то предсказания пройдох астрологов. Тебе не удастся даже взглянуть на нее — ни одному смертному не позволено ее видеть. Меня, правда, пускали к ней, чтобы я развлекал ее, и заверяю тебя честным словом выдавшего свет попугая, что мне приходилось беседовать с принцессами и поглупее ее.

— Будем друзьями, дорогой попугай, — сказал принц. — Я наследник престола и в один прекрасный день воссяду на трон. Я вижу, ты птица с талантами и хорошо знаешь свет. Помоги мне добиться принцессы, я тебе предоставлю у себя при дворе какую-нибудь важную должность.

— Премного благодарю, — сказал попугай, — но если возможно, предоставь мне, пожалуйста, синекуру, ибо нам, умам просвещенным, присуще великое отвращение к труду.

Итак, соглашение было достигнуто. Принц вышел из Кордовы в те же ворота, в какие вошел, вызвал сову из ее расщелины, представил ей нового спутника в качестве собрата-ученого, и они опять пустились в дорогу.

Они двигались много медленнее, чем того жаждал сгоравший от нетерпения принц, но попугай привык к светскому образу жизни и не любил, чтобы его беспокоили на

зарю. С другой стороны, сова спала среди дня, и ее долгие сиесты поглощали немало времени. Кроме того, ее страсти к археологии также было немалой помехой, ибо, желая обследовать все встречавшиеся по пути развалины, она настаивала на частых привалах и любила к тому же рассказывать длинные малоправдоподобные истории о каждой башне и каждом замке в округе.

Принц вначале предполагал, что она и попугай, будучи птицами образованными, обязательно сблизятся и в обществе друг друга найдут обоюдное удовольствие, но никогда он еще так горько не ошибался. Один был, что называется, блестящим умом, другая была философом.

Попугай читал на память стихи, бранил новейшие произведения, витийствовал, проявлял эрудицию в пустяках, сова же считала ученость такого рода никому не нужною чепухой и не признавала ничего, кроме своей метафизики. Попугай распевал песенки, пересказывал чужие остроты, отпускал наглые шуточки по поводу своего степенного соседа и спутника, громко смеясь своим же собственным выходкам; все это сова рассматривала как покушение на ее достоинство; она хмурилась, дулась, злилась и молчала по целым дням.

Принц, всецело погруженный в мечты и в созерцание портрета прекрасной принцессы, не обращал внимания на пререкания своих спутников. Так понемногу они подвигались вперед. По дороге им пришлось одолеть суровые перевалы Сьерра-Морены, пересечь выжженные солнцем равнины Ламанчи и земли Кастилии, идти вдоль берегов «золотого Тахо», вычерчивающего свои хитрые петли по всей Испании и Португалии. Наконец они увидели хорошо укрепленный город со стенами и башнями, возвышавшимися на скалистой горе, подошву которой обегал неистовый и яростный Тахо.

— Смотрите! — вскричала сова. — Смотрите, вот древний славный город Толедо, знаменитый своей стариной. Поглядите на его величественные соборы и вышки, на седые от времени, одетые легендарным величием башни, в которых веками предавались размышлению мои предки.

— Тьфу! — вскричал попугай, прерывая высокаторжественные излияния археолога. — Какое нам дело до старины, до легенд и до твоих предков? Взгляни сюда — это ближе к цели нашего путешествия, — взгляни на этот приют юности и красоты, взгляни наконец, мой принц, на резиденцию твоей неведомой, далекой красавицы.

Принц посмотрел в ту сторону, куда указывал попугай,

и на прелестной зеленой лужайке, у самого берега Тахо, увидел роскошный дворец, который поднимался среди зарослей чудесного сада.

Все здесь вполне соответствовало рассказу его друга голубя, описавшего ему резиденцию той, с которой был писан портрет. Принц с замиранием сердца взглянул на дворец. «Быть может, в это мгновение, — думал он, — прекрасная принцесса резвится в тени рощ, или, легкая и изящная, прогуливается по одной из этих великолепных террас, или предается неге и отдыху под этой высокой кровлей». Вглядевшись пристальнее, он заметил, что сад окружен очень высокой стеной, так что проникнуть внутрь почти невозможно, тем более что повсюду расставлена вооруженная стража.

Тогда принц обратился к попугаю со следующими словами:

— О совершеннейшая из птиц, ты обладаешь даром человеческой речи. Поспеши в сад, найди кумир моей души и возвести, что принц Ахмед, паломник любви, направляемый звездами, прибыл за ней на усеянные цветами берега Тахо.

Попугай, гордясь возложенной на него миссией, полетел к саду, перепорхнул через высокие стены и, покружив немного над лугами и рощами, опустился на балкон павильона, повисшего над самой рекой. Здесь, заглянув в амбразуру окна, он увидел принцессу, которая сидела, пригорюнившись, на диване; глаза ее были устремлены на небольшой лист бумаги, и слезы одна за другой тихо струились по ее бледным щекам.

Расправив крылья, пригладив зеленый кафтанчик и взбив хохолок, попугай с самым любезным видом опустился рядом с красавицей. Затем нежным и ласковым голосом он произнес:

— Осуши свои слезы, о прекраснейшая принцесса: я принес утешение твоему сердцу.

Услышав рядом с собой человеческий голос, принцесса была немало изумлена, тем более что, оглядевшись вокруг, не заметила никого, кроме маленькой птички в зеленом кафтанчике, которая вертелась перед ней, отвешивая поклоны.

— Увы, разве можешь ты принести утешение? — спросила она. — Ведь ты всего-навсего попугай.

Попугай был задет за живое.

— В свое время я утешил немало очаровательных женщин, — ответил он сухо, — но оставим наш спор; сейчас я

посол от наследного принца. Знай, что Ахмед, принц гранадский, прибыл сюда за тобой и разбил лагерь на усеянных цветами берегах Тахо.

При этих словах глаза принцессы заблестали ярче алмазов ее венца.

— О милейший из попугаев, — вскричала она, — истинне радостны твои вести, ибо я стала слабой, больной и едва живу, томясь сомнениями относительно постоянства Ахмеда. Поторопись же, передай принцу, что слова его послания запечатлены в моем сердце и что стихи его стали пищей моей души. Скажи также, что ему придется доказать свою любовь силой оружия. Завтра — семнадцатая годовщина моего рождения, и король, мой отец, устраивает пышный турнир; многие принцы уже приняли вызов, и моя рука будет наградой победителю.

Попугай полетел назад, проскользнул над зарослями деревьев и опустился около принца, ожидавшего его возвращения. Восторги Ахмеда, который разыскал наконец свою обожаемую принцессу и при этом нашел ее верной и любящей, могут быть поняты только теми счастливыми смертными, которым довелось воплотить свои мечты в жизнь и придать тени вещественность. Впрочем, одно обстоятельство омрачало до некоторой степени его радость — это был предстоящий завтра турнир. И в самом деле, берега Тахо сверкали оружием и оглашались фанфарами многочисленных рыцарей, которые в окружении пышной свиты направлялись в Толедо, чтобы принять участие в предстоящем ристалище. Та же звезда, что распорядилась судьбою принца, властвовала, оказывается, и над судьбою принцессы: и ее до достижения семнадцати лет тоже держали вдали от света, дабы уберечь от любовной страсти. Впрочем, слава о ее красоте благодаря этому заключению скорей возросла, нежели потускнела. Многие могущественные принцы домогались ее руки, и ее отец, король на редкость мудрый и осторожный, не желая наживать врагов (что было бы неизбежно, если бы он оказал кому-нибудь предпочтение), предоставил решение этого дела оружию. Между соперниками иные славились своей необычайной силой и доблестью. На что же мог надеяться бедняга Ахмед, не имевший доспехов и не обученный рыцарскому искусству?

— О несчастный, несчастный принц, — воскликнул он, обращаясь к себе. — Тебя воспитали взаперти под бдительным оком философа. Но к чему алгебра и философия в любовных делах? Увы, Эбен Бонабен, почему ты не научил меня обращаться с оружием?

Тут заговорила сова, предпославшая своей речи благочестивое вступление, ибо она была набожной мусульманкой.

— Алла акбар! Велик аллах! — сказала она. — В его дланях — тайны нашего мира, он один управляет судьбами принцев. Знай же, принц, что эта страна изобилует чудесами, скрытыми от всех, но доступными тем, кто, подобно мне, выискивает во мраке крупинцы познания. Знай же, что в ближних горах есть пещера, и в этой пещере — железный стол, и на этом столе — магические доспехи, и рядом стоит зачарованный конь, который томится там с незапамятных пор.

Принц был несказанно удивлен этим чудом; сова между тем, щуря огромные круглые глаза и топорща перышки у ушей, продолжала:

— Много лет назад я сопровождала отца, облетавшего наши владения, и мы не раз останавливались в этой пещере, благодаря чему я познакомилась с ее тайной. В нашей семье существует предание, слышанное мною от деда, — это было давным-давно, когда я была еще совсем малым совенком, — оно гласит, что доспехи эти принадлежали когда-то одному мавританскому магу, который, после того как Толедо был захвачен христианами, нашел убежище в этой пещере. Он здесь и умер, оставив коня с доспехами и наложив на них чары, дабы никто, кроме правоверного мусульманина, не смог ими воспользоваться, да и то лишь от восхода солнца и до полудня. Кто использует их в эти часы, тот с легкостью одолеет любого противника.

— Довольно! Идем разыскивать эту пещеру, — вскричал обрадованный Ахмед.

Следуя за своим напичканным легендами ментором, принц без труда отыскал пещеру, притаившуюся в одном из наиболее диких и глухих уголков среди скалистых обрывов, высящихся вокруг Толедо; никакой глаз, кроме глаза совы, привыкшей охотиться за мышами, или, пожалуй, еще археолога, не смог бы найти ее входа. Траурная лампада с вечным, никогда не иссякающим маслом освещала ее ровным, торжественным светом. На железном столе посреди пещеры лежали доспехи; к нему же было прислонено копье, подле него стоял арабский скакун, покрытый боевою попоной и недвижимый, как изваяние. Доспехи блестели и были как новые; казалось, их нисколько не тронуло время. И конь тоже выглядел так, словно его только что привели с пастбища; Ахмед потрепал ему шею, он тотчас же ударил копытом о землю и радостно, громко заржал, так что задрожали стены пещеры. Итак, добыв коня, чтобы скакать, и

оружие, чтобы биться, принц решил попытать счастья в предстоящем турнире.

Наступил знаменательный день. Арена была устроена на так называемой «веге», то есть равнине, начинающейся сейчас же у отвесных, как скалы, крепостных стен Толедо. Для зрителей воздвигли подмости и галереи, устланные богатыми коврами и защищенные от лучей солнца шелковыми навесами. Здесь, на этих галереях, собрались все красавицы королевства, тогда как внизу, в окружении пажей и оруженосцев, гарцевали рыцари с развевающимися на шлемах султанами, и среди них выделялись принцы, которым предстояло состязаться между собой. Все красавицы королевства, впрочем, сразу поблекли и потускнели, лишь только в королевскую ложу вошла Альдегонда, которая впервые предстала перед взорами изумленного мира. Среди толпы, пораженной ее неземной красотой, пробежал восторженный шепот, и принцы, которые домогались ее руки, полагаясь исключительно на молву о необыкновенных чарах принцессы, ощутили в себе по крайней мере десятикратно возросший боевой пыл.

Принцесса, однако, была чем-то встревожена. На ее щеках то загоралась, то вновь угасала краска румянца, и она то и дело окидывала быстрым и беспокойным взглядом рыцарей с развевающимися султанами. Фанфары готовились уже подать знак к первому поединку, как вдруг герольд возвестил о прибытии неизвестного рыцаря, и Ахмед въехал на поле. Тюрбан обвивал его стальной, усыпанный самоцветами шлем; кираса его была украшена золотым чеканным орнаментом; меч и кинжал работы фесских мастеров горели огнем драгоценных камней. У плеча висел круглый щит, в руке он держал заколдованное копье. Попона его арабского скакуна, расшитая богатым шитьем, волочилась по земле, и благородное животное гарцевало, втягивало в себя воздух и радостно ржало, почувствовав себя опять в боевой обстановке. Изящные, исполненные достоинства манеры вновь прибывшего очаровали присутствующих, а когда было возвещено, что он называет себя «Паломником любви», на галереях среди прекрасных дам начались суета и волнение.

Тем не менее, подъехав к арене, Ахмед узнал, что она для него закрыта. Никто, кроме принцев, сказали ему, не допускается к состязанию. Он назвал свое имя и титул. Тем хуже! — он — мусульманин и не может участвовать в данном турнире, ибо победителю достанется принцесса-христианка.

Принцы-соперники окружили его с надменным и угрожающим видом; один наглец со сложением Геркулеса начал даже глумиться над его тонкой юношеской фигурой и осмеивать избранное им прозвище. Принц вскипел. Он бросил вызов своему оскорбителю. Они разъехались на необходимое расстояние, повернули коней, направили их навстречу друг другу и сшиблись, — дерзкий гигант, едва только к нему прикоснулось заколдованное копье, вылетел из седла. Принц искренне желал бы на этом остановиться, но — увы! — он имел дело с дьявольским конем и с дьявольским вооружением. Будучи пущены в дело, они уже никем и ничем не могли быть удержаны. Арабский скакун врезался в гущу всадников; копье поражало все, что бы ни встретилось; растерянный принц носился, как вихрь, по полю, опрокидывая на своем пути людей разного чина и звания и сокрушаясь о своих нечаянных подвигах. Неслышанно дерзкое оскорбление его подданных и гостей распалило гнев самого короля. Он рвал и метал, он послал против рыцаря свою стражу, но и они в мгновение ока были выбиты из седла. Тогда король сбросил парадное платье, схватил щит и копье и поскакал к незнакомцу, дабы устрашить его своим королевским величеством. Увы! Его величеству повезло не более, чем простым смертным: ни конь, ни копье не взирали на лица, и, к своему ужасу, Ахмед, не желая того, нанес королю сильнейший удар: в воздухе мелькнули королевские пятки, и корона скатилась в пыль.

Но в этот миг солнце достигло полуденной линии и магические чары утратили свою власть. Арабский скакун пересек поле, перескочил ограду, бросился в Тахо, преодолел его яростное течение, принес почти бездыханного и изумленного принца в пещеру и застыл как изваяние возле стола. Что до принца, то он с превеликим удовольствием слез с этого бешеного животного, снял доспехи и покорился судьбе. Затем, усевшись в пещере, он стал горестно размышлять об отчаянном положении, в котором он оказался по милости этого дьявольского коня и оружия. Опозорив подобным образом рыцарей и нанеся оскорбление самому королю, он никогда больше не осмелится показаться в Толедо. Что должна подумать принцесса о столь буйных и неистовых подвигах? Снедаемый беспокойством, он отправил на разведку своих крылатых посланцев. Попугай посетил все без исключения площади и людные места города и вскоре возвратился с целым коробом новостей. Весь Толедо — в волнении. Принцессу без чувств унесли во дворец, турнир был прерван, все только и говорят, что о

внезапном прибытии, чудесных подвигов и странном исчезновении мусульманского рыцаря. Некоторые называют его мавританским магом, другие думают, что он — демон, принявший человеческий образ, третьи рассказывают предания о скрытых в горных пещерах зачарованных воинах и полагают, что он, вероятно, принадлежит к их числу и внезапно вырвался из своего плена. Все, однако, единодушно считают, что обыкновенный смертный не мог бы совершить подобные чудеса и одолеть столь знаменитых и могучих христианских бойцов.

Сова улетела с наступлением ночи. Она носилась во мраке над городом, то и дело присаживаясь на крыши и трубы домов. Затем она направила свой полет к дворцу, стоявшему на высокой скале посередине Толедо, и осторожно обшарила его террасы и зубцы стен, подслушивая у каждой щели и заглядывая своими большими, выпученными глазами во все освещенные окна, чем довела до обморока нескольких статс-дам королевы. И лишь тогда, когда над городом появилась серая дымка рассвета, она возвратилась, закончив розыски, и доложила принцу о виденном.

— Пролетая мимо одной из самых высоких башен дворца и осматриваясь вокруг, я увидела через окно прекраснейшую принцессу. Она полулежала на ложе, подле нее толпились приближенные и врачи, но она отвергала их услуги и помощь. Когда они удалились, она достала послание, что хранилось у нее на груди, читала, и перечитывала, и целовала его, и сетовала на свою горестную судьбу. И даже я, хоть я и философ, была этим чувствительно тронута.

При этом известии нежное сердце Ахмеда наполнилось горечью.

— Слишком справедливы твои слова, о мудрый Эбен Бонабен, — вскричал он, — заботы, горе и бессонные ночи — вот удел любящих! Да избавит аллах принцессу от губельного дыхания того, что зовется любовью!

Дальнейшие сообщения из Толедо подтвердили рассказанное совой. Весь город стал добычей тревоги и беспокойства. Принцесса была помещена в самой высокой башне дворца; на всех улицах, ведущих к нему, выставили усиленную охрану.

Между тем принцессою овладела тоска, от которой она чахла и о причине которой никто не догадывался, — она отказывалась от пищи, была глуха к увещаниям. Усилия искуснейших врачей не привели ни к чему; считали, что над ней властвуют какие-то чары, и король объявил, что тому, кто исцелит ее от недуга, наградою будет самая драго-

ценная вещь, какая только найдется в королевской сокровищнице.

Услышав об этом, сова, дремавшая перед тем в одном из углов, стала вращать своими круглыми большими глазами и приняла еще более загадочный вид, чем обычно.

— Алла акбар! — воскликнула она. — Воистину будет счастливец тот, кому удастся ее исцелить, если только он догадается, что ему выбрать из королевской сокровищницы.

— Что ты хочешь этим сказать, почтеннейшая сова? — осведомился Ахмед.

— Выслушай, принц, мой рассказ. Ты должен знать, что мы, совы, принадлежим к братству ученых и имеем склонность копаться во всем, что покрыто мраком и пылью. Скитаясь ночами вокруг соборов и башен Толедо, я натолкнулась на общество сов-археологов, которые устраивают свои заседания в большой сводчатой башне, где хранятся сокровища короля. На этот раз они обсуждали надписи и знаки на старинных геммах и драгоценностях, на сосудах из золота и серебра, а также форму вещей, которые грудами сложены в королевской сокровищнице: их интересовали обычаи любой страны и любого века, но больше всего привлекали их реликвии и талисманы, хранящиеся здесь со времени Родрига Готского. Среди них есть ларчик восточной работы, сделанный из сандалового дерева и окованный сталью; на нем начертаны таинственные письмена, доступные пониманию лишь весьма немногих ученых. Этот ларчик и его надпись занимали общество в продолжение нескольких заседаний и вызывали длительные и бурные прения. Когда мне пришлось быть там, одна недавно прилетевшая из Египта почтенная пожилая сова, усевшись на крышку ларчика, читала и толковала надпись: ей удалось доказать, что в нем хранится шелковый коврик с трона Соломона Премудрого, занесенный в Толедо, без сомнения, иудеями, нашедшими здесь приют после падения Иерусалима.

Выслушав эту посвященную археологии речь, принц на некоторое время погрузился в задумчивость.

— Я слышал, — молвил он наконец, — от мудрого Эбен Бонабена о чудесных свойствах этого талисмана, который бесследно исчез после падения Иерусалима и считался потерянным для человечества. Без сомнения, он и сейчас остается для толедских христиан тайною за семью печатями. Если мне удастся овладеть этим ковром, счастье мое обеспечено.

На следующий день принц сменил свое роскошное одеяние на простую одежду араба пустыни. Он выкрасил лицо темною краской, и никто не узнал бы в нем того блестящего рыцаря, который привел присутствующих на турнире в восхищение и вместе с тем в ужас. С посохом в руке, с сумой на боку и с маленькою пастушескою свирелью отправился он в Толедо и у ворот дворца заявил, что он пришел домогаться награды, предложенной за исцеление прекрасной принцессы. Стража стала гнать его палками.

— На что может рассчитывать бродячий араб вроде тебя, — сказали они, — если даже ученейших мужей королевства постигла полная неудача?

Поднявшийся шум и крики дошли, однако, до ушей короля, и он приказал, чтобы араб был немедленно приведен пред его королевские очи.

— О могущественнейший владыка, — сказал Ахмед, — пред тобой бедуин, большую часть своей жизни проведенный в пустыне. Глухие углы ее, как известно, — излюбленное пристанище демонов и злых духов, одолевающих нас, горемычных, в часы одиноких бдений; они вселяются в наши табуны и стада и даже кроткого верблюда превращают подчас в яростную, бесноватую тварь. Единственное средство против их чар — это музыка; нам известны передаваемые из поколения в поколение чудодейственные напевы, которые мы поем или наигрываем на свирели и таким способом прогоняем злых духов. Я принадлежу к роду, наделенному магической силой, и обладаю этой силой в ее наивысшей степени. Если над твоей дочерью властвует наваждение, если оно наложило на нее свои чары, я поручусь головой, что избавлю ее от его губительной власти.

Королю, человеку сведущему и наслышанному о тех поразительных тайнах, которыми владеют арабы, уверенная речь принца внушила надежду. Он тотчас же повел его к самой высокой из башен. Прежде чем они попали в нее, им пришлось миновать много дверей. Они поднялись наверх, где находились покои принцессы. Их окна выходили на террасу с балюстрадаю, откуда открывался вид на Толедо и его окрестности. Впрочем, окна были завешены; здесь лежала принцесса, снедаемая тоской и решительно отвергавшая все утешения.

Принц, присев на террасе, исполнил на своей пастушеской дудке несколько диких арабских напевов, которым он научился от слуг во дворце Хенералифе. Принцесса по-прежнему была безучастна; присутствовавшие при этом врачи покачивали головой, недоверчиво и презрительно

усмехаясь. Принц оставил свирель и запел; мелодия его была простой и бесхитростной, но он пел ее на стихи из того послания, в котором изъяснял свою страсть.

Принцесса сразу узнала стихи; трепетная радость залила ее сердце; слезы застлали глаза и потекли по щекам; грудь ее от волнения стала мерно вздыматься. Она хотела, чтобы певец приблизился к ней, но девичья застенчивость заставила ее промолчать. Король угадал ее желание, и Ахмеда ввели в ее комнату. Влюбленные были благоразумны; они обменялись лишь взглядами, но эти взгляды стоили целых томов. Никогда еще музыка не знала такого триумфа! На нежные щеки принцессы возвратился румянец, ее губы вновь стали алыми, ее глаза засветились прежним сиянием.

Врачи удивленно переглянулись. Король посмотрел на певца одновременно с восхищением и со страхом.

— О юный волшебник! — воскликнул он. — Отныне ты будешь моим придворным врачом, и никаких лекарств, кроме твоих мелодий, я больше не признаю. А теперь требуй свою награду — наиболее драгоценную вещь из моей сокровищницы.

— Государь, — ответил Ахмед, — мне не нужно ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней. Но у тебя в сокровищнице хранится одна реликвия, оставшаяся от мусульман, когда-то владевших Толедо, — я говорю о ларчике из сандала, внутри которого находится шелковый коврик. Подари мне этот ларчик, я больше ничего не желаю.

Всех изумила скромность араба; изумление это возросло еще больше, когда принесли ларчик и развернули ковер. То был кусок тонкого зеленого шелка, затканый еврейскими и халдейскими письменами. Придворные медики переглядывались и пожимали плечами: простодушие их новоявленного собрата, удовлетворившегося столь ничтожным вознаграждением, вызвало на их лице усмешку.

— Этот ковер, — сказал принц, — покрывал некогда трон Соломона Премудрого; он достоин того, чтобы на него ступили ножки красавицы.

Сказав это, он расстелил его вдоль ложа, принесенного сюда для принцессы. Затем, усевшись у ее ног, он молвил:

— Кто может воспрепятствовать начертанному в книге судеб? Предсказания астрологов сбылись. Знайте, государь, что ваша дочь и я уже давно втайне любим друг друга. Перед вами «Паломник любви».

Лишь только эти слова успели слететь с его уст, как ковер взвился в воздух, унося принца с принцессою. Король и его придворные медики с широко раскрытыми от изумления

ртами пялили на них глаза и провожали их взглядами, пока влюбленные не превратились в крошечное пятнышко на лоне белоснежного облака и не исчезли наконец в синеве небосвода.

Взбешенный король призвал казначея.

— Как ты мог, — закричал он, — как ты мог допустить, чтобы этот талисман попал в руки неверного?

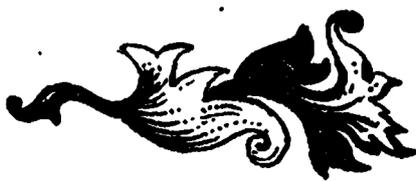
— Увы, государь, нам были неведомы его свойства, и мы не могли прочесть надписи на ларце. Если это — ковер с трона Соломона Премудрого, то он действительно обладает магической силой и может переносить своего владельца с места на место.

Король собрал сильное войско и отправился в Гранаду догонять беглецов. Его путь был долог и труден. Став лагерем у стен города, он послал герольда с требованием возвратить ему дочь. В ответ на это навстречу ему вышли султан и вместе с ним его двор; король узнал в султানে мнимого менестреля, ибо Ахмед по смерти отца унаследовал трон, а прекрасная Альдегонда стала султаншею.

Христианский король, выяснив, что его дочь сохранила прежнюю веру, легко примирился со всем происшедшим; он не то чтобы был чрезмерно благочестив, но для христианских государей религия всегда является вопросом их царского достоинства и этикета. Вместо кровавых битв последовали пышные празднества и увеселения, после чего счастливый король возвратился в Толедо, а юная чета, столь же счастливо, как и мудро, царствовала в Альгамбре.

Необходимо добавить, что сова и попугай, действуя в одиночку, порознь, не торопясь и не утомляя себя трудными перелетами, последовали за принцем в Гранаду; первая путешествовала только ночами, останавливаясь в многочисленных наследственных владениях ее рода; второй увеселял блестящее общество городов — как больших, так и малых, — через которые пролегал его путь.

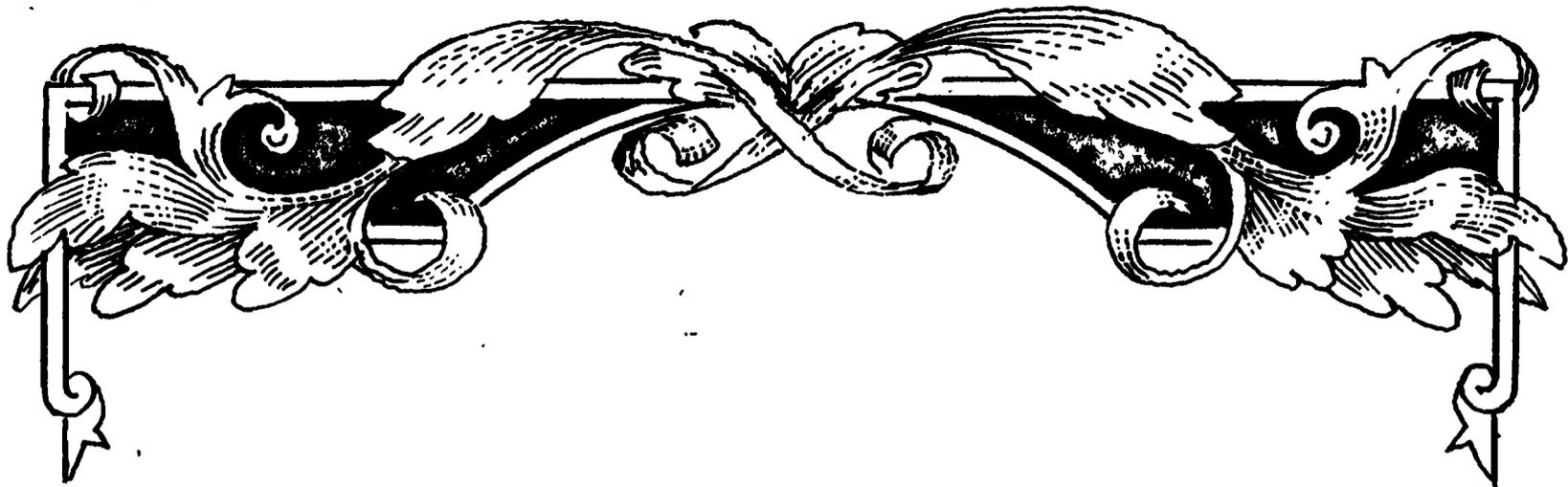
Ахмед щедро рассчитался с ними за службу во время его паломничества. Он назначил сову своим первым министром, а попугая — обер-церемониймейстером. И, надо сказать, никогда ни одно государство не управлялось так мудро и ни один двор не содержался так пышно и в таком блестящем порядке.

АННЕ ЛИСБЕТ

АННЕ ЛИСБЕТ

Анне Лисбет была красавица, просто кровь с молоком, молодая, веселая. Зубы сверкали ослепительной белизной, глаза так и горели; легка была она в танцах, еще легче в жизни! Что же вышло из этого? Дрянной мальчишка! Да, некрасив-то он был, некрасив! Его и отдали на воспитание жене землекопа, а сама Анне Лисбет попала в графский замок, поселилась в роскошной комнате; одели ее в шелк да в бархат. Ветерок не смел на нее пахнуть, никто — грубого слова сказать: это могло расстроить ее, она могла заболеть, а она ведь кормила грудью графчика! Графчик был такой нежный, что твой принц, и хорош собою, как ангелочек. Как Анне Лисбет любила его! Ее же собственный сын ютился в избушке землекопа, где не каша варилась, а больше языки трещали, чаще же всего мальчишка орал в пустой избушке один-одинешенек. Никто не слышал его криков, так некому было и пожалеть! Кричал он, пока не засыпал, а во сне не чувствуешь ведь ни голода, ни холода; сон вообще чудесное изобретение! Годы шли, а с годами и сорная трава вырастает, как говорится; мальчишка Анне Лисбет тоже рос, как сорная трава. Он так и остался в семье землекопа, Анне Лисбет заплатила за это и развязалась с ним окончательно. Сама она стала горожанкой, жилось ей отлично, она даже носила шляпки, но к землекопу

с женой не заглядывала никогда — далеко было, да и нечего ей было у них делать! Мальчишка принадлежал теперь им, и так как есть-то он умел, говорили они, то и должен был сам зарабатывать себе на харчи. Пора было ему взяться за дело, вот его и приставили пасти рыжую корову Мадса Йенсена.

Цепной пес на дворе белильщика гордо сидит в солнечные дни на крыше своей конуры и лает на прохожих, а в дождь забирается в конуру; ему там и сухо и тепло. Сынишка Анне Лисбет сидел в солнечные дни у канавы, стругая кол, и мечтал: весною он заприметил три цветка земляники, — «наверно, из них выйдут ягоды!» Мысль эта была его лучшей радостью, но ягоды не успели. В дождь и непогоду он промокал до костей, а резкий ветер просушивал его. Если же случалось ему забраться на барский двор, его угощали толчками и пинками; он такой дрянной, некрасивый, говорили девушки и парни, и он уже привык не знать ни любви, ни ласки!

Так как же сынку Анне Лисбет жилось на белом свете? Что выпало ему на долю? Не зная ни любви, ни ласки!

Наконец его совсем сжили с земли — отправили в море на утлом судне. Он сидел на руле, а шкипер пил. Грязен, прожорлив был мальчишка; можно было подумать, что он отроду досыта не наедался! Да так оно и было.

Стояла поздняя осень, погода была сырая, мгlistая, холодная; ветер пронизывал насквозь, несмотря на толстое платье, особенно на море. А в море плыло однопарусное утлое судно всего с двумя моряками на борту, можно даже сказать, что их было всего полтора: шкипер да мальчишка. Весь день стояли мгlistые сумерки, к вечеру стало еще темнее; мороз так и щипал. Шкипер принялся прихлебывать, чтобы согреться; бутылка не сходила со стола, рюмка — тоже; ножка у нее была отбита, и вместо нее к рюмке приделана деревянная, выкрашенная в голубой цвет подставка. «Один глоток — хорошо, два — еще лучше», — думал шкипер. Мальчик сидел на руле, держась за него обеими жесткими, запачканными в дегте руками.

Некрасив он был: волосы жесткие, унылый, забитый вид... Да, вот каково приходилось мальчишке землекопа, по церковным книгам — сыну Анне Лисбет.

Ветер резал волны по-своему, судно по-своему! Парус надулся, ветер подхватил его, и судно понеслось стрелою. Сырость, мгла... Но этим еще не кончилось! Стоп!.. Что такое? Что за толчок? Отчего судно взметнулось? Что случилось? Вот оно завертелось... Что это, хлынул ливень,

обдало судно волною?.. Мальчик-рулевой вскрикнул: «Господи Иисусе!» Судно налетело на огромный подводный камень и погрузилось в воду, как старый башмак в канаву, потонуло «со всеми людьми и мышами», как говорится. Мышей-то на нем было много, а людей всего полтора человека: шкипер да сынишка землекопа. Никто не видал крушения, кроме крикливых чаек и рыб морских, да и те ничего не разглядели хорошенько, испуганно метнувшись в сторону, когда вода с таким шумом ворвалась в затонувшее судно. И затонуло-то оно всего на какую-нибудь сажень! Скрыты были под водой шкипер и мальчишка, скрыты и позабыты! На поверхность всплыла только рюмка с голубою деревянною подставкой, — подставка-то и заставила всплыть рюмку. Волны понесли ее и, разбив, выкинули на берег. Когда, где? Не все ли равно; она отслужила свой век, была любима, не то что сын Анне Лисбет! Но, вступив в небесные чертоги, ни одной душе не приходится больше жаловаться на то, что ей суждено было век не знать ни любви, ни ласки!

Анне Лисбет жила в городе уже много лет, и все звали ее «сударыней». А уж как подымала она нос, если речь заходила о старых временах, когда она жила в графском доме, разъезжала в карете и имела случай разговаривать с графинями да баронессами! И что за красавчик, ангелочек, душка был ее графчик! Как он любил ее, и как она его! Они целовали друг друга, гладили друг друга; он был ее радостью, половиной ее жизни.

Теперь он уж вырос, ему было четырнадцать лет, и он обучался разным наукам. Но она не видала его с тех пор, как еще носила на руках; ни разу за все это время она не побывала в графском замке: далеко было, целое путешествие!

— Когда-нибудь да все-таки надо собраться! — сказала Анне Лисбет. — Надо же мне взглянуть на мое сокровище, моего графчика! И он-то, верно, соскучился обо мне, думает обо мне, любит по-прежнему! Бывало, уцепится своими ручонками за мою шею да и лепечет: «Ан Лис!» Голосок — что твоя скрипка! Да, надо собраться взглянуть на него!

И она отправилась; где проедет конец дороги на возке с телятами, где пешком пройдет, так помаленьку и добралась до графского замка. Замок был все такой же огромный, роскошный; перед фасадом по-прежнему расстилался сад, но слуги все были новые. Ни один из них не знал Анне Лисбет, не знал, что она значила когда-то здесь, в доме. Ну, да сама графиня скажет им, объяснит все, и графчик тоже. Как она соскучилась по нем!

Ну, вот Анне Лисбет и вошла. Долго пришлось ей ждать, а когда ждешь, время тянется еще дольше! Перед тем как господам сесть за стол, ее позвали к графине, которая приняла ее очень благосклонно. Дорогого же графчика своего Анне Лисбет могла увидеть только после обеда. Господа откушали, и ее позвали опять.

Как он вырос, вытянулся, похудел! Но глазки и ротик все те же! Он взглянул на нее, но не сказал ни слова. Он, кажется, не узнал ее. Он уже повернулся, чтобы уйти, как она вдруг схватила его руку и прижала ее к губам. «Ну, ну, хорошо, хорошо!» — сказал он и вышел из комнаты. Он, ее любовь, ее гордость, сокровище, так холодно обошелся с нею!

Анне Лисбет вышла из замка очень печальная. Он встретил ее как чужую, он совсем не помнил ее, не сказал ей ни слова, ей, своей кормилице, носившей его на руках день и ночь, носившей его и теперь в мыслях!

Вдруг прямо перед ней слетел на дорогу большой черный ворон, каркнул раз, потом еще и еще.

— Ах ты зловещая птица! — сказала Анне Лисбет.

Пришлось ей идти мимо избушки землекопа; на пороге стояла сама хозяйка, и женщины заговорили.

— Ишь ты, как раздобрела! — сказала жена землекопа. — Толстая, здоровая! Хорошо живется, видно!

— Ничего себе! — ответила Анне Лисбет.

— А судно-то с ними погибло! — продолжала та. — Оба утонули — и шкипер Ларс и мальчишка! Конец! А я-то думала, мальчишка вырастет, помогать станет нам! Тебе-то ведь он грош стоил, Анне Лисбет!

— Так они потонули! — сказала Анне Лисбет, и больше они об этом не говорили. Она была так огорчена — графчик не удостоил ее разговором! А она так любила его, пустилась в такой дальний путь, чтобы только взглянуть на него, в такие расходы вошла!.. Удовольствия же — на грош. Но, конечно, она не проговорила о том ни словом, не захотела излить сердца перед женою землекопа: вот еще! Та, пожалуй, подумает, что Анне Лисбет больше не в почете у графской семьи!.. Тут над ней опять каркнул ворон.

— Ах ты черное пугало! — сказала Анне Лисбет. — Что ты все пугаешь меня сегодня!

Она захватила с собою кофе и цикорию; отсыпать щепотку на угощение жене землекопа значило бы оказать бедной женщине такое благодеяние, а за компанию и сама Анне Лисбет могла выпить чашечку. Жена землекопа пошла варить кофе, а Анне Лисбет присела на стул да задремала.

И вот диковина: во сне ей приснился тот, о ком она никогда и не думала! Ей приснился собственный сын, который голодал и ревел в этой самой избушке, рос без призора, а теперь лежал на дне моря, бог ведает где. Снилось ей, что она сидит, где сидела, и что жена землекопа ушла варить кофе; вот уже вкусно запахло, как вдруг в дверях появился престный мальчик, не хуже самого графчика, и сказал ей:

«Теперь конец миру! Держись за меня крепче — все-таки ты мне мать! У тебя есть на небесах ангел-заступник! Держись за меня!»

И он схватил ее; в ту же минуту раздался такой шум и гром, как будто мир лопнул по всем швам. Ангел взвился на воздух и так крепко держал ее за рукав сорочки, что она почувствовала, как отделяется от земли. Но вдруг на ногах ее повисла какая-то тяжесть, и что-то тяжелое навалилось на спину. За нее цеплялись сотни женщин и кричали: «Если ты спасешься, так и мы тоже! Цепляйтесь за нее, цепляйтесь!» И они крепко повисли на ней. Тяжесть была слишком велика, рукав затрещал и разорвался, Анне Лисбет полетела вниз. От ужаса она проснулась и чуть было не упала со стула. В голове у нее была путаница, она и вспомнить не могла, что сейчас видела во сне, — что-то дурное!

Попили кофе, поговорили, и Анне Лисбет направилась в ближний городок; там ждал ее крестьянин, с которым она хотела нынче же вечером доехать до дому. Но когда она пришла к нему, он сказал, что не может выехать раньше вечера следующего дня. Она порассчитала, что будет ей стоить прожить в городе лишний день, пораздумала о дороге и сообразила, что если она пойдет не по проезжей дороге, а вдоль берега, то выиграет мили две. Погода была хорошая, ночи стояли светлые, лунные, Анне Лисбет и порешила идти пешком. На другой же день она могла уже быть дома.

Солнце село, но колокола еще звонили... Нет, это вовсе не колокола звонили, а лягушки квакали в прудах. Потом и те смолкли; не слышно было и птичек: маленькие певчие улеглись спать, а совы, должно быть, не было дома.

Безмолвно было и в лесу и на берегу. Анне Лисбет слышала, как хрустел под ее ногами песок; море не плескалось о берег; тихо было в морской глубине: ни живые, ни мертвые не подавали голоса.

Анне Лисбет шла, как говорится, не думая ни о чем; да, она-то могла обойтись без мыслей, но мысли-то не хотели от нее отстать. Мысли никогда не отстают от нас, хотя и выдаются минуты, когда они спокойно дремлют в нашей

душе, дремлют как те, что уже сделали свое дело и успокоились, так и те, что еще не просыпались в нас. Но настает час, и они просыпаются, начинают бродить в нашей голове, заполняют нас.

«Доброе дело и плод приносит добрый!» — сказано нам. «А в грехе — зародыш смерти», — это тоже сказано. Много вообще нам сказано, но многие ли об этом помнят? Анне Лисбет по крайней мере к таким не принадлежала. Но для каждого рано или поздно наступает минута просветления.

В нашем сердце, во всех сердцах, и в моем и в твоём, скрыты зародыши всех пороков и всех добродетелей. Лежат они там крошечными, невидимыми семенами; вдруг в сердце проникает солнечный луч или прикасается к нему злая рука, и ты сворачиваешь вправо или влево — да, вот этот-то поворот и решает все: маленькое семечко встряхивается, разбухает, пускает ростки, и сок его смешивается с твоею кровью, а тогда уж дело сделано. Страшные это мысли! Но пока человек ходит как в полусне, он не сознает этого, мысли эти только смутно бродят в его голове. В таком-то полусне бродила и Анна Лисбет, а мысли, в свою очередь, начинали бродить в ней! От сретения до сретения сердце успевает занести в свою расчетную книжку многое; на страницах ее ведется годовая отчетность души; все внесено туда, все то, о чем сами мы давно забыли: все наши грешные слова и мысли, грешные перед богом и людьми и перед нашею собственною совестью! А мы и не думаем о них, как не думала и Анна Лисбет. Она ведь не совершила преступления против государственных законов, слыла почтенною женщиной, все уважали ее, о чем же ей было думать?

Она спокойно шла по берегу, вдруг... что это лежит на дороге?! Она остановилась. Что это выброшено на берег? Старая мужская шапка. Как она попала сюда? Видно, смыло ее за борт. Анна Лисбет подошла ближе и опять остановилась... Ах! Что это?! Она задрожала от испуга, а пугаться-то вовсе было нечего: перед ней лежал большой продолговатый камень, опутанный водорослями, — на первый взгляд казалось, что на песке лежит человек. Теперь она разглядела ясно и камень и водоросли, но страх ее не проходил. Она пошла дальше, и ей припомнилось поверье, которое она слышала в детстве, поверье о береговике, призраке непогребенных утопленников. Сам утопленник никому зла не делает; но призрак его преследует одинокого путника, цепляется за него и требует христианского погребения. «Цепляйся! Цепляйся!» — кричит призрак. Как

только Анне Лисбет припомнила это, в ту же минуту ей вспомнился и весь ее сон. Она словно наяву услышала крик матерей, цеплявшихся за нее: «Цепляйтесь! Цепляйтесь!» Вспомнила она, как рушился мир, как разорвался ее рукав, и она вырвалась из рук своего сына, хотевшего поддержать ее в час Страшного суда. Ее сын, ее собственное, родное, нелюбимое дитя, о котором она ни разу не вспоминала, лежал теперь на дне моря и мог явиться ей в виде берегового призрака с криком: «Цепляйся! Цепляйся! Зарой меня в землю по-христиански!» От этих мыслей у нее даже в пятках закололо, и она прибавила шагу. Ужас сжимал ее сердце, словно кто давил его холодной, влажной рукой. Она готова была лишиться чувств.

Туман над морем между тем все густел и густел; все кусты и деревья на берегу тоже были окутаны туманом и приняли странные, диковинные очертания. Анне Лисбет обернулась взглянуть на месяц. У, какой холодный, мертвенный блеск, без лучей! Словно какая-то страшная тяжесть навалилась на Анне Лисбет, члены ее не двигались. «Цепляйся, цепляйся!» — пришло ей на ум. Она опять обернулась взглянуть на месяц, и ей показалось, что его бледный лик приблизился к ней, заглянул ей в самое лицо, а туман повис у нее на плечах, как саван. Она прислушалась, ожидая услышать: «Цепляйся! Цепляйся! Зарой меня!» — и в самом деле раздался какой-то жалобный, глухой стон... Это не лягушка квакнула в пруде, не ворона каркнула — их не было видно кругом. И вот ясно прозвучало: «Зарой меня!» Да, это призрак ее сына, лежащего на дне морском. Не зная ему покоя, пока его тело не отнесут на кладбище и не предадут земле! Скорее, скорее на кладбище, надо зарыть его! Анне Лисбет повернула по направлению к церкви, и ей сразу стало легче. Она было хотела опять повернуть назад, чтобы кратчайшей дорогой добраться до дому, — не тут-то было! На нее опять навалилась та же тяжесть. «Цепляйся! Цепляйся!» Опять словно квакнула лягушка, жалобно прокричала какая-то птица, и явственно прозвучало: «Зарой меня! Зарой меня!»

Холодный, влажный туман не редел; лицо и руки Анне Лисбет тоже были холодны и влажны от ужаса. Все тело ее сжимало, как в тисках; зато в голове образовалось обширное поле для мыслей — таких, каких она никогда прежде не знавала.

Весной на севере буковые леса, бывает, распускаются в одну ночь; взойдет солнышко, и они уже в полном весеннем уборе. Так же, в одну секунду, может пустить ростки и

вложенное в нас нашею прошлою жизнью — мыслью, словом или делом — семя греха; и в одну же секунду может грех сделаться для нас видимым, в ту секунду, когда просыпается наша совесть. Пробуждает ее господь, и как раз тогда, когда мы меньше всего того ожидаем. И тогда нет для нас оправдания: дело свидетельствует против нас, мысли облекаются в слова, а слова звучат на весь мир. С ужасом глядим мы на то, носили в себе, не стараясь заглушить, на то, что мы в нашем высокомерии и легкомыслии сеяли в своем сердце. Да, в тайнике сердца кроются все добродетели, но также и все пороки, и те и другие могут развиться даже на самой бесплодной почве.

У Анне Лисбет бродило в мыслях как раз то, что мы сейчас высказали словами; под бременем этих мыслей она опустилась на землю и проползла несколько шагов. «Зарой меня! Зарой меня!» — слышалось ей. Она лучше бы зарылась в могилу сама — в могиле можно было найти вечное забвение! Настал для Анне Лисбет серьезный, страшный час пробуждения совести. Суеверный страх бросал ее то в озноб, то в жар. Много, о чем она никогда и думать не хотела, теперь пришло ей на ум. Беззвучно, словно тень от облачка в яркую лунную ночь, пронеслось мимо нее видение, о котором она слыхала прежде. Близко-близко мимо нее промчалась четверка фыркающих коней; из очей и ноздрей их сверкало пламя; они везли горевшую как жар карету, а в ней сидел злой помещик, который больше ста лет тому назад бесчинствовал тут, в окрестностях. Рассказывали, что он каждую полночь въезжает на свой двор и сейчас же поворачивает обратно. Он не был бледен, как, говорят, бывают все мертвецы, но черен, как уголь. Он кивнул Анне Лисбет и махнул рукой: «Цепляйся, цепляйся! Тогда опять сможешь ездить в графской карете и забыть свое дитя!»

Анне Лисбет опрометью бросилась вперед и скоро достигла кладбища. Черные кресты и черные вороны мелькали у нее перед глазами. Вороны кричали, как тот ворон, которого она видела днем, но теперь она понимала их карканье. Каждый кричал: «Я воронья мать! Я воронья мать!» И Анне Лисбет знала, что это имя подходит и к ней: и она, быть может, превратится вот в такую же черную птицу и будет постоянно кричать, как они, если не успеет вырыть могилы.

Она бросилась на землю и руками начала рыть в твердой земле могилу; кровь брызнула у нее из-под ногтей.

«Зарой меня! Зарой меня!» — звучало без перерыва.

Анне Лисбет боялась, как бы не раздалось пение петуха, не показалась на небе красная полоска зари, прежде чем она выроет могилу, — тогда она погибла! Но вот петух пропел, загорелась заря, а могила была вырыта только наполовину!.. Холодная, ледяная рука скользнула по ее голове и лицу, соскользнула на сердце. «Только полмогилы!» — слышался вздох, и видение опустилось на дно моря. Да, это был береговой призрак! Анне Лисбет, подавленная, упала на землю без сознания, без чувств.

Она пришла в себя только среди бела дня; двое парней подняли ее с земли. Анне Лисбет лежала вовсе не на кладбище, а на самом берегу моря, где выкопала в песке глубокую яму, до крови порезав себе пальцы о разбитую рюмку; острый осколок ее был прикреплен к голубой деревянной подставке. Анне Лисбет была совсем больна. Совесть перетасовала карты суеверия, разложила их и вывела заключение, что у Анне Лисбет теперь только половина души: другую половину унес с собою на дно моря ее сын. Не попасть ей в царство небесное, пока она не вернет себе этой половины, лежащей в глубине моря! Анне Лисбет вернулась домой уже не тем человеком, каким была прежде; мысли ее словно смотались в клубок, и только одна нить осталась у нее в руках: мысль, что она должна отнести береговой призрак на кладбище и предать его земле — тогда она опять обретет всю свою душу.

Много раз схватывались ее по ночам и всегда находили на берегу, где она ожидала береговой призрак. Так прошел целый год. Однажды ночью она опять исчезла, но найти ее не могли; весь следующий день прошел в бесплодных поисках.

Под вечер пономарь пришел в церковь звонить к вечерне и увидел перед алтарем распростертую на полу Анне Лисбет. Тут она лежала с раннего утра; силы почти совсем оставили ее, но глаза сияли, на лице горел розоватый отблеск заходящего солнца; лучи его падали и на алтарь и играли на блестящих застежках Библии, которая была раскрыта на странице из книги пророка Иоила: «Раздерите сердца ваши, а не одежды, и обратитесь к господу!»

— Ну, случайно так вышло! — говорили потом люди, как и во многих подобных случаях.

Лицо Анне Лисбет, освещенное солнцем, дышало ясным миром и спокойствием; ей было так хорошо! Теперь у нее отлегло от сердца: ночью береговой призрак ее сына явился ей и сказал: «Ты вырыла только полмогилы для меня, но вот уж год ты носишь меня в своем сердце, а в серд-

це матери самое верное убежище ребенка!» И он вернул ей другую половину ее души и привел ее сюда, в церковь.

«Теперь я в божьем доме, — сказала она, — а тут спасение!»

Когда солнце село, душа ее вознеслась туда, где нечего бояться тому, кто здесь боролся и страдал до конца, как Анне Лисбет.

БЛОХА И ПРОФЕССОР

Жил-был воздухоплаватель. Ему не повезло: шар его лопнул, и сам он упал и разбился. Сына же своего он за несколько минут перед тем спустил на парашюте, и это было счастьем для мальчика — он достиг земли целым и невредимым. В нем были все задатки, чтобы сделаться таким же воздухоплателем, как отец, но у него не было ни шара, ни средств на приобретение его.

Жить, однако, чем-нибудь да надо было, и он занялся фокусничеством и чревоуещанием. Он был молод, красив собою и, когда возмужал да отпустил себе усы и стал ходить в хороших платьях, мог сойти хоть за природного графа. Дамам он очень нравился, а одна девица так прямо влюбилась в него за его красоту и ловкость и решила разделить его скитальческую жизнь по чужим странам. Там он присвоил себе титул профессора, — меньшим уж он не мог довольствоваться.

Заветною мечтою его было приобрести себе воздушный шар и подыматься на нем вместе с молодою женой, да вот беда — денег не было.

— Ну, когда-нибудь да они придут к нам! — говорил он.

— Если только захотят! — отвечала жена.

— Что ж, люди мы ведь еще молодые, а я уже профессор! И крошки ведь тоже хлеб!

Жена всячески помогала мужу, сидела у дверей и продавала билеты на представления, а холодное это было удовольствие зимою! Помогала она ему также и в одном фокусе. Он прятал ее в ящик стола, — стол был огромный, а она оттуда перебиралась в задний ящик, и в переднем ее уже не оказывалось. Выходил как будто обман зрения.

Но однажды вечером, когда он выдвинул ящик, оказалось, что жена исчезла вправду! Ее не было ни в переднем

ящике, ни в заднем, не было во всем доме — исчезла без следа! Это уж был ее фокус! Она так и не вернулась к нему больше; жене наскучила эта жизнь, а муж стал так скучать по жене, что утратил свой веселый нрав, не мог больше шутить и паясничать, и публика перестала ходить на его представления. Заработки стали плохие, платье износилось; под конец из всего имущества осталась у профессора одна большая блоха — память о жене; не мудрено, что он души не чаял в этой блохе! Он выдрессировал ее и обучил разным штукам: делать на караул ружьем и стрелять из пушки — конечно, из маленькой.

Профессор гордился своею блохою, а она гордилась собою: она ведь обучилась кое-чему, в ней текла человеческая кровь, и, кроме того, она побывала в разных городах, показывала свои фокусы перед принцами и принцессами и удостоивалась их высокого одобрения. Об этом говорилось и в газетах и в афишах. Блоха сознавала себя знаменитостью, знала, что в состоянии прокормить не только своего профессора, но хоть целую семью.

Она была горда, знаменита, но — увы! — путешествуя со своим профессором по железным дорогам, всегда занимала место в четвертом классе! Что ж, и в четвертом едешь ведь не тише, чем в первом! Блоха и профессор вступили друг с другом в крепкий, хотя и молчаливый союз, дали друг другу молчаливый обет никогда не разлучаться, никогда не жениться. Блоха решила остаться холостяком, профессор — вдовцом. Одно стоило другого.

— Туда, где произвел наибольший фурор, нельзя заглядывать второй раз! — говаривал профессор; он знал людей, а это ведь тоже кое-что значит.

Но вот наконец он побывал во всех странах, кроме страны дикарей, и решил отправиться туда. Правда, он знал, что дикари поедают христиан, но сам он был не настоящий христианин, а блоха не настоящий человек, так он и порешил, что они могут отважиться на такое путешествие и даже заработать там хорошие денежки.

Часть пути они сделали на пароходе, часть на парусном судне; блоха проделывала свои штуки, и таким образом дорога окупилась. Наконец они прибыли в страну дикарей.

Страною правила маленькая принцесса; ей было всего восемь лет, но она уже правила. Принцесса просто-напросто отняла власть у отца и матери, — она была страсть какая своевольная, да к тому же на диво миленькая и непослушная.

Как только блоха показала свои штуки: сделала ружьем на караул и выстрелила из пушки, принцесса влюбилась в нее и воскликнула:

— Она или никто! Я выйду за нее замуж!

Принцесса совсем одичала от любви, а и без того-то уж была дикая.

— Милое, дорогое дитяtko! Умница ты наша! — заговорил ее отец. — Да если бы можно было сначала сделать из блохи человека!

— Не твое дело, старый! — отрезала принцесса, и это было с ее стороны не очень-то красиво — она ведь говорила с отцом. Но уж такая она была дикая!

Она посадила блоху себе на руку и сказала ей:

— Теперь ты человек и царствуешь вместе со мною! Но ты должна делать, что я хочу, иначе я убью тебя и съем профессора!

Профессору отвели большую залу. Стены были из сахарного тростника — знай лижи их себе вволю, но он не был лакомкой. Вместо же постели ему дали висячую койку, и он покачивался в ней, как в корзине воздушного шара, о котором не переставал мечтать.

Блоха осталась у принцессы, сидела на ее маленькой ручке и на шейке; принцесса выдернула у себя из головы волос и велела профессору обвязать его вокруг ножки блохи, другой же конец волоса прикрепила к большому куску коралла, красовавшемуся у нее в ухе.

То-то настало блаженное времечко для принцессы, да и для блохи тоже — по мнению принцессы. Но профессор не был доволен: он был путешественник в душе, любил странствовать из города в город и читать в газетах похвалы своему терпению и ловкости, которые помогли ему обучить блоху разным человеческим штукам. Изо дня в день качался он в своей койке, ничего не делая, только ел да пил. Пища ему отпускалась хорошая: свежие птичьи яйца, слоновьи глаза и жареные ляжки жирафа. Людоеды питаются не одним человеческим мясом; оно у них только считается самым изысканным блюдом.

— Особенно хороши детские плечики под острым соусом! — говорила мать принцессы.

Профессор скучал и рвался вон из страны дикарей, но не мог же он оставить здесь свою блоху — она ведь была его славой и кормилицей. Да как же заполучить ее? Задача не легкая!

Он напярэг все свои мыслительные способности и наконец воскликнул: «Нашел!»

— Принцессин отец! Разреши мне заняться чем-нибудь! Разреши обучить всех жителей страны делать на караул! В величайших странах мира это служит признаком высшей образованности!

— А чему ты можешь научить меня? — спросил отец принцессы.

— Моему высшему искусству! — сказал профессор. — Искусству палить из пушки так, что вся земля начнет дрожать, а с неба посыплется вкуснейшие жареные птицы! Вот как!

— Давай сюда пушку! — сказал отец принцессы.

Но во всей стране не нашлось ни одной пушки, кроме той, которую привезла с собою блоха, но эта была чересчур мала.

— Я отолью большую! — сказал профессор. — Только дайте мне материалы! Мне нужны тонкая шелковая материя, иголки и нитки, канаты и веревки, а также желудочные капли для воздушных шаров — они раздувают, поднимают шары на воздух, они же производят и взрыв в желудке пушки.

Все, что он потребовал, было ему выдано.

Все жители страны сбежались посмотреть на большую пушку. Но профессор позвал их не раньше, чем шар был совсем готов наполниться газом и подняться.

Блоха сидела на руке принцессы и тоже смотрела. Шар наполнился газом, он раздулся, и его еле удерживали — он совсем одичал.

— Мне надо будет подняться на воздух, чтобы пушка остыла! — сказал профессор и уселся в корзину, прикрепленную под шаром. — Но одному мне не справиться! Мне нужен знающий помощник! Кроме же блохи никто не годится!

— Не очень-то я охотно отпускаю ее! — молвила принцесса, но все-таки отдала блоху профессору. Тот посадил ее себе на руку.

— Теперь отпустите веревки и канат! — закричал он народу. — Игрушка подымается!

А дикарям слышалось «пушка подымается».

И вот шар стал подыматься все выше да выше к облакам и улетел из земли дикарей.

А принцесса, ее мать, отец и весь народ все стояли да ждали. Они ждут и посеичас, а не веришь, поезжай сам в страну дикарей, — там каждый ребенок говорит о блохе и профессоре и верит, что они вернутся, когда пушка остынет. Но они и не думают возвращаться: они давно дома, на своей

родине, и разъезжают по железным дорогам уже в первом, а не в четвертом классе. Теперь они много зарабатывают — у них свой большой воздушный шар. Никто не спрашивает, как и где они его добыли, — они ведь теперь люди со средствами, всеми уважаемые — и блоха и профессор.

ДОЧЬ БОЛОТНОГО ЦАРЯ

Много сказок рассказывают аисты своим птенцам — все про болота да про трясины. Сказки, конечно, приноравливаются к возрасту и понятиям птенцов. Малышам довольно сказать «крибле, крабле, плурремурре», — для них и это куда как забавно; но птенцы постарше требуют от сказки кое-чего побольше, по крайней мере того, чтобы в ней упоминалось об их собственной семье. Одну из самых длинных и старых сказок, известных у аистов, знаем и мы все. В ней рассказывается о Моисее, которого мать пустила в корзинке по волнам Нила, а дочь фараона нашла и воспитала. Впоследствии он стал великим человеком, но где похоронен — никому неизвестно. Так оно, впрочем, сплошь да рядом бывает.

Другой сказки еще никто не знает, может быть, именно потому, что она родилась у нас, здесь. Вот уже с тысячу лет, как она переходит из уст в уста, от одной аистихи-мамаши к другой, и каждая аистиха рассказывает ее все лучше и лучше, а мы теперь расскажем лучше их всех!

Первая пара аистов, пустившая эту сказку в ход и сама принимавшая участие в описываемых в ней событиях, всегда проводила лето на даче в Дании, близ Дикого болота, в Венсюсселе, то есть в округе Йёринг, на севере Ютландии — если уж говорить точно. Гнездо аистов находилось на крыше бревенчатого дома викинга. В той местности и до сих пор еще есть огромное болото; о нем можно даже прочесть в официальном описании округа. Местность эта — говорится в нем — была некогда морским дном, но потом дно поднялось; теперь это несколько квадратных миль топких лугов, трясин и торфяных болот, поросших морошкой да жалким кустарником и деревцами. Над всей местностью почти постоянно клубится густой туман. Лет семь — десять тому назад тут еще водились волки — Дикое болото вполне заслуживало свое прозвище! Представьте же себе, что было тут тысячу лет тому назад! Конечно, и в те

времена многое выглядело так же, как и теперь: зеленый тростник с темно-лиловыми султанчиками был таким же высоким, кора на березках так же белела, а мелкие их листочки так же трепетали; что же до живности, встречавшейся здесь, так мухи и тогда щеголяли в прозрачных платьях того же фасона, любимыми цветами аистов были, как и теперь, белый с черным, чулки они носили такие же красные, только у людей в те времена моды были другие. Но каждый человек, кто бы он ни был, раб или охотник, мог проваливаться в трясину и тысячу лет тому назад так же, как теперь: ведь стоит только ступить на зыбкую почву ногой — и конец, живо очутишься во владениях болотного царя! Его можно было бы назвать и трясинным царем, но болотный царь звучит как-то лучше. К тому же и аисты его так величали. О правлении болотного царя мало что и кому известно, да оно и лучше, пожалуй.

Недалеко от болота, над самым Лим-фиордом, возвышался бревенчатый замок викинга, в три этажа, с башнями и каменными подвалами. На крыше его свили себе гнездо аисты. Аистиха сидела на яйцах в полной уверенности, что сидит не напрасно!

Раз вечером сам аист где-то замешкался и вернулся в гнездо совсем взъерошенный и взволнованный.

— Что я расскажу тебе! Один ужас! — сказал он аистихе.

— Ах, перестань, пожалуйста! — ответила она. — Не забывай, что я сижу на яйцах и могу испугаться, а это отразится на них!

— Нет, ты послушай! Она-таки явилась сюда, дочка-то нашего египетского хозяина! Не побоялась такого путешествия! А теперь и поминай ее как звали!

— Что? Принцесса, египетская принцесса? Да она ведь из рода фей! Ну, говори же! Ты знаешь, как вредно заставлять меня ждать, когда я сижу на яйцах!

— Видишь, она, значит, поверила докторам, которые сказали, что болотный цветок исцелит ее больного отца, — помнишь, ты сама рассказывала мне? — и прилетела сюда, в одежде из перьев, вместе с двумя другими принцессами. Эти каждый год прилетают на север купаться, чтобы помолодеть! Ну, прилететь-то она прилетела, да и тютю!

— Ах, как ты тянешь! — сказала аистиха. — Ведь яйца могут остыть! Мне вредно так волноваться!

— Я видел все собственными глазами! — продолжал аист. — Сегодня вечером хожу это я в тростнике, где трясина понадежнее, смотрю, летят три лебедки. Но видна птица

по полету! Я сейчас же сказал себе: гляди в оба, это не настоящие лебедки, они только нарядились в перья! Ты ведь такая же чуткая, мать! Тоже сразу видишь, в чем дело!

— Это верно! — сказала аистиха. — Ну, рассказывай же про принцессу, мне уж надоели твои перья!

— Посреди болота, ты знаешь, есть что-то вроде небольшого озера. Приподымись чуточку, и ты отсюда увидишь краешек его! Там-то, на поросшей тростником трясине, лежал большой ольховый пенёк. Лебедки уселись на него, захлопали крыльями и огляделись кругом; потом одна из них сбросила с себя лебединые перья, и я узнал нашу египетскую принцессу. Платья на ней никакого не было, но длинные черные волосы одели ее, как плащом. Я слышал, как она просила подруг присмотреть за ее перьями, пока она не вынырнет с цветком, который померещился ей под водою. Те пообещали, схватили ее оперение в клювы и взвились с ним в воздух. «Эге! Куда же это они?» — подумал я. Должно быть, и она спросила их о том же. Ответ был яснее ясного. Они взвились в воздух и крикнули ей сверху: «Ныряй, ныряй! Не летать тебе больше лебедкой! Не видать родины! Сиди в болоте!» — и расщипали перья в клочки! Пушинки так и запорхали в воздухе, словно снежинки, а скверных принцесс и след простыл!

— Какой ужас! — сказала аистиха. — Сил нет слушать!.. Ну, а что же дальше-то?

— Принцесса принялась плакать и убиваться! Слезы так и бежали ручьями на ольховый пенёк, и вдруг он зашевелился! Это был сам болотный царь — тот, что живет в трясине. Я видел, как пенёк повернулся, глядь — уж это не пенёк! Он протянул свои длинные, покрытые тиной ветви-руки к принцессе. Бедняжка перепугалась, спрыгнула и пустилась бежать по трясине. Да где! Мне не сделать по ней двух шагов, не то что ей! Она сейчас же провалилась вниз, а за ней и болотный царь. Он-то и втянул ее туда! Только пузыри пошли по воде, и — все! Теперь принцесса похоронена в болоте. Не вернуться ей с цветком на родину. Ах, ты бы не вынесла такого зрелища, женушка!

— Тебе бы и не следовало рассказывать мне такие истории! Ведь это может повлиять на яйца!.. А принцесса выпутается из беды! Ее-то уж выручат! Вот случись что-нибудь такое со мной, с тобой или с кем-нибудь из наших, тогда бы — пиши пропало!

— Я все-таки буду настороже! — сказал аист и так и сделал.

Прошло много времени.

Вдруг в один прекрасный день аист увидел, что со дна болота тянется кверху длинный зеленый стебелек; потом на поверхности воды показался листочек; он рос, становился все шире и шире. Затем выглянул из воды бутон, и, когда аист пролетел над болотом, он под лучами солнца распустился, и аист увидел в чашечке цветка крошечную девочку, словно сейчас только вынутую из ванночки. Девочка была так похожа на египетскую принцессу, что аист сначала подумал, будто это принцесса, которая опять стала маленькою, но, рассудив хорошенько, решил, что, вернее, это дочка египетской принцессы и болотного царя. Вот почему она и лежит в кувшинке.

«Нельзя же ей тут оставаться! — подумал аист. — А в нашем гнезде нас и без того много! Пстой, придумал! У жены викинга нет детей, а она часто говорила, что ей хочется иметь малютку... Меня все равно обвиняют, что я приношу в дом ребятишек, так вот я и взаправду притащу эту девочку жене викинга, то-то обрадуется!»

И аист взял малютку, полетел к дому викинга, проткнул в оконном пузыре клювом отверстие, положил ребенка возле жены викинга, а потом вернулся в гнездо и рассказал обо всем жене. Птенцы тоже слушали — они уж подросли.

— Вот видишь, принцесса-то не умерла — прислала сюда свою дочку, а я ее пристроил! — закончил свой рассказ аист.

— А что я твердила тебе с первого же раза? — отвечала аистиха. — Теперь, пожалуйста, подумай и о своих детях! Отлет-то ведь на носу! У меня даже под крыльями чесаться начинает. Кукушки и соловьи уже улетели, а перепелки поговаривают, что скоро начнет дуть попутный ветер. Птенцы наши постоят за себя на маневрах, уж я-то их знаю!

И обрадовалась же супруга викинга, найдя утром у своей груди крошечную прелестную девочку! Она принялась целовать и ласкать малютку, но та стала кричать и отбиваться ручонками и ножонками; ласки, видимо, были ей не по вкусу. Наплакавшись и накричавшись, она наконец уснула, и тогда нельзя было не залюбоваться прелестным ребенком! Жена викинга не помнила себя от радости; на душе у нее стало так легко и весело, — ей пришло на ум, что и супруг ее с дружиной явится так же неожиданно, как малютка. И вот она поставила на ноги весь дом, чтобы успеть приготовиться к приему желанных гостей. По стенам развешали ковры собственной ее работы и работы ее служанок, затканые

изображениями тогдашних богов Одина, Тора и Фрейи. Рабы чистили старые щиты и тоже украшали ими стены; по скамьям были разложены мягкие подушки, а на очаг, находившийся посреди главного покоя, навалили груды сухих поленьев, чтобы сейчас же можно было развести огонь. Под вечер жена викинга так устала от всех этих хлопот, что уснула как убитая.

Проснувшись рано утром, еще до восхода солнца, она страшно перепугалась: девочка ее исчезла! Она вскочила, засветила лучину и осмотрелась: в ногах постели лежала не малютка, а большая отвратительная жаба. Жена викинга в порыве отвращения схватила тяжелый железный дверной болт и хотела убить жабу, но та устремила на нее такой странный, скорбный взгляд, что она не решилась ее ударить. Еще раз осмотрелась она кругом; жаба испустила тихий стон; тогда жена викинга отскочила от постели к отверстию, заменявшему окно, и распахнула деревянную ставню. В эту минуту как раз вошло солнце; лучи его упали на постель и на жабу... В то же мгновение широкий рот чудовища сузился, стал маленьким, хорошеньким ротиком, все тело вытянулось и преобразилось — перед женой викинга очутилась ее красавица дочка, жабы же как не бывало.

— Что это? — сказала жена викинга. — Не злой ли сон приснился мне? Ведь тут лежит мое собственное дитя, мой эльф! — И она прижала девочку к сердцу, осыпая поцелуями, но та кусалась и вырывалась, как дикий котенок.

Не в этот день и не на другой вернулся сам викинг, хотя и был уже на пути домой. Задержал его встречный ветер, который теперь помогал аистам, а им надо было лететь на юг. Да, ветер, попутный одному, может быть противным другому!

Прошло несколько дней, и жена викинга поняла, что над ребенком тяготели злые чары. Днем девочка была прелестна, как эльф, но отличалась злым, необузданным нравом, а ночью становилась отвратительной жабой, но с кротким и грустным взглядом. В девочке как бы соединялись две натуры: днем ребенок, подкинутый жене викинга аистом, наружностью был весь в мать, египетскую принцессу, а характером в отца; ночью же, наоборот, внешнею был похож на последнего, а в глазах светились душа и сердце матери. Кто мог снять с ребенка злые чары? Жена викинга и горевала и боялась, и все-таки привязывалась к бедному созданию все больше и больше. Она решила ничего не говорить о колдовстве мужу: тот, по тогдашнему обычаю, велел бы выбросить бедного ребенка на проезжую доро-

гу — пусть берет кто хочет. А жене викинга жаль было девочку, и она хотела устроить так, чтобы супруг ее видел ребенка только днем.

Однажды утром над замком викинга раздалось шумное хлопанье крыльев, — на крыше отдыхали ночью, после дневных маневров, сотни пар аистов, а теперь все они взлетели на воздух, чтобы пуститься в дальний путь.

— Все мужья готовы! — прокричали они. — Жены с детьми тоже!

— Как нам легко! — говорили молодые аисты. — Так и щекочет у нас внутри, будто нас набили живыми лягушками! Мы отправляемся за границу! Вот счастье-то!

— Держитесь стаей! — говорили им отцы и матери. — Да не болтайте так много — вредно для груди!

И все полетели.

В ту же минуту над степью прокатился звук рога: викинг с дружиной пристал к берегу. Они вернулись с богатою добычей от берегов Галлии, где, как и в Британии, народ в ужасе молился: «Боже, храни нас от диких норманнов!»

Вот пошло веселье в замке викинга! В большой покой вкатили целую бочку меда; запылал костер, закололи лошадей, готовился пир на весь мир. Главный жрец окропил теплою лошадиною кровью всех рабов. Сухие дрова затрещали, дым столбом повалил к потолку, с балок сыпалась на пирующих мелкая сажа, но к этому им было не привыкать стать. Гостей богато одарили; раздоры, вероломство — все было забыто; мед лился рекою; подвыпившие гости швыряли друг в друга обглоданными костями в знак хорошего расположения духа. Скальд, нечто вроде нашего певца и музыканта, но в то же время и воин, который сам участвовал в походе и потому знал, о чем поет, пропел песню об одержанных ими в битвах славных победах. Каждый стих сопровождался припевом: «Имущество, родные, друзья, сам человек — все минет, все умрет; не умирает одно славное имя!» Тут все принимались бить в щиты и стучать ножами или обглоданными костями по столу; стон стоял в воздухе. Жена викинга сидела на почетном месте, разодетая, в шелковом платье; на руках ее красовались золотые запястья, на шее — крупные янтари. Скальд не забывал прославить и ее, воспел и сокровище, которое она только что подарила своему супругу. Последний был в восторге от прелестного ребенка; он видел девочку только днем во всей ее красе. Дикость ее нрава тоже была ему по душе. Из нее выйдет, сказал он, смелая воительница, которая сумеет

постоять за себя. Она и глазом не моргнет, если опытная рука одним взмахом острого меча сбреет у нее в шутку густую бровь!

Бочка с медом опустела, вкатили новую, — в те времена люди умели пить! Правда, и тогда уже была известна поговорка: «Скотина знает, когда ей пора оставить пастбище и вернуться домой, а неразумный человек не знает своей меры!» Знать-то каждый знал, но ведь знать — одно, а применять знание к делу — другое. Знали все и другую поговорку: «И дорогой гость надоест, если засидится не в меру», и все-таки сидели себе да сидели: мясо да мед — славные вещи! Веселье так и кипело! Ночью рабы, растянувшись на теплой золе, раскапывали жирную сажу и облизывали пальцы. То-то хорошее было времечко!

В этом же году викинг еще раз отправился в поход, хотя и начались уже осенние бури. Но он собирался нагреть с дружиной на берега Британии, а туда ведь было рукой подать. «Только через море махнуть», — сказал он. Супруга его опять осталась дома одна с малюткою, и скоро безобразная жаба с кроткими глазами, испускавшая такие глубокие вздохи, стала ей почти милее дикой красавицы, отвечавшей на ласки царапинами и укусами.

Седой осенний туман, «беззубый дед», как его называют, все-таки обгладывал листву, окутал лес и степь. Бесперые птички-снежинки густо запорхали в воздухе; зима глядела во двор. Воробьи завладели гнездами аистов и судили да рядили о бывших владельцах. А где же были сами владельцы, где был наш аист со своей аистихой и птенцами?

Аисты были в Египте, где в это время солнышко светило и грело, как у нас летом. Тамаринды и акации стояли все в цвету; на куполах храмов сверкали полумесяцы; стройные минареты были облеплены аистами, отдыхавшими после длинного перелета. Гнезда их лепились одно возле другого на величественных колоннах и полуразрушившихся арках заброшенных храмов. Финиковые пальмы высоко подымали свои верхушки, похожие на зонтики. Темными силуэтами рисовались сероватые пирамиды в прозрачном голубом воздухе пустыни, где щеголяли быстротою своих ног страусы, а лев посматривал большими умными глазами на мраморного сфинкса, наполовину погребенного в песке. Нил снова вошел в берега, которые так и кишели лягушками, а уж приятнее этого зрелища для аистов и быть не

могло. Молодые аисты даже глазам своим верить не хотели — уж больно хорошо было!

— Да, вот как тут хорошо, и всегда так бывает! — сказала аистиха, и у молодых аистов даже в брюшке защекотало.

— А больше мы уж ничего тут не увидим? — спрашивали они. — Мы разве не отправимся туда, вглубь, в самую глубь страны?

— Там нечего смотреть! — ответила аистиха. — За этими благословенными берегами — лишь дремучий лес, где деревья растут чуть не друг на друге и опутаны ползучими растениями. Одни толстоногие слоны могут пролагать там себе дорогу. Змеи же там чересчур велики, а ящерицы — прытки. Если же вздумаете пробраться в пустыню, вам засыплет глаза песком, и это еще будет хорошо, а то прямо попадете в песочный вихрь! Нет, здесь куда лучше! Тут и лягушек и саранчи вдоволь! Я останусь тут, и вы со мною!

Они и остались. Родители сидели в гнездах на стройных минаретах, отдыхали, охорашивались, разглаживали себе перья и обтирали клювы о красные чулки. Покончив со своим туалетом, они вытягивали шеи, величественно раскланивались и гордо подымали голову с высоким лбом, покрытую тонкими глянцевыми перьями; умные карие глаза их так и сверкали. Молоденькие барышни-аистихи степенно прохаживались в сочном тростнике, поглядывали на молодых аистов, знакомились и чуть не на каждом шагу глотали по лягушке, а иногда забирали в клюв змейку и ходили да помахивали ею, — это очень к ним шло, думали они, а уж вкусно-то как было!.. Молодые аисты заводили ссоры и раздоры, били друг друга крыльями, щипали клювами — даже до крови! Потом, глядишь, то тот, то другой из них становился женихом, а барышни одна за другою — невестами; все они для этого только ведь и жили. Молодые парочки принимались вить себе гнезда, и тут опять не обходилось без ссор и драк — в жарких странах все становятся такими горячими, — ну, а вообще-то жизнь текла очень приятно, и старики жили да радовались на молодых: молодежи все к лицу! Изю дня в день светило солнышко, в еде недостатка не было, — ешь не хочу, живи да радуйся, вот и вся забота.

Но в роскошном дворце египетского хозяина, как звали его аисты, радостного было мало.

Могущественный владыка лежал в огромном покое с расписными стенами, похожими на лепестки тюльпана;

руки, ноги его не слушались, он высох, как мумия. Родственники и слуги окружали его ложе. Мертвым его еще назвать было нельзя, но и живым тоже. Надежда на исцеление с помощью болотного цветка, за которым полетела на далекий север та, что любила его больше всех, была теперь потеряна. Не дожидаться владыке своей юной красавицы дочери! «Она погибла!» — сказали две вернувшиеся на родину принцессы-лебедки. Они даже сочинили о гибели своей подруги целую историю.

— Мы все три летели по воздуху, как вдруг заметил нас охотник и пустил стрелу. Она попала в нашу подружку, и бедная медленно, с прощальной лебединой песнью, опустилась на воды лесного озера. Там, на берегу, под душистою плакучею березой мы и схоронили ее. Но мы отомстили за ее смерть: привязали к хвостам ласточек, живших под крышей избушки охотника, пучки зажженной соломы, — избушка сгорела, а с нею и сам хозяин ее. Зарево пожара осветило противоположный берег озера, где росла плакучая березка, под которой покоилась в земле наша подруга. Да, не видать ей больше родимой земли!

И обе заплакали. Аист, услышав их речи, защелкал от гнева клювом.

— Ложь, обман! — закричал он. — Ох, так бы и вонзил им в грудь свой клюв!

— Да и сломал бы его! — заметила аистиха. — Хорош бы ты был тогда! Думай-ка лучше о себе самом да о своем семействе, а все остальное побоку!

— Я все-таки хочу завтра усесться на краю открытого купола того покоя, где соберутся все ученые и мудрецы совещаться о больном. Может быть, они и доберутся до истины!

Ученые и мудрецы собрались и завели длинные разговоры, из которых аист не понял ни слова; да не много толку вышло из них и для самого больного, не говоря уже о его дочери. Но послушать речи ученых нам все же не мешает, — мало ли что приходится слушать!

Вернее, впрочем, будет послушать и узнать кое-что из предыдущего, тогда мы поближе познакомимся со всею историей; во всяком случае, узнаем из нее не меньше аиста.

«Любовь — родоначальница жизни! Высшая любовь рождает и высшую жизнь! Лишь благодаря любви может больной возродиться к жизни!» Вот что изрекли мудрецы, когда дело шло об исцелении больного владыки; изречение

было необыкновенно мудро и хорошо изложено — по уверению самих мудрецов.

— Мысль недурна! — сказал тогда же аист аистихе.

— А я что-то не возьму ее в толк! — ответила та. — И, уж конечно, это не моя вина, а ее! А, впрочем, меня все это мало касается; у меня есть о чем подумать и без того!

Потом ученые принялись толковать о различных видах любви: любовь влюбленных отличается ведь от любви, которую чувствуют друг к другу родители и дети, или от любви растения к свету — например, солнечный луч целует тину, из нее выходит росток. Речи их отличались такою глубиной и ученостью, что аист был не в силах даже следить за ними, не то что пересказать их аистихе. Он совсем призадумался, прикрыл глаза и простоял так на одной ноге весь день. Ученость была ему не по плечу.

Зато аист отлично понял, что болезнь владыки была для всей страны и народа большим несчастьем, а исцеление его, напротив, было бы огромным счастьем, — об этом толковал весь народ, все — и бедные и богатые. «Но где же растет целебный цветок?» — спрашивали все друг у друга, рылись в ученых рукописях, старались прочесть о том по звездам; спрашивали у всех четырех ветров — словом, добивались нужных сведений всевозможными путями, но все напрасно. Тут-то ученые и мудрецы, как сказано, и изрекли: «Любовь — родоначальница жизни; она же возродит к жизни и владыку!» В этом был глубокий смысл, и хоть сами они его до конца не понимали, но все-таки повторили его еще раз и даже написали вместо рецепта: «Любовь — родоначальница жизни!» Но как же приготовить по этому рецепту лекарство? Да, вот тут-то все и стали в тупик. В конце концов все единогласно решили, что помощи должно ожидать от молодой принцессы, так горячо, так искренно любившей отца. Затем додумались и до того, как следовало поступить принцессе. И ровно год тому назад, ночью, когда серп новорожденной луны уже скрылся, принцесса отправилась в пустыню к мраморному сфинксу, отгребла песок от двери, что находилась в цоколе, и прошла по длинному коридору внутрь одной из больших пирамид, где покоилась мумия древнего фараона, — принцесса должна была склониться головой на грудь умершего и ждать откровения.

Она исполнила все в точности, и ей было открыто во сне, что она должна лететь на север, в Данию, к глубокому болоту — место было обозначено точно — и сорвать там лотос, который коснется ее груди, когда она нырнет в глубину. Цветок этот вернет жизнь ее отцу.

Вот почему принцесса и полетела в лебедином оперении на Дикое болото. Все это аист с аистихой давно знали, а теперь знаем и мы получше, чем раньше. Знаем мы также, что болотный царь увлек бедную принцессу на дно трясины и что дома ее уже считали погибшею навеки. Но мудрейший из мудрецов сказал то же, что и аистиха: «Она выпутается из беды!» Ну, и решили ждать, — иного ведь ничего и не оставалось.

— Право, я стащу лебединые оперения у этих мошенниц, — сказал аист. — Тогда небось не прилетят больше на болото да не выкинут еще какой-нибудь штуки! Перья же их я припрячу там на всякий случай!

— Где это там? — спросила аистиха.

— В нашем гнезде, близ болота! — ответил аист. — Наши птенцы могут помочь мне перенести их, если же будет чересчур тяжело, то ведь по дороге найдутся места, где их можно припрятать до следующего перелета в Данию. Принцессе хватило бы и одного оперения, но два все-таки лучше: на севере не худо иметь в запасе лишнюю одежду.

— Тебе и спасибо-то за все это не скажут! — заметила аистиха. — Но ты ведь глава семьи! Я имею голос, лишь когда сижу на яйцах!

Девочка, которую приютили в замке викинга близ Дикого болота, куда каждую весну прилетали аисты, получила имя Хельги, но это имя было слишком нежным для нее. В прекрасном теле обитала жестокая душа. Месяцы шли за месяцами, годы за годами, аисты ежегодно совершали те же перелеты: осенью к берегам Нила, весной к Дикому болоту, а девочка все подрастала, не успели опомниться, как она стала шестнадцатилетнею красавицей. Прекрасна была оболочка, но жестко самое ядро. Хельга поражала своей дикостью и необузданностью даже в те суровые, мрачные времена. Она тешилась, купая руки в теплой, дымящейся крови только что зарезанной жертвенной лошади, перекусывала в порыве дикого нетерпения горло черному петуху, приготовленному в жертву богам, а своему приемному отцу сказала однажды совершенно серьезно:

— Приди ночью твой враг, поднимись по веревке на крышу твоего дома, сними самую крышу над твоим покоем, я бы не разбудила тебя, если бы даже могла! Я бы не слышала ничего — так звенит еще в моих ушах пощечина, которую ты дал мне много лет тому назад! Я не забыла ее!

Но викинг не поверил, что она говорит серьезно: он, как и все, был очарован ее красотой и не знал ничего о двойственности ее души и внешней оболочки. Без седла скакала Хельга, словно приросшая, на диком коне, мчавшемся во весь опор, и не соскакивала на землю, даже если конь начинал грызться с дикими лошадьми. Не раздеваясь, бросалась она с обрыва в быстрый фиорд и плыла навстречу ладье викинга, направлявшейся к берегу. Из своих густых, чудных волос она вырезала самую длинную прядь и сплела из нее тетиву для лука.

— Все надо делать самой! Лучше выйдет! — говорила она.

Годы и привычка закалили душу и волю жены викинга, и все же в сравнении с дочерью она была просто робкой, слабою женщиной. Но она-то знала, что виной всему были злые чары, тяготевшие над ужасною девушкой.

Хельга часто доставляла себе злое удовольствие помучить мать: увидав, что та вышла на крыльцо или на двор, она садилась на самый край колодца и сидела там, болтая руками и ногами, потом вдруг бросалась в узкую, глубокую яму, ныряла с головой, опять выплывала и опять ныряла, точно лягушка, затем с ловкостью кошки выкарабкивалась наверх и являлась в главный покой замка вся мокрая; потоки воды бежали с ее волос и платья на пол, смывая и унося устилавшие его зеленые листья.

Одно только немного сдерживало Хельгу — наступление сумерек. Под вечер она утихала, словно задумывалась, и даже слушалась матери, к которой влекло ее какое-то инстинктивное чувство. Солнце заходило, и превращение совершалось: Хельга становилась тихою, грустною жабою и, съездившись, сидела в уголке. Тело ее было куда больше, чем у обыкновенной жабы, и тем ужаснее на вид. Она напоминала уродливого тролля с головой жабы и плавательною перепонкой между пальцами. В глазах светилась кроткая грусть, из груди вылетали жалобные звуки, похожие на всхлипывание ребенка во сне. В это время жена викинга могла брать ее к себе на колени и невольно забывала все ее уродство, глядя в эти печальные глаза.

— Право, я готова желать, чтобы ты всегда оставалась моею немой дочкой-жабой! — нередко говорила она. — Ты куда страшнее, когда красота возвращается к тебе, а душа мрачнеет!

И она чертила руны, разрушающие чары и исцеляющие недуги, и перебрасывала их через голову несчастной, но толку не было.

— Кто бы поверил, что она умещалась когда-то в чашечке кувшинки! — сказал аист. — Теперь она совсем взрослая и лицом — вылитая мать, египетская принцесса. А ты мы так и не видали больше! Не удалось ей, видно, выпутаться из беды, как вы с мудрецом предсказывали. Я из года в год то и дело летаю над болотом вдоль и поперек, но она до сих пор не подала ни малейшего признака жизни! Да уж поверь мне! Все эти годы я ведь прилетал сюда раньше тебя, чтобы починить наше гнездо, поправить кое-что, и целые ночи напролет — словно я филин или летучая мышь — летал над болотом, да все без толку! И два лебединых оперения, что мы с таким трудом в три перелета перетащили сюда, негодились! Вот уж сколько лет они лежат без пользы в нашем гнезде. Случись пожар, загорись этот бревенчатый дом — от них не останется и следа!

— И от гнезда нашего тоже! — сказала аистиха. — Но о нем ты думаешь меньше, чем об этих перьях да о болотной принцессе! Отправлялся бы уж и сам к ней в трясину. Дурной ты отец семейства! Я говорила это еще в ту пору, когда в первый раз сидела на яйцах! Вот подожди, эта шальная девчонка еще угодит в кого-нибудь из нас стрелой! Она ведь сама не знает, что делает! А мы-то здесь подольше живем, чем она, — хоть бы об этом вспомнила! И повинности наши мы уплачиваем честно: перо, яйцо и одного птенца в год, как положено! Думаешь, мне придет теперь в голову слететь вниз, во двор, как бывало в старые годы или как и нынче в Египте, где я держусь на дружеской ноге со всеми — нисколько не забываясь, впрочем, — и сую нос во все горшки и котлы? Нет, здесь я сижу в гнезде да злюсь на эту девчонку! И на тебя тоже! Оставил бы ее в кувшинке, пусть бы себе погибла!

— Ты гораздо добрее в душе, чем на словах! — сказал аист. — Я тебя знаю лучше, чем ты сама!

И он подпрыгнул, тяжело взмахнул два раза крыльями, вытянул ноги назад, распустил оба крыла, точно паруса, и полетел так, набирая высоту; потом опять сильно взмахнул крыльями и опять поплыл по воздуху. Солнце играло на белых перьях, шея и голова вытянулись вперед... Вот это был полет!

— Он и до сих пор красивее всех! — сказала аистиха. — Но ему-то я не скажу этого!

В эту осень викинг вернулся домой рано. Много добычи и пленных привез он с собою. В числе пленных был молодой христианский священник, один из тех, что отвергали богов древнего Севера. В последнее время в замке викинга — и

в главном покое и на женской половине — то и дело слышались разговоры о новой вере, которая распространилась по всем странам Юга и, благодаря святому Ансгарии, проникла даже сюда, на Север. Даже Хельга уже слышала о боге, пожертвовавшем собою из любви к людям и ради их спасения. Она все эти рассказы, как говорится, в одно ухо впускала, а в другое выпускала. Слово «любовь» находило доступ в ее душу лишь в те минуты, когда она в образе жабы сидела, съезжившись, в запертой комнате. Но жена викинга чутко прислушивалась к рассказам и преданиям, ходившим о сыне единого истинного бога, и они будили в ней новые чувства.

Воины, вернувшись домой, рассказывали о великолепных храмах, высеченных из драгоценного камня и воздвигнутых в честь того, чьим заветом была любовь. Они привезли с собой и два тяжелых золотых сосуда искусной работы, из которых исходил какой-то удивительный аромат.

Это были две кадильницы, которыми кадили христианские священники перед алтарями, никогда не окроплявшимися кровью. На этих алтарях вино и хлеб превращались в кровь и тело Христовы, принесенные им в жертву ради спасения всех людей — даже не родившихся еще поколений.

Молодого священника связали по рукам и ногам веревками из лыка и посадили в глубокий, сложенный из камней подвал замка. Как он был прекрасен! «Словно сам Бальдур!»¹ — сказала жена викинга, тронутая бедственным положением пленника, а Хельге хотелось, чтобы ему продернули под коленками толстые веревки и привязали к хвостам диких быков.

— Я бы выпустила на них собак: то-то бы травля пошла! По лесам, по болотам, прямо в степь! Любо! А еще лучше — самой нестись за ними по пятам!

Но викинг готовил пленнику иную смерть: христианин, как отрицатель и поноситель могучих богов, был обречен в жертву этим самым богам. На жертвенном камне, в священной роще, впервые должна была пролиться человеческая кровь.

Хельга выпросила позволение обрызгать кровью жертвы изображения богов и народ, отточила свой нож и потом с размаху всадила его в бок пробежавшей мимо огромной свирепой дворовой собаке.

¹ Б а л ь д у р — в скандинавской мифологии бог света.

— Для пробы! — сказала она, а жена викинга сокрушенно поглядела на дикую, злую девушку. Ночью, когда красота и безобразие Хельги, по обыкновению, поменялись местами, мать обратилась к ней со словами горячей укоризны, которые сами собой вырвались из наболевшей души.

Безобразная, похожая на тролля жаба устремила на нее свои печальные карие глаза и, казалось, понимала каждое слово, как разумный человек.

— Никогда и никому, даже супругу моему, не проговорила я о том, что терплю из-за тебя! — говорила жена викинга. — И сама не думала я, что так жалею тебя! Велика, видно, любовь материнская, но твоя душа не знает любви! Сердце твое похоже на холодную тину, из которой ты явилась в мой дом!

Безобразное создание задрожало, как будто эти слова затронули какие-то невидимые нити, соединявшие тело с душой; на глазах жабы выступили крупные слезы.

— Настанет время и твоего испытания! — продолжала жена викинга. — Но много горя придется тогда изведать и мне!.. Ах, лучше бы выбросили мы тебя на проезжую дорогу, когда ты была еще крошкой; пусть бы ночной холод усыпил тебя навеки!

Тут жена викинга горько заплакала и ушла, полная гнева и печали, за занавеску из звериной шкуры, подвешенную к балке и заменявшую перегородку.

Жаба, съежившись, сидела в углу одна; мертвая тишина прерывалась лишь ее тяжелыми, подавленными вздохами; казалось, в глубине сердца жабы с болью зарождалась новая жизнь. Вдруг она сделала шаг к дверям, прислушалась, потом двинулась дальше, схватилась своими беспомощными лапами за тяжелый дверной болт и тихонько выдвинула его из скобы. В горнице стоял зажженный ночник; жаба взяла его и вышла за двери; казалось, чья-то могучая воля придавала ей силы. Вот она вынула железный болт из скобы, прокралась к спавшему пленнику и дотронулась до него своею холодною, липкою лапой. Пленник проснулся, увидел безобразное животное и задрожал, словно перед наваждением злого духа. Но жаба перерезала ножом связывавшие его веревки и сделала ему знак следовать за нею.

Пленник сотворил молитву и крестное знамение — наваждение не исчезало; тогда он произнес:

— Блажен, кто разумно относится к малым сим, — господь спасет его в день несчастья!.. Но кто ты? Как может скрываться под оболочкой животного сердце, полное милосердного сострадания?

Жаба опять кивнула головой, провела пленника по уединенному проходу между спускавшимся с потолка до полу коврами в конюшню и указала на одну из лошадей. Пленник вскочил на лошадь, но вслед за ним вскочила и жаба и примостилась впереди него, уцепившись за гриву лошади. Пленник понял ее намерение и пустил лошадь вскачь по окольной дороге, которой никогда не нашел бы один.

Скоро он забыл безобразие животного, понял, что чудовище было орудием милости божьей, и из уст его полились молитвы и священные псалмы. Жаба задрожала — от молитв ли, или от утреннего предрассветного холодка? Что ощущала она — неизвестно, но вдруг приподнялась на лошади, как бы желая остановить ее и спрыгнуть на землю. Христианин силою удержал жабу и продолжал громко петь псалом, как бы думая победить им злые чары. Лошадь понеслась еще быстрее; небо заалело, и вот первый луч солнца прорвал облако. В ту же минуту произошло превращение: жаба стала молодой красавицей с демонски злою душой! Молодой христианин увидал, что держит в объятиях красавицу девушку, испугался, остановил лошадь и соскочил на землю, думая, что перед ним новое наваждение. Но и Хельга в один прыжок очутилась на земле; короткое платье едва доходило ей до колен; выхватив из-за пояса нож, она бросилась на остолбеневшего христианина.

— Пстой! — крикнула она. — Пстой, я прокалю тебя ножом насквозь! Ишь, побледнел, как солома! Раб! Безбородый!

Между нею и пленником завязалась борьба, но молодому христианину, казалось, помогали невидимые силы. Он крепко стиснул руки девушки, а старый дуб, росший у дороги, помог ему одолеть ее окончательно: Хельга запуталась ногами в узловатых, переплетающихся корнях дуба, вылезших из земли. Христианин крепко охватил ее руками и повлек к протекавшему тут же источнику. Окропив водою грудь и лицо девушки, он произнес заклинание против нечистого духа, сидевшего в ней, и осенил ее крестным знаменем, но одно крещение водою не имеет настоящей силы, если душа не омыта внутренним источником веры.

И все-таки во всех действиях и словах христианина, совершавшего таинство, была какая-то особая, сверхчеловеческая сила, которая и покорила Хельгу. Она опустила руки и удивленными глазами, вся бледная от волнения, смотрела на молодого человека. Он казался ей могущественным волшебником, посвященным в тайную науку.

Он ведь чертил над ней таинственные знаки, творил заклинания! Она не моргнула бы глазом перед занесенным над ее головой блестящим топором или острым ножом, но когда он начертил на ее челе и груди знак креста, она закрыла глаза, опустила голову на грудь и присмирела, как прирученная птичка.

Тогда он кротко заговорил с нею о подвиге любви, совершенном ею в эту ночь, когда она, в образе отвратительной жабы, явилась освободить его от уз и вывести из мрака темницы к свету и жизни. Но сама она — говорил он — опутана еще более крепкими узами, и теперь его очередь освободить ее и вывести к свету и жизни. Он повезет ее в Хедебю, к святому Ансгарию, и там, в этом христианском городе, чары с нее будут сняты. Но он уже не смел везти ее на лошади перед собою, хотя она и покорила ему.

— Ты сядешь позади меня, а не впереди! Твоя красота обладает злою силой, и я боюсь ее! Но с помощью Христа победа все-таки будет на моей стороне.

Тут он преклонил колена и горячо помолился; безмолвный лес как будто превратился в святой храм: словно члены новой паствы, запели птички; дикая мята струила аромат, как бы желая заменить ладан. Громко прозвучали слова священного писания:

«Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране тени смертной воссиял свет!»

И он стал говорить девушке о духовной тоске, о стремлении к высшему всей природы, а ретивый конь в это время стоял спокойно, пощипывая листики ежевики; сочные, спелые ягоды падали в руку Хельги, как бы предлагая ей утолить ими жажду.

И девушка покорно дала христианину усадить себя на круп лошади; Хельга была словно во сне. Христианин связал две ветви наподобие креста и высоко поднял его перед собою. Затем они продолжали путь по лесу, который все густел и густел, дорожка становилась все уже и уже, а где и вовсе пропадала. Терновые кусты преграждали путь, точно опущенные шлагбаумы; приходилось объезжать их. Источник превратился не в быстрый ручей, а в стоячее болото; и его надо было объехать. В лесной чаще веяло отрадною, подкрепляющею и освежающею душу прохладой, но не меньше подкрепляли и освежали душу кроткие, дышащие верою и любовью, речи христианина, воодушевленного желанием вывести заблудшую из мрака к свету и жизни.

Говорят, дождевая капля долбит твердый камень, волны морские обтачивают и округляют оторванные обломки скал — роса божьего милосердия, окропившая душу Хельги, также продолбила ее жесткую оболочку, сгладила шероховатости. Но сама Хельга еще не отдавала себе отчета в том, что в ней совершается: ведь и едва выглянувший из земли росток, впивая благотворную влагу росы и поглощая теплые лучи солнца, тоже мало ведает о заложенном в нем семени жизни и будущем плоде.

И как песня матери незаметно западает в душу ребенка, ловящего одни отдельные слова, не понимая их смысла, который станет ему ясным с годами, так западали в душу Хельги и животворные слова христианина.

Вот они выехали из леса в степь, потом опять углубились в дремучий лес и под вечер встретили разбойников.

— Где ты подцепил такую красотку? — закричали они, остановили лошадь и стащили всадника и всадницу; сила была на стороне разбойников.

У христианина для защиты был лишь нож, который он вырвал в борьбе у Хельги. Один из разбойников замахнулся на него топором, но молодой человек успел отскочить в сторону, иначе был бы убит на месте. Топор глубоко врезался в шею лошади; кровь хлынула ручьем, и животное упало. Тут Хельга словно очнулась от глубокой задумчивости и припала к издыхающей лошади. Христианин тотчас заслонил девушку собою, но один из разбойников раздробил ему голову секирой. Кровь и мозг брызнули во все стороны, и молодой священник пал мертвым.

Разбойники схватили Хельгу за белые руки, но в эту минуту солнце закатилось, и она превратилась в безобразную жабу. Бледно-зеленый рот растянулся до самых ушей, руки и ноги стали тонкими и липкими, а кисти рук превратились в веерообразные лапы с перепонкой между пальцами. Разбойники в ужасе выпустили ее. Чудовище постояло перед ними с минуту, затем высоко подпрыгнуло и скрылось в лесной чаще. Разбойники поняли, что это или Локе¹ сыграл с ними злую шутку, или перед ними совершилось страшное колдовство, и в ужасе убежали прочь.

Полный месяц осветил окрестность, и безобразная жаба выползла из кустов. Она остановилась перед трупами христианина и коня и долго смотрела на них полными слез

¹ Локе — в скандинавской мифологии бог, олицетворяющий собою коварство и хитрость.

глазами; из груди ее вырвалось тихое кваканье, похожее на всхлипывание ребенка. Потом она начала бросаться то к тому, то к другому, черпая своею глубокою перепончатою горстью воду и брызгая на убитых. Но мертвых не воскресишь! Она поняла это. Скоро набегут дикие звери и растерзают их тела! Нет, не бывать этому! Она выроет для них такую глубокою могилу, какую только сможет. Но у нее был только толстый обломок ветви, а перепончатые лапы плохо рыли землю. В пылу работы она разорвала перепонку; из лапы полилась кровь. Тут она поняла, что ей не справиться; она опять зачерпнула воды и обмыла лицо мертвого; затем прикрыла тела свежими, зелеными листьями, на них набросала больших ветвей, сверху еще листьев, на все это навалила тяжелые камни, какие только в силах была поднять, а все отверстия между ними заткнула мхом. Она надеялась, что под таким могильным курганом тела будут в безопасности. За этую тяжелою работой прошла вся ночь; выглянуло солнышко, и Хельга опять превратилась в красавицу девушку, но руки ее были все в крови, а по розовым девичьим щекам в первый раз в жизни струились слезы.

За минуту до превращения обе ее природы словно слились в одну. Она задрожала всем телом и тревожно оглянулась кругом, словно только пробудясь от страшного сна, затем бросилась к стройному буку, крепко уцепилась за ветви, ища точку опоры, и в один миг, как кошка, вскарабкалась на вершину. Там она крепко примостилась на ветвях и сидела, как пугливая белка, весь день одна-одинешенька среди пустынного безмолвия леса. Пустынное безмолвие леса! Да, тут было и пустынно и безмолвно, только в воздухе кружились бабочки, не то играя, не то борясь между собою; муравьиные кучи кишмя кишели крохотными насекомыми; в воздухе плясали бесчисленные рой комаров, носились тучи жужжащих мух, божьих коровок, стрекоз и других крылатых созданий; дождевой червяк выползал из сырой почвы; кроты выбрасывали комья земли, — словом, тихо и пустынно здесь было лишь в том смысле, в каком принято говорить и понимать это. Никто из лесных обитателей не обращал на Хельгу внимания, кроме сорок, с криком летавших над вершиной дерева, где она сидела. Они даже перепрыгивали с ветки на ветку, подбираясь поближе к ней, — такие они смелые и любопытные! Но довольно было ей метнуть на них взгляд, и они разлетались; так им и не удалось разгадать это странное явление, да и сама Хельга не могла разгадать себя!

Перед закатом солнца предчувствие приближавшегося превращения заставило Хельгу слезть с дерева; последний луч погас, и она опять сидела на земле в виде съезжившейся жабы с разорванной перепонкою между пальцами. Но глаза безобразного животного сияли такою красотою, какою вряд ли отличались даже глаза красавицы Хельги. В этих кротких, нежных глазах светились глубоко чувствующая душа и человеческое сердце; ручьями лились из них слезы, облегчая переполненную горем душу.

На кургане лежал еще крест — последняя работа умершего христианина. Хельга взяла его, и сама собою пришла в голову мысль утвердить крест между камнями над курганом. При воспоминании о погребенном под ним слезы заструились еще сильнее, и Хельга, повинувшись какому-то внутреннему сердечному влечению, вздумала начертить знаки креста на земле вокруг всего кургана — вышла бы такая красивая ограда! Но едва она начертила обеими лапами первый же крест, перепонка слетела с них, как разорванная перчатка. Она омыла их в воде источника и удивленно посмотрела на свои белые тонкие руки, невольно сделала ими тот же знак в воздухе между собою и могилою, губы ее задрожали, и с языка слетело имя, которое она столько раз во время пути слышала от умершего: «Господи Иисусе Христе!»

Мгновенно оболочка жабы слетела с Хельги, и она опять стала молодою красавицей девушкой; но голова ее устало склонилась на грудь, все тело просило отдыха — она заснула.

Недолго, однако, спала она; в полночь она пробудилась: перед нею стояла убитая лошадь, полная жизни, вся окруженная сиянием; глаза ее метали пламя; из глубокой раны на шее тоже лился свет. Рядом с лошадью стоял и убитый христианин, «прекраснее самого Бальдура» — сказала бы жена викинга. Он тоже был весь окружен сиянием.

Кроткие глаза его смотрели испытующе-серьезно, как глаза праведного судии, проникающего взглядом в самые сокровенные уголки души. Хельга задрожала, память ее пробудилась мгновенно, словно в день последнего суда. Все доброе, что выпало ей на долю, каждое ласковое слово, слышанное ею, — все мгновенно ожило в ее памяти, и она поняла, что в эти дни испытаний ее, дитя живой души и мертвой тины, поддержала одна любовь. Она сознала, что повиновалась при этом лишь голосу внутреннего настроения, а сама для себя не сделала ничего. Все было ей дано, все она совершила не сама собою, а руководимая чьею-то

высшею волею. Сознавая все свое ничтожество, полная стыда, смиренно преклонилась она перед тем, кто читал в глубине ее сердца. В ту же минуту она почувствовала, как зажглась в ней, как бы от удара молнии, светлая, божественная искра, искра духа святого.

— Дочь тины! — сказал христианин. — Из тины, из земли ты взята, из земли же ты и восстанешь! Солнечный луч, что животворит твое тело, сознательно стремится слиться со своим источником; но источник его не солнце, а сам бог! Ни одна душа в мире не погибнет; но медленно течет вся жизнь земная и есть лишь единый миг вечности. Я явился к тебе из обители мертвых; некогда и ты совершишь тот же путь через глубокие долины в горние светлые селения, где обитают Милость и Совершенство. Я поведу тебя теперь, но не в Хедебю для восприятия крещения, — ты должна сначала прорвать пелену, стелющуюся над глубоким болотом, и освободить живой корень твоей жизни и колыбели, выполнить свое дело, прежде нежели удостоишься посвящения!

И, посадив ее на лошадь, он протянул ей золотую кадильницу, похожую на ту, что Хельга видела раньше в замке викинга; из кадильницы струился ароматный фимиам. Рана на лбу убитого христианина сияла, точно диадема. Он взял крест, возвышавшийся над курганом, и высоко поднял его перед собою; они понеслись по воздуху над шумящим лесом, над курганами, под которыми были погребены герои, верхом на своих добрых конях. И могучие тени поднялись, выехали и остановились на вершинах курганов; лунный свет играл на золотых обручах, красовавшихся на лбах героев; плащи их развевались по ветру. Дракон, страж сокровищ, поднял голову и смотрел воздушным путникам вслед. Карлики выглядывали на них из холмов, из борозд, проведенных плугом, мелькая голубыми, красными и зелеными огоньками, — словно сотни искр перебежали по золе, оставшейся после сгоревшей бумаги.

Они пролетали над лесами, степями, озерами и трясиными, направляясь к Дикому болоту. Долетев до него, они принялись реять над ним: христианин высоко поднимал крест, блестящий, точно золотой, а из уст его лились священные песнопения; Хельга вторила ему, как дитя вторит песне матери, и кадила при этом золотую кадильницей. Из кадильницы струился такой сильный, чудодейственный фимиам, что осока и тростник зацвели, а со дна болота поднялись зеленые стебли, все, что только носило в себе зародыш жизни, пустило ростки и вышло на свет божий. На

поверхности воды раскинулся роскошный цветочный ковер из кувшинок, а на нем покоилась в глубоком сне молодая женщина дивной красоты.

Хельга подумала, что видит в зеркале вод свое собственное отражение, но это была ее мать, супруга болотного царя, египетская принцесса.

Христианин повелел спящей подняться на лошадь, и та опустилась под новою тяжестью, точно свободно висящий в воздухе саван, но христианин осенил ее крестным знаменем, и тень вновь окрепла. Все выехали на твердую почву.

Пропел петух во дворе замка викинга, и видения рассеялись в воздухе, как туман от дуновения ветра. Мать и дочь очутились лицом к лицу.

— Не себя ли я вижу в глубокой воде? — спросила мать.

— Не мое ли это отражение в водяном зеркале? — промолвила дочь.

Они приблизились друг к другу и крепко обнялись. Сердце матери забилось сильнее, и она поняла почему.

— Мое дитя, цветок моего сердца, мой лотос из глубины вод!

И она опять обняла дочь и заплакала; эти слезы были для Хельги новым крещением, возрождавшим ее к жизни и любви.

— Я прилетела на болото в лебедином оперении и здесь сбросила его с себя! — начала свой рассказ мать. — Ступив на зыбкую почву, я погрузилась в болотную тину, которая сразу же сомкнулась над моею головой. Скоро я почувствовала приток свежей воды, какая-то неведомая сила увлекла меня все глубже и глубже; веки мои отяжелели, и я заснула... Во сне мне грезилось, что я опять внутри египетской пирамиды, но передо мной — колеблющийся ольховый пенек, который так испугал меня на поверхности болота. Я рассматривала трещины на его коре, и они вдруг засветились и стали иероглифами — передо мной очутилась мумия. Наружная оболочка ее вдруг распалась, и оттуда выступил древний царь, покоившийся тысячи лет, черный, как смола, лоснившийся, как лесная улитка или как жирная, черная болотная грязь. Был ли передо мной сам болотный царь или мумия — я уж перестала понимать. Он обвил меня руками, и мне показалось, что я умираю. Очнувшись я, почувствовав на своей груди что-то теплое: на груди у меня сидела, трепеща крылышками, птичка, щебетала и пела. Потом она взлетела с моей груди кверху, к черному, тяжелому своду, но длинная зеленая лента привязала ее ко мне. Я поняла ее

тоскливое щебетанье: «На волю, на волю, к отцу!» Мне вспомнился мой отец, залитая солнцем родина, вся моя жизнь, моя любовь... И я развязала узел, отпустила птичку на волю, к отцу! С той минуты я уже не видела никаких снов и спала непробудно, пока сейчас меня не вызвали со дна болота эти звуки и аромат!

Где же развевалась, где была теперь зеленая лента, привязывавшая птичку к сердцу матери? Видел ее лишь аист, лентой был ведь зеленый стебель, узлом — яркий цветок — колыбель малютки, которая теперь превратилась в юную красавицу девушку и опять покоилась на груди у матери.

А в то время как они стояли обнявшись на берегу болота, над ними кружился аист. Он быстро слетал назад, в гнездо, за спрятанными там давным-давно оперениями и бросил их матери с дочерью. Они сейчас же накинули их на себя и поднялись на воздух в виде белых лебедек.

— Теперь поговорим! — сказал аист. — Теперь мы пойдем друг друга, хотя клюв и не у всех птиц скроен одинаково!.. Хорошо, что вы явились как раз сегодня ночью: днем нас бы уж не было тут. И я, и жена, и птенцы — все улетаем поутру на юг! Я ведь старый знакомый ваш с нильских берегов! И жена моя тут же, со мною; сердце у нее добрее, чем язык! Она всегда говорила, что принцесса выпутается из беды! А я и птенцы наши перенесли сюда лебединые перья!.. Ну, очень рад! ведь это просто счастье, что я еще здесь! на заре мы улетаем всей компанией! Мы полетим вперед, только не отставайте, и вы не собьетесь с дороги! Мы с птенцами будем, впрочем, присматривать за вами.

— И я принесу с собою на родину лотос! — сказала египетская принцесса. — Он летит рядом со мною в лебедином оперении! Цветок моего сердца со мною — вот как это все разрешилось! Домой теперь, домой!

Но Хельга сказала, что не может покинуть Данию, не повидавшись со своею приемною матерью, доброю женой викинга. Хельга припомнила всю ее доброту, каждое ее ласковое слово, каждую слезу, пролитую ею из-за приемной дочери, и в эту минуту девушке казалось даже, что она любит ту мать сильнее, чем эту.

— Да нам и надо слетать в замок викинга! — ответил аист. — Там ведь ждет нас жена с птенцами! Вот-то заворочат они глазами и затрещат! Жена — та, пожалуй, не много скажет! Она вообще скупа на слова, выражается кратко и вразумительно, а думает еще лучше! Сейчас я

затрещу, чтобы предупредить их о нашем приближении!

И он затрещал, защелкал клювом. Скоро они подлетели к замку викинга.

В замке все погружено в глубокий сон. Забылась сном и жена викинга, но только поздней ночью: страх и беспокойство долго не давали ей уснуть. Прошло ведь уже три дня, как Хельга исчезла вместе с пленным христианином; должно быть, это она помогла ему бежать: в конюшне не доставало именно ее лошади. Но как могло все это случиться? И жене викинга невольно припомнились рассказы о чудесах, которые творил сам белый Христос и веровавшие в него. Все эти мысли, бродившие в ее голове наяву, облеклись во сне в живые образы, и вот ей пригрезилось, что она по-прежнему сидит на постели, погруженная в думы о Хельге; все кругом тонет в сплошном мраке, надвигается буря. С обеих сторон — и со стороны Северного моря и со стороны Каттегата — слышится грозный шум прибоя. Чудовищная змея, обвивающая в глубине морской кольцом всю землю, бьется в судорогах. Приближается страшная ночь — рагнарок, как древние называли последнюю ночь, когда рухнет мир и погибнут самые боги. Вот слышится громкий звук рога и по радуге выезжают верхом на конях боги, закованные в светлые доспехи, выезжают на последнюю битву! Перед ними летят крылатые валькирии, а замыкается поезд рядами умерших героев. Небо залито северным сиянием, но мрак победит. Приближается ужасный час.

А рядом с испуганной женой викинга сидит на полу Хельга в образе безобразной жабы, дрожит от страха и жметя к ней. Она берет жабу на колени и с любовью прижимает к себе, хоть она и безобразна. Вот воздух задрожал от ударов мечей и палиц, засвистели стрелы — словно град посыпался с неба. Настал тот час, когда земля и небо должны были рухнуть, звезды упасть с неба, и все погибнуть в пламени Суртура¹.

Но жена викинга знала, что после того возникнут новое небо и новая земля, и хлебная нива заволнуется там, где прежде катило свои волны по желтому песчаному дну сердитое море. Она знала, что воцарится новый неведомый бог, и к нему вознесется кроткий, светлый Бальдур, освобожденный из царства теней. И вдруг она видит его перед

¹ Суртур — в скандинавской мифологии владыка тьмы.

собой! Она узнала его с первого взгляда — это был пленный христианин.

— Белый Христос! — воскликнула она и, произнеся это имя, поцеловала в лоб свое безобразное дитя-жабу. В ту же минуту оболочка жабы спала, и перед ней очутилась Хельга, прекрасная, как всегда, но такая кроткая и с таким сияющим любовью взглядом! Хельга поцеловала руки жены викинга, как бы благодаря ее за все заботы и любовь, которыми она окружала свою приемную дочь в тяжелое время испытания, за все добрые мысли и чувства, которые она пробудила в ее душе, и за произнесенное ею сейчас имя белого Христа. Хельга повторила это имя и вдруг поднялась на воздух в виде лебедя: белые крылья распустились и зашумели, словно взлетала на воздух целая стая птиц.

Тут жена викинга проснулась. На дворе в самом деле слышалось хлопанье крыльев. Она знала, что настала пора обычного отлета аистов, и догадалась, что это они шумели крыльями. Ей захотелось еще раз взглянуть на них и попрощаться с ними. Она встала, подошла к отверстию, заменявшему окно, распахнула ставню и выглянула во двор. На крыше пристройки сидели рядышком сотни аистов, а над двором, над высокими деревьями, летали стаями другие; прямо же против окна, на краю колодца, где так часто сиживала, пугая свою приемную мать, красавица Хельга, сидели две лебедки, устремив свои умные глаза на жену викинга. Она вспомнила свой сон, который произвел на нее такое глубокое впечатление, что почти казался ей действительностью, вспомнила Хельгу в образе лебедя, вспомнила христианина, и сердце ее вдруг радостно забилося.

Лебедки захлопали крыльями и изогнули шеи, точно кланяясь ей, а она, как бы в ответ на это, протянула к ним руки и задумчиво улыбнулась им сквозь слезы.

Аисты, шумя крыльями и щелкая клювами, взвились в воздух, готовясь направить свой полет к югу.

— Мы не станем ждать этих лебедек! — сказала аистиха. — Коли хотят лететь с нами, пусть не мешкают! Не оставаться же нам тут, пока не соберутся лететь кулики! А ведь лететь так, как мы, семьями, куда пристойнее, чем так, как летят зяблики или турухтаны: у тех мужья летят сами по себе, а жены сами по себе! Просто неприлично! А у лебедей-то, у лебедей-то что за полет?!

— Всяк летит по-своему! — ответил аист. — Лебеди летят косою линией, журавли — треугольником, а кулики — змеєю!

— Пожалуйста, не напоминай теперь о змеях! — заметила аистиха. — У птенцов может пробудиться аппетит, а чем их тут накормишь?

— Так вот они, высокие горы, о которых я слышала! — сказала Хельга, летевшая в образе лебедки.

— Нет, это плывут под нами грозовые тучи! — возразила мать.

— А что это за белые облака в вышине? — спросила дочь.

— Это вечно снежные вершины гор! — ответила мать, и они, перелетев Альпы, продолжали путь по направлению к Средиземному морю.

— Африка! Египет! — ликовала дочь нильских берегов, завидев с высоты желтую волнистую береговую полосу своей родины.

Завидев берег, и аисты ускорили полет.

— Вот уж запахло нильскою тиной и влажными лягушками! — сказала аистиха птенцам. — Ох, даже защекотало внутри! Да, вот теперь сами попробуете, каковы они на вкус, увидите марабу, ибисов и журавлей. Они все нашего рода, только далеко не такие красивые. А важничают! Особенно ибисы — их избаловали египтяне; они делают из ибисов мумии, набивая их душистыми травами. А по мне, лучше быть набитой живыми лягушками! Вот вы узнаете, как это приятно! Лучше при жизни быть сытым, чем после смерти попасть в музей! Таково мое мнение, а оно самое верное!

— Вот и аисты прилетели! — сказали обитатели дворца на нильском берегу. В открытом покое на мягком ложе, покрытом шкурой леопарда, лежал сам царственный владыка, по-прежнему ни живой, ни мертвый, ожидая целебного лотоса из глубокого северного болота. Родственники и слуги окружали ложе.

И вдруг в покой влетели две прекрасные белые лебедки, прилетевшие вместе с аистами. Они сбросили с себя оперения, и все присутствующие увидели двух красавиц, похожих друг на друга, как две капли воды. Они приблизились к бледному, увядшему старцу и откинули назад свои длинные волосы. Хельга склонилась к деду, и в ту же минуту щеки его окрасились румянцем, глаза заблестали, жизнь вернулась в окоченевшее тело. Старец встал помолодевшим, здоровым, бодрым! Дочь и внучка взяли его за руки, точно

для утреннего приветствия после длинного тяжелого сна.

Что за радость воцарилась во дворце! В гнезде аистов тоже радовались — главным образом, впрочем, хорошему корму и обилию лягушек. Ученые впопыхах записывали историю обеих принцесс и целебного цветка, принесшего с собою счастье и радость всей стране и всему царствующему дому, аисты же рассказывали ее своим птенцам, но, конечно, по-своему, и не прежде, чем все наелись досыта, — не то у них нашлось бы иное занятие!

— Теперь и тебе перепадет кое-что! — шепнула аистиха мужу. — Уж не без того!

— А что мне нужно? — сказал аист. — И что я такое сделал? Ничего!

— Ты сделал побольше других! Без тебя и наших птенцов принцессам вовек не видать бы Египта и не исцелить старика. Конечно, тебе перепадет за это! Тебя, наверное, удостоят степени доктора, и наши следующие птенцы уже родятся в этом звании, их птенцы — тоже, и так далее! По мне, ты и теперь ни дать ни взять — египетский доктор!

А ученые и мудрецы продолжали развивать основную мысль, проходившую, как они говорили, красною нитью через все события, и толковали ее на разные лады. «Любовь — родоначальница жизни» — это была основная мысль, а истолковывали ее так: «Египетская принцесса, как солнечный луч, проникла во владения болотного царя, и от их встречи произошел цветок...»

— Я не сумею как следует передать их речей! — сказал подслушавший эти разговоры аист, когда ему пришлось пересказывать их в гнезде. — Они говорили так длинно и так мудрено, что их сейчас же наградили чинами и подарками; даже лейб-повар получил орден — должно быть, за суп!

— А ты что получил? — спросила аистиха. — Не следовало бы им забывать самое главное лицо, а самое главное лицо — это ты! Ученые-то только языком трепали! Но дойдет еще очередь и до тебя!

Поздней ночью, когда весь дворец, все его счастливые обитатели спали сладким сном, не спала во всем доме лишь одна живая душа. Это был не аист — он хоть и стоял возле гнезда на одной ноге, но спал на страже, — не спала Хельга. Она вышла на террасу и смотрела на чистое, ясное небо, усеянное большими блестящими звездами, казавшимися ей куда больше и ярче тех, что она привыкла видеть на севере.

Но это были те же самые звезды! И Хельге вспомнились кроткие глаза жены викинга и слезы, пролитые ею над своею дочкой-жабой, которая теперь любовалась великолепным звездным небом на берегу Нила, вдыхая чудный весенний воздух. Она думала о том, как умела любить эта язычница, какими нежными заботами окружала она жалкое создание, скрывавшее в себе под человеческою оболочкой звериную натуру, а в звериной внушавшее такое отвращение, что противно было на него взглянуть, не то что дотронуться! Хельга смотрела на сияющие звезды и вспоминала блеск, исходивший от чела убитого христианина, когда они летели вместе над лесом и болотом. В ушах ее снова раздавались те звуки и слова, которые она слышала от него тогда, когда сидела позади него на лошади: он говорил ей о великом источнике любви, высшей любви, обнимающей все поколения людские!..

Да, чего только не было ей дано, чего только она не достигла! Дни и ночи думала Хельга о выпавшем на ее долю счастье, созерцала свою жизнь, которая вела ее чудесными путями все к высшей радости и блаженству, и так и застыла в этом созерцании, как ребенок, который быстро переносит взор от дарящего к подаркам. Она вся ушла в думы о своем настоящем счастье и о будущем, которое ожидало ее, должно было ожидать ее впереди, и совсем забыла о том, кто даровал ей это счастье. В ней кипела отвага молодости, глаза ее блистали от восторга. Но вот слух ее был привлечен страшным шумом на дворе. Она взглянула туда и увидела двух больших, сильных страусов, бегавших сломя голову кругом по двору. Хельга в первый раз видела этих огромных, тяжелых, неуклюжих птиц с точно обрубленными крыльями. Они бегали, встревоженные, испуганные, словно их кто обидел. Хельга спросила, что с ними случилось, и впервые услышала египетское предание о страусе.

Когда-то страусы славилась красотой; крылья их были велики и сильны. Однажды вечером другие могучие лесные птицы сказали страусу: «Брат, завтра, бог даст, полетим к реке напиться!» И страус ответил: «Захочу и полечу!» На заре птицы полетели. Все выше и выше взвивались они, все ближе и ближе к солнцу, божьему оку. Страус летел один, впереди всех, горделиво, стремясь к самому источнику света и полагаясь лишь на свои силы, а не на подателя их; он говорил не «бог даст», а «захочу», и вот ангел возмездия сдернул с раскаленного солнечного диска тонкую пелену — в ту же минуту крылья страуса опалило, как огнем, и он,

бессильный, уничтоженный, упал на землю. Никогда больше он и весь его род не могли подняться с земли! Испугавшись чего-нибудь, они мечутся как угорелые, описывая все один и тот же узкий круг, и служат нам, людям, живым напоминанием и предостережением.

Хельга задумчиво опустила голову, посмотрела на страусов, мечущихся не то от ужаса, не то от глупой радости при виде своей собственной тени на белой, освещенной луною стене, и душою ее овладело серьезное настроение. Да, ей выпала на долю богатая счастьем жизнь, что же ждет ее впереди? Еще высшее счастье — «даст бог!».

Раннею весною, перед отлетом аистов на север, Хельга взяла золотое кольцо, начертила на нем свое имя и подзвала к себе своего знакомца аиста. Когда тот приблизился, Хельга надела ему кольцо на шею, прося отнести его жене викинга, — кольцо скажет ей, что приемная дочь ее жива, счастлива и помнит о ней.

«Тяжеленько это будет нести! — подумал аист. — Но золото и честь не выбросишь на дорогу! «Аист приносит счастье», — скажут там на севере!..»

— Ты несешь золото, а я яйца! — сказала аистиха. — Но ты-то принесешь его только раз, а я несу яйца каждый год! Благодарности же не дождется ни один из нас! Вот что обидно!

— Довольно и собственного сознания, женушка! — сказал аист.

— Ну, его не повесишь себе на шею! — ответила аистиха. — Оно тебе ни корму, ни попутного ветра не даст!

И они улетели.

Маленький соловей, распевавший в тамариндовой роще, тоже собирался улететь на север; в былые времена Хельга часто слышала его возле Дикого болота. И она дала поручение и соловью: с тех пор как она полетала в лебедином оперении, она могла объясняться на птичьем языке и часто разговаривала и с аистами и с ласточками, которые понимали ее. Соловей тоже понял ее: она просила его поселиться на Ютландском полуострове в буковом лесу, где возвышался курган из древесных ветвей и камней, и уговорить других певчих птичек ухаживать за могилой и, не умолкая, петь над нею свои песни.

Соловей полетел стрелой, полетело стрелой и время!

Осенью орел, сидевший на вершине пирамиды, увидел приближавшийся богатый караван; двигались нагруженные сокровищами верблюды, гарцевали на горячих арабских конях разодетые и вооруженные всадники. Серебристо-белые кони с красными раздувающимися ноздрями и густыми гривами, ниспадавшими до тонких стройных ног, горячились и фыркали. Знатные гости, в числе которых был и один аравийский принц, молодой и прекрасный, каким и подобает быть принцу, въехали во двор могучего владыки, хозяина аистов, гнездо которых стояло теперь пустым. Аисты находились еще на севере, но скоро должны были вернуться.

Они вернулись в тот самый день, когда во дворце царил шумная радость, кипело веселье — праздновали свадьбу. Невестой была разодетая в шелк, сиявшая драгоценными украшениями Хельга; женихом — молодой аравийский принц. Они сидели рядом за свадебным столом, между матерью и дедом.

Но Хельга не смотрела на смуглое мужественное лицо жениха, обрамленное черною курчавою бородой, не смотрела и в его огненные черные глаза, не отрывавшиеся от ее лица. Она устремила взор на усеянный светлыми звездами небесный свод.

Вдруг в воздухе послышались шум и хлопанье крыльев — вернулись аисты. Старые знакомые Хельги были тут же, и как ни устали они оба с пути, как ни нуждались в отдыхе, сейчас же спустились на перила террасы, зная, что за праздник идет во дворце. Знали они также — эта весть долетела до них, едва они приблизились к границам страны, — что Хельга велела нарисовать их изображение на стене дворца: аисты были ведь тесно связаны с историей ее собственной жизни.

— Очень мило! — сказал аист.

— Очень и очень мило! — объявила аистиха. — Меньше-го уж нельзя было и ожидать!

Увидав аистов, Хельга встала и вышла к ним на террасу погладить их по спине. Старый аист наклонил голову, а молодые смотрели из гнезда и чувствовали себя польщенными.

Хельга опять подняла взор к небу и засмотрелась на блестящие звезды, сверкавшие все ярче и ярче. Вдруг она увидела, что между ними и ею витает прозрачный, светлый, светлее самого воздуха образ. Вот он приблизился к Хельге, и она узнала убитого христианина. И он явился к ней в этот торжественный день, явился из небесных чертогов!

— Небесный блеск и красота превосходят все, что может представить себе смертный! — сказал он.

И Хельга стала просить его так кротко, так неотступно, как никогда еще никого и ни о чем не просила, взять ее туда, в небесную обитель, хоть на одну минуту, позволить ей бросить хоть один-единственный взгляд на небесное великолепие!

И он вознесся с нею в обитель блеска, света и гармонии. Дивные звуки и мысли не только звучали и светились вокруг Хельги в воздухе, но и внутри ее, в глубине ее души. Словами не передать, не рассказать того, что она чувствовала!

— Пора вернуться! Тебя ищут! — сказал он.

— Еще минутку! — молила она. — Еще один миг!

— Пора вернуться! Все гости уже разошлись!

— Еще одно мгновение! Последнее...

И вот Хельга опять очутилась на террасе, но... все огни и в саду и в дворцовых покоях были уже потушены, аистов не было, гостей и жениха — тоже; все словно ветер развеял за эти три кратких мгновения.

Хельгу охватил страх, и она прошла через огромную, пустынную залу в следующую. Там спали чужеземные воины! Она отворила боковую дверь, которая вела в ее собственный покой, и вдруг очутилась в саду, — все стало тут по-другому! Край неба алел, занималась заря.

В три минуты, проведенные ею на небе, протекла целая земная ночь!

Тут Хельга увидела аистов, подозвала их к себе, заговорила с ними на их языке, и аист, подняв голову, прислушался и приблизился к ней.

— Ты говоришь по-нашему! — сказал он. — Что тебе надо? Откуда ты, незнакомка?

— Да ведь это же я, Хельга! Ты не узнаешь меня? Три минуты тому назад я разговаривала с тобой тут, на террасе!

— Ты ошибаешься! — ответил аист. — Ты, верно, видела все это во сне!

— Нет, нет! — сказала она и стала напоминать ему о замке викинга, о Диком болоте, о полете сюда...

Аист заморгал глазами и сказал:

— А, это старинная история! Я слышал ее еще от моей пра-пра-прабабушки! Тут, в Египте, правда, была такая принцесса из Дании, но она исчезла в самый день своей

свадьбы много-много лет тому назад! Ты сама можешь прочесть об этом на памятнике, что стоит в саду! Там же высечены лебедки и аисты, а на вершине памятника стоишь ты сама, изваянная из белого мрамора!

Так оно и было. Хельга увидела памятник, поняла все и пала на колени.

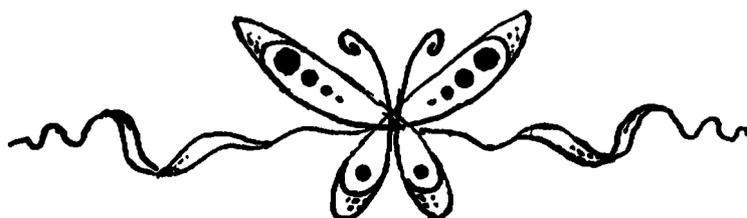
Взошло солнце, и как прежде с появлением его спала с Хельги безобразная оболочка жабы и из нее выходила молодая красавица, так теперь из брэнной телесной оболочки, очищенной крещением света, вознесся к небу прекрасный образ, чище, прозрачнее воздуха; солнечный луч вернулся к отцу!

А тело распалось в прах; на том месте, где стояла коленопреклоненная Хельга, лежал теперь увядший лотос.

— Новый конец истории! — сказал аист. — И совсем неожиданный! Но ничего, мне он нравится!

— А что-то скажут о нем детки? — заметила аистиха.

— Да, это, конечно, важнее всего! — сказал аист.

ЛЬЮИС
КЭРРОЛЛ

АЛИСА
В СТРАНЕ ЧУДЕС

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

*латая дорожка вдоль речки легла,
И смех упоительно звонок.
Вразброд налегают на оба весла
Две пары ребячьих ручонок.
А третья напрасно стремится
вернуть
Корабль непослушный на
избранный путь.*

*О трое мучительниц! В этакый
час
Ко мне, чуть живому от зноя,
Умильнейшим шепотом в
тысячный раз
О сказке зывают все трое.
Молил я пощады, молил и затих,
Один разве выстоишь против
троих?*

*Властительна Prima. Сейчас я
начну,
Ее повинуюсь указу.*

Secunda пленительно просит в одну
 Геленицу спутать все сразу,
А *Tertia* — та прерывает всех нас
Не чаще, чем за два мгновения раз.

Итак, тишина. Говорю только я.
 За сказочной сверстницей следом
Фантазия их увлекает в края,
 Где наш распорядок неведом,
Среди говорливых зверюшек и птиц
Им кажется правдой игра небылиц.

Но вот истощен вдохновенья родник,
 Он стал полувывсохшим ложем.
Устал я, и просит мой бедный язык:
 «Давайте на после отложим».
«Какое там после! Сейчас же и здесь!» —
Кричит в упоении хор этот весь.

Вот так мы бродили Страною Чудес,
 Что значит в нашем заглавье.
Поход продолжается, след не исчез,
 И сказка становится явью:
Спускается солнце за нашей кормой,
Мы с визгом и хохотом правим домой.

Алиса! Прими эту сказку мою,
 Коснись ее нежной рукою.
В стране твоей памяти, в дивном краю,
 Пусть дремлет она на покое,
Как хрупкий венок из далекой земли,
Который паломники нам сберегли.

Глава первая

В НЕДРАХ КРОЛИЧЬЕЙ НОРЫ

Сидеть на траве рядом с сестрой и ровным счетом ничего не делать было крайне утомительно. Несколько раз Алиса украдкой заглядывала в книжку, которую с увлечением читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров. Непонятно, что за удовольствие от таких книг.

И вот Алиса сидела и рассуждала про себя (насколько это было возможно, потому что от жары клонило в сон и думать было очень трудно). Она рассуждала, вправду ли такое уж большое удовольствие плести венки, — ведь надо же вставать, потом нагибаться за цветами, — как вдруг совсем рядом промелькнул Кролик, Белый Кролик с красными глазами.

Ничего уж слишком особенного в этом не было. Даже услышав, как Кролик бормочет: «Ой-ой-ой! Я опоздаю!» — Алиса не сочла это чем-то из ряда вон выходящим (потом, когда у нее было время подумать, оказалось, что это само по себе тоже вполне заслуживало удивления, хотя тогда все выглядело совершенно естественно). Но когда Кролик *вынул из жилетного кармана часы* и на бегу поглядел на них, пораженная Алиса вскочила. Ей никогда до сих пор не попадались кролики, у которых были бы жилетные карманы, а тем более часы. Сгорая от любопытства, она бросилась через лужайку вслед за Кроликом, шмыгнувшим в большую нору под изгородь, и последовала туда за ним, даже не задумавшись, как она сумеет выбраться обратно.

Кроличья нора сначала шла прямо, как туннель, но внезапно круто оборвалась. Так внезапно, что Алиса, не успев подумать: «Стой!» — провалилась во что-то похожее на очень глубокий колодец.

То ли колодец был очень глубок, то ли Алиса падала очень медленно, но оказалось, что на лету есть время и оглядеться по сторонам, и подумать о ближайшем будущем. Сперва Алиса посмотрела вниз, надеясь узнать, куда падает, но внизу было темным-темно и ничего не видно. Тогда она окинула взглядом стенки колодца и увидела, что это сплошь буфетные и книжные полки. Кое-где висели какие-то картины и географические карты. Алиса на лету схватила с одной из полок банку с надписью «АПЕЛЬСИНОВЫЙ ДЖЕМ», но — увы! — банка была пуста. Бросать ее не стоило — еще убьешь кого-нибудь внизу. Пришлось излов-

— По вкусу ли кошке летучие мышки? По вкусу ли кошке летучие мышки?

А иногда и наоборот:

— По вкусу ли мышке летучие кошки?

Ведь если ни на тот, ни на другой вопрос ответить не можешь, то все равно, какой и когда задавать. Засыпая, она уже видела сон, как идут они с Диной под ручку, как она очень серьезно спрашивает Дину: «Дина, скажи мне правду, по вкусу ли кошке летучие мышки?» Но вдруг — трах! бах! — и Алиса врезалась в кучу хвороста и сухих листьев. Падению пришел конец!

Алиса даже не поцарапалась и тут же вскочила на ноги. Она глянула вверх, но там царила тьма. Прямо перед ней тянулся длинный коридор, а по нему бежал Белый Кролик. Его еще было видно! Не теряя ни секунды, Алиса, как ветер, понеслась вслед за ним. Она уже догоняла его, она уже слышала, как он приговаривает: «О, мои ушки! О, мои усики! Слишком поздно!» — как вдруг Кролик свернул за угол, Алиса за ним — но Кролик исчез. Перед ней был длинный низкий пустой зал, освещенный нескончаемым рядом висячих ламп.

По обе стороны зала было множество дверей, но только — увы! — закрытых. Алиса подергала все двери подряд сначала с одной стороны зала, потом с другой и, наконец, печально остановилась посередине, не представляя себе, как отсюда можно выбраться.

И тут внезапно рядом оказался столик на трех ножках, весь-весь из стекла, а на столике — крохотный золотой ключик и больше ничего! «Наверное, это ключ от одной из дверей», — сразу же сообразила Алиса, но вот беда: то ли замки были слишком большие, то ли ключ слишком мал, так или иначе — ни к одной двери он не подошел. Однако, обойдя весь зал снова, Алиса обратила внимание на низкий занавес, которого раньше как-то не заметила. За ним оказалась маленькая дверца, всего в пятнадцать дюймов высотой. Алиса вложила ключ в замочную скважину, повернула, и — о, радость! — замок щелкнул.

Алиса открыла дверцу. За ней начинался коридорчик, не шире крысиной норы. Став на колени, Алиса увидела, что он выходит в самый прекрасный сад на свете! Как захотелось Алисе прочь из мрачного зала к этим ярким цветникам и прохладным фонтанам, но в дверцу даже голова ее, правда, чуть-чуть, но не проходила. «А впрочем, что толку, если бы и проходила, раз плечи уж никак не пройдут, — расстроено думала Алиса. — Вот стать бы мне складной, как под-

зорная труба! С удовольствием бы стала, честное слово, только бы знать, как это делается».

После того, как с тобой подряд приключится столько необычайного, поневоле начнешь думать, что по-настоящему невозможных вещей на свете не так уж и много.

Но ждать возле дверцы Алисе показалось бесполезным. Она вернулась к столику, смутно надеясь найти там либо другой ключ, либо, по крайней мере, руководство, как становятся складными наподобие подзорных труб. Но на столике обнаружился маленький флакончик: («А раньше, ручаюсь, там его не было», — сказала Алиса.) На горлышке флакончика была бумажная ленточка, а на ней большими красивыми печатными буквами было написано:

«ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Сказать «ВЫПЕЙ МЕНЯ» — это всякий может, и умная маленькая Алиса спешить не собиралась.

— Я сначала должна посмотреть, — сказала она, — нет ли тут где-нибудь надписи «ЯД».

Алиса уже успела прочесть несколько очень милых историй о детях, которые были неосторожны с огнем или забирались прямо в пасть к диким зверям и с которыми происходили всякие прочие неприятности. И все из-за того, что они не потрудились вспомнить простейших дружеских наставлений. А именно, что не следует слишком долго держаться за раскаленную кочергу — обожжешься, что нельзя хвататься за нож — можно сильно порезаться и кровь потечет, и что, если слишком много глотнуть из бутылки с надписью «ЯД», то сразу или не сразу, но это повредит весьма и неизбежно. А уж Алиса-то забывать о таких вещах не собиралась.

Но на флакончике надписи «ЯД» не было, и Алиса отважилась выпить глоточек. Ей очень понравилось (это была какая-то смесь, напоминавшая на вкус пирог с вишнями, сливочный крем, ананас, жареную индейку, помадки и горячие гренки с маслом), и флакончик вмиг опустел.

.

— Какое забавное чувство! — сказала Алиса. — Должно быть, я сложилась, как подзорная труба.

Так оно и было. Алиса стала ростом в десять дюймов. Она сияла от радости при мысли, что уменьшилась точь-в-точь настолько, чтобы пройти через дверцу в тот восхитительный сад. Но все-таки решила немножко подо-

ждать, — может быть, уменьшение еще не кончилось. Эта мысль даже встревожила ее.

— Если все уменьшаться и уменьшаться, то совсем растаешь, как свеча, — сказала она. — И что тогда от меня останется?

Как выглядит пламя догоревшей и потухшей свечи, Алиса припомнить не сумела, ибо никогда ничего подобного не видела, и некоторое время она просто пыталась вообразить себе это зрелище.

Но больше ничего не происходило, и Алиса наконец решила, что пора и в сад. Увы и ах! Подойдя к дверце, Алиса спохватилась, что забыла золотой ключик. Она вернулась за ним к столу, и тут оказалось, что достать его невозможно! Она ясно видела ключ снизу сквозь стекло, она изо всех сил пыталась вскарабкаться по ножкам стола, но они были такие скользкие! Устав от безуспешных попыток, бедная Алиса наконец села и расплакалась.

— Что без толку плакать! Мой вам совет — прекратите сию же минуту! — довольно резко обратилась Алиса к собственной персоне. Она очень любила сама себе давать добрые советы (хотя очень редко им следовала) и даже сама себя бранила, да так, что доводила до слез. Однажды, играя сама с собой в крокет, она сама себя надула и пыталась за это надрать самой себе уши. Это удивительное дитя просто обожало раздваиваться. «Но теперь-то вряд ли стоит придумывать, что нас двое, — уныло думала Алиса. — Меня на одну меня и то едва хватает».

И тут она увидела под столом стеклянную шкатулочку. Шкатулочка свободно открылась, и в ней оказался пирожок, на котором изюмом были красиво выложены слова «СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Ладно, я съем тебя, — сказала Алиса. — Если я от этого увеличусь, я достану ключ. А если еще уменьшусь, то пролезу в щелочку под дверь. Что бы ни случилось, а в сад я попаду. Так что я спокойна.

Держа руку над головой, чтобы вовремя заметить, в какую сторону она начнет изменяться, она откусила кусочек.

— Ну и как?

Но ничего особенного не случилось. Как ни удивительно, рост ее оставался прежним. Вообще-то, когда ешь пирожки, так оно обычно и бывает, но Алисе настолько понравились здешние чудеса, что обычная жизнь показалась ей вовсе глупой и неинтересной.

Итак, она взялась за дело и мигом прикончила пирожок.

Глава вторая

МОРЕ СЛЕЗ.

— Все необычайшей и необычайшей! — воскликнула Алиса (от удивления она даже забыла, как надо правильно сказать). — Я раздвинулась, как самая большая в мире подзорная труба! Ножки мои, прощайте!

А ноги и впрямь отдалились так, что их почти совсем не стало видно.

— Ах вы, мои бедные ножки! Кто теперь на вас наденет чулки и башмаки? Я-то наверняка не смогу. Я буду слишком далеко и не сумею о вас заботиться. Вы как-нибудь теперь сами управляйтесь.

«Но я должна быть добра к ним, — подумала Алиса, — а то они еще не станут ходить туда, куда мне хочется. Пойдите-ка! Вот что! Я буду дарить им к Рождеству новые ботиночки».

И Алиса попыталась представить себе, как это будет происходить.

— Придется кого-то нанимать, чтобы отнесли. Вот забавно-то! Посылать подарки собственным ногам! Ничего себе адрес:

*«Леди Правой Алисиной Ноге
Коврик у камина*

С любовью и наилучшими пожеланиями!»

Ой, что за глупости я говорю, — сказала Алиса и стукнулась головой о потолок. Теперь она была ростом в девять футов.

Схватив золотой ключик со стола, Алиса бросилась к дверце. Бедняжка! Прижавшись к полу, она только одним глазком могла полюбоваться садом. Он был еще более недостижим, чем прежде. И Алиса снова села и заплакала.

— Как тебе не стыдно! Такая... Такая большая девочка! (Вот уж действительно!) И плачешь? Сию же минуту прекрати. Слышишь, что я тебе говорю?

Но остановиться было невозможно. Галлоны слез залили половину зала целым морем в четыре дюйма глубиной.

Только услышав приближающийся топот маленьких ножек, Алиса утерла слезы, чтобы посмотреть, кто это. Это возвращался Белый Кролик. Он был при всем параде. В одной руке у него была пара белых лайковых перчаток, в другой — большущий веер. Кролик очень спешил и бормотал на бегу: «Ах, Ваше Высочество, Ваше Вы-

сочество! Только не гневайтесь! Я заставляю вас ждать!»

Алиса в отчаянии готова была просить помощи у кого угодно. И когда Кролик пробежал мимо, она тихо и робко начала:

— Простите, пожалуйста, сэр!..

Кролик на миг опешил, потом уронил перчатки и веер и опрометью кинулся прочь в темноту.

Алиса подобрала веер и перчатки. В зале было очень жарко, и она стала обмахиваться веером, приговаривая:

— Ой, какой сегодня странный день! А вчера все было, как всегда. Может быть, ночью меня подменили? Постойте, постойте, утром я была я или уже не я? Никакой разницы не припомню. Но если уж я не я, то кем же меня подменили, интересно! Вот загадка так загадка!

И она стала перебирать подряд всех своих подружек и ровесниц, чтобы понять, кем из них ее подменили.

— Я наверняка не Ада, — говорила она. — У Ады длинные кудри, а у меня волосы не вьются. И я наверняка не Мейбл, потому что я знаю все, а она ничего не знает. А кроме того, если я это она, а она это я, то... Ой, я запуталась. Надо проверить, все ли я знаю, что знала прежде. Погодите! Четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Ой, так я никогда не доберусь до двадцати. Нет, пусть таблица умножения не считается. Пусть лучше считается география. Лондон — столица Парижа, Париж — столица Рима. Рим... Рим... Но ведь это же все неверно! Я все-таки Мейбл! Я еще попробую прочесть стихи, я прочту «Как этот юный...»!

И она сложила руки, словно отвечая урок, и стала читать стихи, но даже собственный голос показался ей хриплым и странным. А слова — слова приходили на ум совсем не те, что нужно:

*Как этот юный... крокодил
В наряде золотом
Проворно рассекает Нил
Чешуйчатым хвостом!*

*О, как он весело плывет,
Расправив коготки,
И рыбок ласково зовет
На острые клыки!*

— Честное слово, это не те слова, — горестно сказала Алиса, и глаза ее снова наполнились слезами. — Все-таки, должно быть, я Мейбл, и мне придется жить в их убогом домишке, и у меня не будет игрушек, а все уроки мне придется учить заново! Нет, я сделаю иначе! Пусть сюда сверху

заглядывают, пусть кричат: «Милая, вернись!» Я только посмотрю им всем в лицо и скажу: «Нет, вы сначала скажите мне, кто я! И если мне понравится быть тем, кого вы назовете, я вернусь! А если не понравится, то я буду сидеть здесь, пока не стану кем-нибудь еще. И... и...» — И тут Алиса внезапно разрыдалась. — Только скорей бы сюда кто-нибудь заглянул! Мне так тоскливо сидеть здесь одной!

Тут Алиса поглядела на свою руку и с удивлением обнаружила на ней лайковую перчатку Кролика, которую надела, пока горевала, — и сама того не заметила. «Как так могло произойти? — подумала она. — Я что, опять уменьшилась?» Она вскочила, подбежала к столику примериться, и оказалось, что она всего в два фута ростом и продолжает быстро-быстро уменьшаться. Успев сообразить, что причиной этому, вероятнее всего, веер, она бросила его. И как раз вовремя, а то уменьшилась бы до исчезновения.

— На волосок от гибели! — воскликнула Алиса, весьма перепуганная внезапным превращением, но довольная тем, что благополучно спаслась. — Урра! Скорей в сад!

И она бегом бросилась к заветной двери. Но та была закрыта, а ключик — ключик лежал все на том же стеклянном столе.

«Но только теперь дела совсем никудышные, — подумала она, — потому что я уж такая маленькая, такая маленькая! Никогда я не была такой маленькой! Честное слово, совсем никудышные дела!»

И тут она поскользнулась и — плюх! — очутилась по шею в соленой воде.

«Море! — подумала она. — Уж не знаю как, но я упала в море! Ну, теперь-то я выберусь отсюда по железной дороге!»

(Всего раз в жизни Алиса была у моря и осталась в совершеннейшем убеждении, что в любом месте на берегу есть кабинки для переодевания, возле них в песке копаются дети, чуть поодаль стоят домики с надписями «Сдаются комнаты», а за ними — железнодорожная станция.)

Но Алиса быстро сообразила, что это за море! Это было море слез, которое она сама наплакала, когда была ростом в девять футов.

— Вот не надо было мне так много плакать! — сказала она, барахтаясь и пытаясь понять, куда ей плыть. — И я теперь наказана за это и, чего доброго, утону в собственных слезах. Невероятная история, честное слово! Но сегодня уж день такой невероятный.

Где-то неподалеку раздался всплеск, и Алиса поплыла туда посмотреть, что случилось. Вдруг это морж или бегемот! Но, вспомнив о постигшем ее уменьшении, она только кивнула головой, увидев, что это всего-навсего мышка. Мышка, которая поскользнулась и упала в воду точно так же, как и она сама.

«Есть ли смысл к ней обращаться? — подумала Алиса. — Впрочем, здесь все шиворот-навыворот, и она, вполне возможно, умеет говорить. Попытка не пытка. Попробуем».

И она начала:

— О Мышь! Не знаете ли вы, как отсюда выбраться? О Мышь, я очень устала плыть.

Алиса никогда до сих пор не обращалась к мышам и решила, что «О Мышь» — это самые подходящие слова. У ее брата в учебнике латинского языка было написано, как склоняется слово «Мышь»: Именительный — мышь, Родительный — мыши, Дательный — мыши, Винительный — мышь, Звательный — О Мышь.

Мышь с любопытством оглянулась на Алису, вроде бы даже подмигнула, но промолчала.

«Наверное, она не понимает по-английски, — подумала Алиса. — Вдруг это французская мышь, которая приплыла сюда с Вильгельмом Завоевателем?» (При всех своих познаниях в истории, Алиса не очень ясно представляла себе, как давно это произошло.) И она сказала:

— У... э... ма шат?

Это была первая фраза в ее учебнике французского языка: «Где моя кошка?»

Мышь чуть из воды не выпрыгнула и затряслась от страха.

— Ой, простите, пожалуйста! — торопливо воскликнула Алиса, поняв, что ее слова задела Мышь за живое. — Я совсем забыла, что вы не очень любите кошек!

— Не очень? — пронзительно и взволнованно пискнула Мышь. — А вы на моем месте очень бы их любили?

— Пожалуй, нет, — примирительно ответила Алиса. — Но вы не сердитесь. Я бы с удовольствием познакомила вас с нашей Диной. Вы совсем иначе стали бы относиться к кошкам. Она привела бы вас в восхищение! Ласковая! Спокойная! — Алиса плыла не спеша и, забывшись, продолжала: — Как она мило мурлычет у огня, как она облизывает лапки, как она умывается, как ее приятно погладить — она такая мягонькая! А как она ловит мышей... О, простите, пожалуйста! — закричала Алиса, видя, как ошетибилась

Мышь, теперь уже наверняка обиженная. — Раз вы не хотите, мы не будем больше говорить о кошке!

— «Мы»! — воскликнула Мышь, дрожа до кончика хвоста. — Ничего себе «мы»! Воля ваша, а я о ней и говорить не собиралась! У нас в роду кошек не выносят! Противные, вульгарные, низкие существа! Я имени их слышать не хочу!

— Я больше не буду! — сказала Алиса, торопливо придумывая, о чем бы еще таком поговорить. — Давайте... давайте поговорим о собаках. Вы любите собак?

Мышь не ответила, и Алиса бойко затараторила:

— Возле нашего дома есть такая милая собачка! Хотите, я вас с ней познакомлю? Такой терьерчик с блестящими глазами! Шерстка курчавая, коричневая! Бросите палку, а он принесет. Он умеет служить и благодарить. Он еще много-много что умеет, только я не помню. Его хозяин фермер говорит, что он стоит сто фунтов! Он очень полезный. Он охотится на крыс и... Ой! Я опять ее обидела, — опечалилась Алиса. А Мышь, подняв целую бурю, торопливо отплывала в сторону.

Тогда Алиса тихо и жалобно сказала:

— Мышка, милая! Вернись, пожалуйста. Я больше ни слова не скажу ни о кошках, ни о собаках, раз ты их не любишь.

Услышав эти слова, Мышь повернула и медленно поплыла обратно. Она была бледная-бледная, наверное, от волнения, и сказала тихим, дрожащим голосом:

— Вот доберемся до берега, а там вы узнаете, почему я ненавижу кошек и собак.

Откладывать это дело не следовало, потому что все море заполнилось птицами и животными, которые все падали и падали в него. Тут были и Утя, и Додо-Каких-Уже-Больше-Нет, и Лори-Лорочка, и Говорунья-Тилли, и другие любопытные создания. И вслед за Алисой вся компания устремилась к берегу.

Глава третья

ПОТАСОВКА С ПОДТАСОВКОЙ

Причудливо выглядела эта компания на берегу: птицы с перепачканными перьями, зверюшки со слипшимся мехом, все насквозь мокрые, сердитые, недовольные.

Уж конечно, первым делом заговорили о том, как обсу-

шиться. Начался обмен мнениями, и через несколько минут Алиса, ничуть не удивляясь, обнаружила, что обращается к ним всем так, словно всю жизнь их знала, и яростно спорит с Лори-Лорочкой. В конце концов Лори надулась и процедила:

— Я старше тебя и лучше знаю.

— Нет, ты скажи сначала, сколько тебе лет? — возразила Алиса. Лори положительно отказалась назвать свой возраст, и спор на этом прервался.

Наконец Мышь, к которой все почему-то относились с особым почтением, воскликнула:

— Садитесь и слушайте! У меня-то вы все мигом высохнете до нитки!

Общество уселось в кружок вокруг Мыши. Алиса торопила ее взглядом и думала: «Поскорей бы обсушиться, а то простужусь наверняка!»

— А-хм! — важно сказала Мышь. — Все готовы? Сейчас я прочту вам самый иссушающий текст, какой только знаю. Тише, пожалуйста. «Итак, Вильгельму Завоевателю покровительствовал сам папа Римский, и вокруг него быстро сплотились те из англичан, кто стремился обрести руководителя после недавних многочисленных смут и поражений. Эдвин Мерсийский и Моркар Нортумберлендский...»

— Ух! — сказала Лори, передернув плечами.

— Что, простите? — нахмурясь, но вежливо спросила Мышь. — Вы что-то сказали?

— Нет, нет, — поспешно ответила Лори.

— Значит, я ошиблась, — сказала Мышь. — Итак, я продолжаю. «Эдвин Мерсийский и Моркар Нортумберлендский высказались в его пользу. А Стиганд, архиепископ Кентерберийский, несмотря на свои патриотические убеждения, нашел нечто единственно возможное...»

— Что нашел? — перебил Утя.

— Нашел нечто! — довольно резко ответила Мышь. — Вы, само собой разумеется, понимаете, что значит «нечто»!

— Когда я нахожу нечто, — сказал Утя, — это обычно бывает червячок или головастик. А когда нечто находит архиепископ, это совсем другое дело. Разве не так?

Мышь словно не заметила вопроса и торопливо продолжала:

— «...нашел нечто единственно возможное в создав-

шейся обстановке, а именно, предложил, чтобы Эдгар Этелинг лично встретился с Вильгельмом и уступил ему корону. Первое время Вильгельм правил умеренно, но дерзость его норманнов...» Ну, как вы себя чувствуете, моя милая? — обратилась Мышь к Алисе.

— Все так же мокро, — грустно ответила Алиса. — Кажется, я от этого вовсе не сохну.

— В таком случае, — приподнялся Додо-Каких-Уже-Больше-Нет, напустив на себя важный вид, — я ставлю на голосование резолюцию об отсрочке данного слушания с целью немедленной выработки более действенных мер...

— Да говори ты по-человечески! — прервала его Говорунья-Тилли. — Я не понимаю половины всех этих длинных слов. Хуже того, ты их сам не понимаешь, уж это будьте уверены!

И Тилли потупилась, скрывая усмешку. Но кое-кто из птиц довольно явственно захихикал.

— Я сказал, — обиделся Додо, — что, по-моему, нам пора бы устроить потасовку с подтасовкой. Прекрасная вещь. Мы бы мигом обсохли.

— А что это такое? — спросила Алиса. Но не потому, что по-настоящему интересовалась, а потому, что Додо умолк, словно считая, что дальше должны говорить другие, а никто ничего как будто говорить не собирался.

— Лучшее объяснение — это пример, — сказал Додо. (Вдруг вам как-нибудь зимой захочется попробовать, что это за штука; так я уж расскажу, что предложил Додо.)

Он начертил на земле что-то вроде большой окружности («точная форма совершенно не играет роли», так он сказал), и вся компания разместилась вдоль нее, кто где хочет. Никаких тебе команд «раз, два, три», каждый мог бежать вдоль линии в любую сторону, толкаться, налетать на кого угодно и когда угодно, мог и совсем ничего не делать, так что нелегко было понять, когда что началось и когда окончилось.

Это продолжалось около получаса, все обсохли, а потом Додо вдруг провозгласил: «Потасовка окончена!» — и все столпились вокруг него, тяжело дыша и спрашивая, кто победил.

Прежде чем ответить на этот вопрос, Додо пришлось основательно подумать. Долго он стоял, приставив палец ко лбу (как Шекспир на портрете), а все молча ждали. Наконец он объявил:

— Все победили, всем присуждены награды.

— А где же они? — спросил шумный хор.

— Да вон у нее, — и Додо показал пальцем на Алису. И теперь вся компания столпилась вокруг растерявшейся Алисы и громко требовала наград.

Что делать, Алиса не знала. В отчаянии она сунула руку в карман, вытащила коробочку карамели (к счастью, соленая вода ей не повредила) и стала раздавать конфетки вместо наград. Как раз всем хватило по штучке.

— Но ведь она тоже должна получить награду, — сказала Мышь.

— Само собой разумеется. Сейчас, — сказал Додо и обратился к Алисе: — У тебя есть еще что-нибудь в кармане?

— Только наперсток, — грустно ответила та.

— Дай-ка его сюда, — попросил Додо.

И все снова столпились вокруг Алисы, а Додо торжественно протянул ей наперсток и сказал:

— Мы очень просим вас, соблаговолите принять эту изящную вещицу!

На этом его приветственная речь окончилась, и все захлопали.

Алиса подумала: «Какая невероятная чепуха!» Но все были такие серьезные! И она не осмелилась засмеяться. Не сумев придумать, что сказать в ответ, она молча поклонилась и взяла наперсток, стараясь сделать это как можно торжественней.

А потом все стали есть карамель. Поднялся шум и суматоха. Большие птицы жаловались, что даже распробовать не успели, а маленькие второпях все, как одна, подавились, — пришлось их хлопать по спинам. Наконец и с карамелью покончили, общество снова уселось в кружок и попросило Мышь рассказать что-нибудь еще.

— Вы помните, вы обещали мне рассказать, почему вы ненавидите «ко» и «со», — шепотом сказала Алиса, боясь, как бы Мышь снова не обиделась.

— Я исполню вам печальную канцонетту, — вздохнув, сказала Мышь. — Канцонетту, потому что она короткая.

— Почему же? Если конца нету, значит, она должна быть очень длинной, — недоуменно возразила Алиса. Но Мышь изогнула дрожащий хвостик, сжала его лапками и исполнила нижеследующие стихи, которые в памяти Алисы были теперь неразрывно связаны с движениями мышинового хвоста:

Гавка сказала мышке:

«Идем! Ты мне ответишь перед
судом! Нынче мне скучно, и
с интересом я занялась
бы нашим процессом».

Мышь отвечала: «Что ж,
я согласна! Пусть нас
рассудит суд беспри-
страстный! Где же
судья и где засе-
датели, чтобы
напрасно слов
мы не тратили?»

Гавкин коварный

слышится смех:

«Я, дорогая,

справлюсь за

всех. Наши

законы — ва-

ша вина. Бу-

дешь не-

медля ты

каз-

не-

на».

Мышь умолкла. Алиса, с любопытством следившая за мышиным хвостом, тут же спросила:

— А что дальше?

— А дальше точка, — сердито ответила Мышь.

— Точка? А что точили? — немедленно заинтересова-
лась Алиса.

— Вы очень невнимательны и ничего не поняли, — сер-
дито сказала Мышь, вставая и явно намереваясь уйти. —
Ваши бессмысленные речи меня раздражают.

— Но я же не хотела! — жалобно сказала Алиса. — А вы так обидчивы!

Мышь проворчала что-то неразборчивое.

— Пожалуйста, вернитесь и расскажите, что было дальше! — вслед ей крикнула Алиса.

— Да-да, пожалуйста, — присоединился общий хор.

Но Мышь гневно покачала головой и ускорила шаг.

— Жаль, что она не осталась, — вздохнула Лори, когда Мышь исчезла вдали. А старая бабушка Крабушка тут же воспользовалась случаем и сказала своим внучатам Крабчатам:

— Вот, дорогие мои! Вот вам урок! Никогда нельзя выходить из себя.

— Помолчите вы, бабушка, — дерзко ответил один из Крабчат. — Вы бы устрицу и ту вывели из себя.

— Была бы тут Дина, я бы ей показала, — молвила Алиса, собственно ни к кому не обращаясь. — Она бы ее мигом назад доставила!

— Осмелюсь спросить, а кто такая Дина? — поинтересовалась Лори.

Алиса всегда была готова говорить о своей любимице и с жаром стала рассказывать:

— Это наша кошка. Мышей ловит — вы даже себе представить не можете! А поглядели бы вы на нее, как она охотится за птичками! Цап — и съела! Цап — и съела!

Эта речь заметно всполошила собравшихся. Некоторые из птиц внезапно куда-то заторопились. Старая Сорока нахохлилась, поправила шаль и сказала:

— Пора, пора домой! Ночной воздух для меня вреден.

А Канарейка дрожащим голоском стала торопить своих птенцов:

— Пойдемте, мои дорогие, пойдемте! Вам давно уже время спать!

Под разными предлогами все разбежались, и вскоре Алиса осталась одна!

— Не надо было мне говорить о Дине, — сказала она грустно. — Никому-то она здесь не нравится, хотя это самая лучшая кошка на свете. Милая моя Дина, увижу ль я тебя когда-нибудь?

Алиса совсем пала духом и снова расплакалась. Ей было так одиноко. Но тут опять раздался приближающийся топот маленьких ножек, и она приободрилась. У нее мелькнула надежда: «А вдруг это Мышь передумала и решила вернуться. И сейчас я узнаю, что было дальше».

Глава четвертая

КАК ЧУТЬ НЕ УБИЛИ БИЛЛИ

Это был Белый Кролик. Он медленно трусил обратно, озабоченно поглядывая по сторонам, словно в поисках чего-то потерянного. Было слышно, как он бормочет: «Ваше Высочество! Ваше Высочество! О, мои лапки! О, мой мех и мои усики! Меня казнят! Как пить дать, меня казнят! И где я их обронил?» Алиса сразу же поняла, что он ищет, и, естественно, сама принялась за поиски, но ни веера, ни белых лайковых перчаток нигде не было видно. Пока она плавала в море слез, все вокруг совершенно преобразилось. И зал исчез, и стеклянный стол исчез, и дверца тоже совершенно исчезла.

И все-таки Алиса продолжала поиски. Но тут Белый Кролик заметил ее и сердито крикнул:

— Мэри-Энн, а ты что здесь делаешь? Сию же минуту беги домой и принеси мне веер и пару перчаток! Да побыстрее!

Алиса настолько перепугалась, что, даже не пытаясь объяснить Кролику его ошибку, побежала туда, куда он указывал.

«Он принял меня за свою горничную. Вот бы он удивился, когда узнал бы, кто я на самом деле! Я бы и рада принести ему веер и перчатки, да только как мне их найти?» — думала она, подбегая к чистенькому домику, на дверях которого сияла латунная табличка с надписью «Б. КРОЛИК». Опасаясь, что вдруг ей встретится настоящая Мэри-Энн и выгонит ее, прежде чем найдутся веер и перчатки, она вошла без стука и заторопилась вверх по лестнице.

«Странное дело! Я у кролика на посылках, — думала она на бегу. — Так, глядишь, и Дина начнет мною помыкать!» И она попробовала вообразить, что тогда может получиться: «Мисс Алиса! Скорей наденьте шубку! Вам пора гулять!» — «Нянечка, одну секундочку! Тут Дина отлучилась и приказала постеречь мышку в норке!»

«Только вряд ли Дине разрешили бы у нас жить, если бы она начала мной так командовать», — закончила Алиса и вошла в чисто прибранную комнатку. У окна стоял стол, а на столе (как она и ожидала) лежали несколько пар белых лайковых перчаток и веер. Она взяла пару перчаток, взяла веер и уже собиралась уйти, как вдруг увидела на подзер-

кальнике флакончик. На нем не было ленточки с надписью «ВЫПЕЙ МЕНЯ», но тем не менее Алиса откупорила его и поднесла к губам.

«Каждый раз, как только я что-нибудь выпью или съем, происходят очень интересные вещи, — подумала она. — Посмотрим, что будет, если выпить этот флакон. Очень было бы кстати немного подрасти, а то мне уже надоело быть такой малюсенькой».

И она подросла, даже быстрее, чем ожидала. Флакончик еще наполовину не опустел, как Алиса ударилась головой о потолок и невольно присела, чтобы не сломать шею. Она поспешно вернула флакончик на место.

— Ой, хватит! — сказала она. — Только бы мне немедленно перестать расти! Я и так в дверь не пройду. Неужели я перестаралась!

Увы, она перестаралась. Она все росла и росла, ей пришлось стать на колени, потом торопливо устраиваться лежа на полу, упершись одним локтем в дверь, а другой закинув за голову. Но рост не прекращался, и тогда она использовала последнюю возможность, высунула руку в окно, ногу протиснула глубоко в камин, в самый дымоход, и оказалась бессильна что-либо предпринять, как бы дальше ни обернулось дело. «Что же теперь со мной будет?» — ужаснулась она.

К счастью, волшебная сила флакончика на этом исчерпалась, и рост прекратился. Но Алиса не радовалась, — и это неудивительно: лежать было очень неудобно, и не предвиделось никакой возможности выбраться из комнаты.

«Насколько все же приятнее было дома, — думала бедная Алиса. — Никто тебя не уменьшал, не увеличивал, ни кролики тобой не командовали, ни мыши. Не лезла бы я в эту нору, как было бы хорошо! Хотя... хотя вообще-то жизнь тут интересная! Только удивляюсь, как это могло случиться! Когда я читала сказки, я думала, что таких чудес на свете не бывает, а тут вдруг они происходят со мной! Обо мне надо бы книжку написать, честное слово! И я напишу, когда вырасту большая. Но ведь я уже выросла большая! Здесь, по крайней мере, мне расти уже некуда».

«Больше я не вырасту, — продолжала она, — а вот старше я стану или нет? Вдруг *никогда* не стану! С одной стороны, это великолепно — я никогда не сделаюсь старушкой, — но, с другой, мне все время придется учить уроки. Не хотелось бы!»

«Ах ты, глупая Алиса! — ответила она сама себе. — Как ты тут будешь учить уроки? Сама-то еле помещаешься, а для учебников уж вовсе места нет».

В этом духе она и рассуждала, то за одну сторону, то за другую, выходило вроде двусторонней беведы, — но тут снаружи послышался голос:

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! Сию же минуту подай мне перчатки!

На лестнице раздался топот ножек. Это явился Кролик. Он ищет ее. Поняв это, Алиса задрожала от страха так, что дом затрясся; она совсем забыла, что стала в тысячу раз больше Кролика и может вовсе его не бояться.

Тем временем Кролик подбежал к двери и попробовал ее открыть. Дверь открывалась внутрь, локоть Алисы крепко подпирал ее, так что у Кролика ничего не вышло. Тогда он сказал, и Алиса это расслышала:

— Обойду-ка я кругом и залезу в окно.

«А вот не залезешь!» — подумала Алиса, выждала, пока ей не послышалась возня Кролика под окном, а тогда быстро разжала кулак, высунутый в окно, и — хватать! — схватила воздух. Поймать она никого не поймала, но раздался писк, шум падения и звон битого стекла, из чего можно было заключить, что Кролик свалился, уж по крайней мере, на парник с огурцами.

А потом кто-то, — конечно, Кролик, — сердито закричал:

— Пэт! Пэт! Ты где?

И в ответ раздался голос, которого Алиса раньше не слыхала:

— Провалиться мне, ваша честь, я здесь яблочки копаю.

— Яблочки копаешь! — разозлился Кролик. — Иди сюда!

Помоги мне выбраться.

И снова зазвенело, зазвенело стекло.

— А теперь, Пэт, скажи, что это там в окне?

— Провалиться мне, ваша честь, это какая-то петрушка!

— Эх ты, гусь! Никакая это не петрушка, а чья-то пятерня! Только разве она такая бывает, со все окно величиной!

— Провалиться мне, ваша честь, я тоже хотел сказать «пятерня». Хоть и со все окно, а пятерня.

— Ну, все равно там ей делать нечего. Ступай и выстави ее оттуда!

Наступила долгая тишина. Кролик и Пэт шептались, шепот еле доносился до Алисы.

— Провалиться мне, ваша честь, она мне здорово не нравится.

— Трус! Делай, что приказано!

Тогда Алиса снова разжала кулак и — хватать! — схватила воздух. На этот раз писку было вдвое, а битого стекла вчетверо больше.

«Сколько там у них парников! — думала бедная Алиса. — Интересно, что они теперь будут делать? Сумели бы они вытащить меня через окно, как было бы хорошо! Здесь я больше оставаться не хочу, хватит с меня!»

Она ждала, снаружи долго было тихо, но вот донеслось тарактенье телеги и множество голосов зазвучало наперебой. Алиса разбирала только некоторые фразы:

— А где другая лестница? — Мне-то велели нести одну, другую взял Билли. — Билли, давай ее сюда, парень! — Приставь-ка их здесь в углу. — Нет, их надо прежде связать. Так и до половины не достанет. — Да брось ты! Достанет. — Ну-ка, Билли, хватай веревку! — А крыша выдержит? — Осторожней! Там черепица еле держится! — Ой! Она падает! Головы береги (шум, грохот)! — Чья это работа? — Я так думаю, что это Билли. — А кто полезет в трубу? — Нет, не я, а ты! — Нет, не я, а Билли. Эй, Билли! Хозяин сказал, что лезть в трубу тебе!

«Вот оно что! Значит, Билли велено пробраться сюда по дымоходу, — сообразила Алиса. — И все они валят на Билли. Ох, не хотелось бы мне быть на месте Билли. Тут тесновато, ничего не скажешь, но, по-моему, пиночек получится славный!»

Она вытащила, насколько возможно, ногу из камина и притаилась. Когда какое-то маленькое животное, не сообразить какое, зашуршало в трубе где-то поблизости, она пробормотала: «А вот и Билли!» — резко ударила ногой в пустоту и стала ждать, что же теперь будет.

Прежде всего до нее донесся общий хор:

— Билли! Смотрите, Билли!

Потом раздался голос Кролика:

— Эй, там, у кустов! Подхватывай его!

Потом на миг стало тихо, и вдруг затараторили все голоса:

— Голову, голову приподнимите! — Глоток бренди! — Он же захлебнется! — Ну, что, друг, как оно? — Что с тобой случилось? Рассказывай!

И вот донесся дрожащий пискливый голосок («Билли», — подумала Алиса):

— А я знаю?.. Хватит, спасибо, мне уже легче, а то так зашибло, что не поговоришь. Меня словно пружиной стукнуло, я чувствую — взлетаю, как ракета!

— Так оно, друг, и было! — перебили его голоса.

— Придется поджечь дом, — раздался голос Кролика.

— Только попробуйте! Я на вас выпущу Дину! — изо всех сил закричала Алиса.

Мгновенно воцарилась мертвая тишина. «Интересно, а что они все-таки сделают? — думала Алиса. — Хватит у них ума снять с дома крышу или нет?»

Спустя несколько минут снаружи послышалось какое-то движение и голос Кролика произнес:

— Для начала тачки хватит.

«Тачки чего?» — подумала Алиса. Но недоумевать пришлось недолго. Град мелких камешков загремел по подоконнику, а несколько из них угодило Алисе в лицо.

— Это надо прекратить, — пробормотала она и громко крикнула: — А ну, перестаньте! Не то хуже будет!

И снаружи тут же стало тихо-тихо.

К изумлению Алисы, упавшие на пол камешки превратились в крохотные пирожки. Ее озарила блестящая мысль: «Если съесть пирожок, то наверняка увеличишься или уменьшишься. Увеличить меня здесь невозможно, значит, вероятней всего, я от них уменьшусь!»

Она проглотила один пирожок и с радостью убедилась, что начинает быстро убывать в размерах. Уменьшившись настолько, чтобы пройти в дверь, Алиса выбежала из дома и увидела целую толпу ожидающих ее птиц и зверюшек. Бедный Билли оказался маленькой ящерицей, среди толпы две морские свинки поддерживали его под руки и поили чем-то из бутылки. Все так и ринулись к Алисе, но она со всех ног припустила в лес и вскоре оказалась под надежной защитой густой чащи.

— Что, во-первых, надо сделать, — сказала Алиса, пробираясь наугад между деревьями, — это надо вырасти такой, как я была. А во-вторых, надо отыскать дорогу в тот прекрасный сад. По-моему, это самый лучший план.

Что говорить, план был отличный, ясный, простой. Одно плохо: не было ни малейшего представления о том, как его осуществить. Алиса озабоченно высматривала дорогу среди деревьев, как вдруг над ней прозвучал отрывистый лай, и она поспешно вскинула голову.

Огромный щенок глядел на нее сверху вниз большими круглыми глазами и осторожно тянулся к ней лапой.

— Ах ты, мой бедненький! — умильно сказала Алиса и неумело попыталась поманить его свистом, в то же время дрожа при мысли, что, если он голоден, он ее с удовольствием съест, невзирая ни на какие ее заискивания.

Почти не соображая, что делает, Алиса сломала веточку и протянула щенку; щенок с радостным визгом подпрыгнул и со всех четырех ног кинулся на веточку, делая вид, что готов ее растерзать. Не на шутку испуганная, Алиса ук-

рылась за куст чертополоха. Но стоило ей показаться из-за куста, как щенок снова кинулся на веточку и впопыхах даже перекувырнулся. Это было очень похоже на игру с ломовой лошастью. Щенок в любой миг мог растоптать ее, и, спасаясь от его лап, Алиса снова укрылась за кустом. А щенок с хриплым лаем стал бросаться на веточку, пятась при каждом прыжке, и, наконец, оказавшись довольно далеко в стороне, уселся, тяжело дыша, высунув язык и закрыв глаза от удовольствия.

Лучшей возможности для побега ждать не приходилось. И Алиса бросилась бежать и бежала до тех пор, пока хватило дыхания и пока собачий лай не затих вдали.

— А все-таки он был очень миленький! — сказала Алиса, расположившись отдохнуть под лютиком и обмахиваясь одним из его листков. — Я бы с удовольствием научила его всяким штукам, будь я своего роста. Ой, я чуть не забыла, что мне нужно вырасти! Погодите, как же это устроить? Вероятней всего, я должна что-нибудь съесть или выпить, весь вопрос в том — что!

Именно в этом и был весь вопрос. Алиса оглянулась по сторонам, осмотрела все цветы и травинки, но не нашла ничего такого, что годилось бы для еды или питья даже в этой необыкновенной обстановке. Рядом рос большущий гриб, он был даже немного выше ее. Алиса обошла его кругом и почему-то подумала, что стоит посмотреть, нет ли чего-нибудь на грибе.

Она приподнялась на цыпочки, и глазам ее явилась толстая сизая гусеница Шелкопряд. Шелкопряд сидел на верхушке гриба, скрестив руки, и спокойно курил кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на что, в том числе и на Алису.

Глава пятая

ПО ПОДСКАЗКЕ ШЕЛКОПРЯДА

Некоторое время Шелкопряд и Алиса молча смотрели друг на друга. Наконец Шелкопряд неохотно вынул чубук изо рта и сонно спросил:

— Ты кто такая?

Мало обнадеживающее начало для беседы. Алиса ответила, пожалуй, даже робко:

— Я... я затрудняюсь сказать, сэр, кто я такая сейчас. Я

знаю, кем я была утром, когда встала с постели. Но, по-моему с тех пор меня несколько раз превращали в кого-то другого.

— И ты сама это заметила? — спросил Шелкопряд.

— Боюсь, сэр, что уже не я сама, — ответила Алиса. — Потому что, когда я заметила, что я не сама, по-моему, я уже была не я сама.

— Неясно, — сказал Шелкопряд.

— Боюсь, что яснее мне не сказать, — очень вежливо молвила Алиса. — Я не представляю даже, с чего начать. Столько раз в день менять размеры — поневоле растеряешься.

— Не согласен, — сказал Шелкопряд.

— Просто вам еще не случилось, — сказала Алиса. — Но когда вы в один прекрасный день превратитесь в куколку, — а этого-то вам не миновать, — а потом в бабочку, я думаю, вы немножко удивитесь, не правда ли?

— Нимало, — сказал Шелкопряд.

— Ну что же, с вами может быть иначе, — сказала Алиса. — А я удивилась бы.

— Ты удивилась бы! — презрительно сказал Шелкопряд. — А ты кто такая?

И это вернуло их к самому началу беседы.

Алису несколько разозлила эта манера Шелкопряда выражаться уж слишком кратко, она выпрямилась и заявила раздельно и веско:

— По-моему, это вам следовало бы сначала сказать, кто вы такой.

— Почему? — спросил Шелкопряд.

Этот вопрос был не менее затруднителен. Подходящего ответа Алиса придумать не могла. По-видимому, Шелкопряд просто был весьма не в духе. И она отвернулась и пошла прочь.

— Вернись! — окликнул ее Шелкопряд. — Мне надо кое-что тебе сказать.

Это прозвучало обнадеживающе, и Алиса вернулась.

— Храни спокойствие, — произнес Шелкопряд.

— Это все? — осведомилась Алиса, изо всех сил стараясь сдерживать злость.

— Нет, — сказал Шелкопряд.

Алиса подумала, что, коль уж нечего больше делать, можно и подождать — вдруг он скажет что-нибудь полезное. Некоторое время Шелкопряд пускал клубы дыма и молчал, но наконец он вытянул руку, снова вынул чубук изо рта и спросил:

— Итак, ты думаешь, что тебя превратили, не так ли?

— Боюсь, что так, сэр, — сказала Алиса. — Я не могу припомнить привычных вещей и вдобавок каждые десять минут меняю размеры.

— Чего именно ты не можешь припомнить? — спросил Шелкопряд.

— Ну, например, я пыталась прочесть наизусть стихи «Как этот юный...». Но они вышли совсем не те, — вконец расстроенная, ответила Алиса.

— Прочти наизусть «В ваши годы, отец...», — предложил Шелкопряд.

Алиса сложила руки перед собой и начала:

*«В ваши годы, отец, — обратился сынок
К совершенно седому отцу, —
Кверх ногами так часто стоят я б не смог.
Да и вряд ли вам это к лицу».*

*«В твои годы, сынок, — отвечает отец, —
Я лелеял макушку свою.
Но теперь опустело под ней наконец.
И я вдоволь на ней постою».*

*«В ваши годы, отец, вы чрезмерно жирны,
Ни за что не согнетесь в дугу.
Но для вас кувырнуться разок — хоть бы хны!
Что за резвость — понять не могу!»*

*«В твои годы, сынок, чтобы резвость сберечь,
Я втирал специальный бальзам.
Видишь баночки эти? О них вот и речь.
Хочешь, парочку штукек продам?»*

*«В ваши годы вздыхают: мол, сила-то — вся!
И особенно у челюстей.
Как же вы в одиночку убрали гуся,
Целиком, не оставив костей?»*

*«В твои годы сутяга я был хоть куда!
У жены научиться сумел.
И не будет такого со мной никогда.
Чтобы я ухватил да не съел!»*

*«В ваши годы, отец, вообще говоря,
Тяжелы кой-какие профессии.*

*Как же вы, водрузив себе на нос угря,
Удержали его в равновесии?»*

*«Трех ответов довольно с тебя, пустозвон.
Наказанье мне с этим сынком!
Хватит глупых вопросов, и выйди-ка вон!
А не выйдешь — спроважу пинком!»*

— Не то, — сказал Шелкопряд.

— Боюсь, что *не совсем* то, — робко сказала Алиса. — И здесь некоторые слова тоже превратились в другие.

— Да все неверно от начала до конца, — решительно заявил Шелкопряд, и на несколько минут воцарилось молчание.

Шелкопряд заговорил первым.

— Так какие же размеры ты предпочитаешь? — спросил он.

— Дело не в самих размерах, — торопливо ответила Алиса. — Мне, знаете ли, просто не нравится так часто их менять.

— Откуда мне знать? — сказал Шелкопряд. Алиса смолчала. В жизни ей так не перечили, и она чувствовала, что готова выйти из себя.

— А сейчас ты довольна? — спросил Шелкопряд.

— Мне бы очень хотелось стать чуточку побольше, сэр, если вы не возражаете, — сказала Алиса. — Три дюйма — это такой жалкий рост, такой жалкий рост!

— Прекрасный рост, — разозлился Шелкопряд, встал на дыбы, и оказалось, что он ровно в три дюйма ростом.

— Но я к нему не привыкла, — жалобно попыталась оправдаться Алиса, думая: «И что это они тут все такие обидчивые!»

— Постепенно привыкнешь, — сказал Шелкопряд, сунул в рот чубук, и его кальян опять засипел и забулькал.

На этот раз Алиса терпеливо ждала, пока Шелкопряд снова не соберется заговорить. Наконец он вынул чубук изо рта, зевнул разок-другой и потянулся.

— Один бок укорачивает, другой удлиняет, — произнес он, скатился с гриба и зашагал по траве.

«Бок чего?» — подумала Алиса.

— Гриба, — ответил Шелкопряд, словно она спросила вслух. И вслед за этим скрылся из виду.

Некоторое время Алиса задумчиво смотрела на гриб, пытаясь сообразить, где же у него бока. Гриб был совершенно круглый, и вопрос был, соответственно, трудный.

Наконец она обхватила шляпку гриба, насколько достало рук, и отломил по кусочку от краев.

«Который же какой?» — подумала она и надкусила правый кусок, чтобы проверить, как он действует. И тут же пребольно ударила подбородком о собственные туфли!

Эта резкая перемена очень ее испугала. Нельзя было терять ни секунды. Она быстро становилась исчезающе маленькой. Надо было немедленно приниматься за левый кусок, но это нелегко было сделать. Подбородок так прижало к туфлям, что рта было не раскрыть. Но наконец ей удалось откусить чуточку от левого куска.

.

— Ну, вот! Голову мне отпустило, — сказала Алиса и, начав эту фразу радостно, закончила ее перепуганно, ибо оказалось, что плеч ее нигде не видно и что, если взглянуть вниз, то из моря зеленых чешуек где-то далеко внизу торчит, как стебель, ужасной длины шея.

— Это что за зелень? — сказала Алиса. — И куда подевались мои плечи? И почему это я не могу увидеть вас, мои бедные руки?

Эти слова она говорила, размахивая руками, но далеко внизу еле дрогнули зеленые чешуйки и больше ничего не произошло.

Дотянуться руками до головы явно не было никакой возможности, и поэтому Алиса попыталась пригнуть голову к рукам. И тут, к ее величайшему удовольствию, оказалось, что шея может извиваться в любом направлении, как змея. Алисе уже удалось изящно изогнуть ее зигзагом и приблизить таким образом голову к зеленым чешуйкам, оказавшимся вершинами деревьев, которые только что головокругительно возвышались над маленькой девочкой, — как вдруг кто-то рядом зашипел, и она испуганно оглянулась. И прямо в лицо ударила ее крыльями большая голубка.

— Змея! — кричала Голубка.

— И вовсе я не змея! — вознегодовала Алиса. — Оставьте меня в покое.

— Нет, змея, змея! — повторила Голубка, но уже не так убежденно, и горестно добавила: — Я, кажется, все перепробовала, но никак мне от них не избавиться.

— Понять не могу, о чем ты говоришь! — сказала Алиса.

— Я среди корней пряталась, под берегом пряталась, в кустах пряталась, — продолжала Голубка, не обращая внимания на Алису. — Но эти змеи! Разве от них спрячешься?

Алиса ничего не понимала, но явно бесполезно было пытаться прервать Голубку.

— Мало мне хлопот с высиживанием, — жаловалась Голубка, — так я еще должна день и ночь быть настороже из-за змей. Я три недели глаз не смыкаю!

— Я вам сочувствую, — сказала Алиса, начиная понимать, о чем речь.

— Уж я выбрала самое высокое дерево, — продолжала Голубка, доходя почти до крика, — уж я думала, что наконец от них избавлюсь, — так они с неба валятся! Ух, эти змеи!

— Говорят тебе, я вовсе не змея! — сказала Алиса. — Я... я...

— Вот именно. Так кто же ты? — сказала Голубка. — Посмотрим, что ты придумаешь!

— Я... я маленькая девочка, — неуверенно сказала Алиса, припоминая все нынешние превращения.

— Интересное дело! — с глубочайшим презрением сказала Голубка. — Я видела множество маленьких девочек, но ни у одной не было такой шеи. Нет, нет, ты змея, отрицать бесполезно. Ты еще мне скажи, что ты никогда не пробовала яиц!

— Яйца я пробовала, — ответила Алиса (она была правдивым ребенком), — но, если хочешь знать, девочки едят яйца ничуть не меньше, чем змеи.

— Не верю, — сказала Голубка. — А если даже это так, то, значит, они просто разновидность змей. Вот и все.

Эта мысль была столь нова для Алисы, что она некоторое время молчала, и Голубка успела добавить:

— Ты ищешь яйца, — меня не обманешь! И какая мне разница, кто ты — девочка или змея?

— А для меня очень большая разница, — поспешно возразила Алиса. — И яиц я не ищу. А искала бы — так не твоих. Я сырых яиц не ем.

— Ну так и ступай отсюда! — сердито ответила Голубка, снова устраиваясь в гнезде.

Алиса, пригнув голову как можно ниже, с трудом пробивалась среди деревьев, потому что шея все время застревала в ветвях и то и дело приходилось высвобождать ее. Наконец она вспомнила про кусочки гриба и, с величайшей осторожностью надкусывая то один кусочек, то другой, соответственно то удлиняясь, то укорачиваясь, наконец, обрела свой обычный рост.

Она настолько успела отвыкнуть от подобных размеров, что сначала ей стало даже как-то не по себе. Но через не-

сколько минут она снова привыкла и заговорила сама с собой, как обычно.

— Что ж, мой план наполовину выполнен. Все эти превращения уж очень с толку сбивают. Никогда не знаешь, какой окажешься через минуту. Но вот рост мне возвращен, и теперь пора отправляться в тот прекрасный сад. Только как это сделать, хотелось бы знать?

С этими словами она вышла на поляну, посреди которой оказался домик в четыре фута высотой.

«Кто бы здесь ни жил, — подумала Алиса, — нельзя являться к ним при моем собственном росте. Они же с ума сойдут от страха».

Она снова принялась грызть правый кусочек гриба и не осмелилась подойти к дому до тех пор, пока рост ее не уменьшился до девяти дюймов.

Глава шестая

ПЕРЕЦ И ПОРОСЯ

Некоторое время она стояла, разглядывала дом и думала, как дальше поступить. Но тут из лесу внезапно выбежал лакей в ливрее (она решила, что он лакей, потому что он был в ливрее; но, судя по его лицу, его можно было бы назвать рыбешкой) и громко постучал в дверь. Дверь отворил другой лакей в ливрее, круглолицый и пучеглазый, как лягушка. Волосы у обоих лакеев, заметила Алиса, были завиты и напудрены. Алисе очень захотелось узнать, что все это значит, она тихонечко подошла поближе и прислушалась.

Лакей-Рыбешка начал с того, что извлек из-под мышки огромный конверт, величиной чуть ли не с него самого. Он вручил его Лакею-Лягушке и торжественно произнес:

— Ее Высочеству! Приглашение от Ее Величества на партию в крокет!

Лакей-Лягушка тем же торжественным тоном повторил, чуть изменив порядок слов:

— От Ее Величества! Приглашение Ее Высочеству на партию в крокет.

И они отвесили друг другу церемонный поклон, причем их кудри потешно перепутались.

Алиса не выдержала, прыснула и убежала в лес, чтобы они не услышали, как она смеется. Когда она снова выглянула из лесу, оказалось, что Лакей-Рыбешка уже ушел, а

Лакей-Лягушка сидит на земле у дверей, тупо таращась в небо.

Алиса на цыпочках подошла к дверям и постучалась.

— А стучать-то без толку, — сказал Лакей. — И по двум причинам. Во-первых, и я и вы — мы оба находимся по эту сторону дверей, а во-вторых, по ту сторону дверей такой шум, что вашего стука все равно никто не услышит.

Действительно, из дома доносился шум, и притом весьма необычный: кто-то вопил, чихал и снова вопил, а время от времени раздавался жуткий грохот, словно блюдо или котел разлетались на части.

— Тогда объясните, пожалуйста, как мне войти? — попросила Алиса.

— Имело бы смысл стучать, если бы двери разделяли нас. Если бы вы, скажем, как-то оказались внутри и изволили бы постучать, то я бы вас немедленно выпустил наружу. — Лакей говорил, явно не обращая никакого внимания ни на Алису, ни на ее слова и по-прежнему уставясь в небо. Это выглядело как-то особенно невежливо. «Впрочем, что поделаешь, — подумала она, — если у тебя глаза чуть ли не на макушке. Но отвечать на вопросы он все-таки обязан».

— Как мне войти? — громко повторила она.

— Я намерен сидеть здесь до завтра, — произнес Лакей.

И тут двери распахнулись, из дома вылетела большая тарелка, просвистела у Лакея перед носом, чуть не угодив ему в голову, и разлетелась на куски, ударившись о ближайшее дерево.

— Или даже до послезавтра, — продолжал Лакей тем же тоном, словно ничего не случилось.

— Как мне войти? — еще громче спросила Алиса.

— А следует ли вам входить? — сказал Лакей. — Вот о чем прежде всего надо было спросить, если хотите знать.

Несомненно, он был прав, но Алиса терпеть не могла, когда с ней так разговаривали. «Что за манера спорить у этих созданий! — проворчала она. — Это ужасно! С ума можно сойти!»

А Лакей, видимо, решив, что настал удобный случай, повторил свои слова с некоторыми изменениями.

— Я намерен сидеть здесь время от времени, дни за днями, — сказал он.

— А мне что прикажете делать? — спросила Алиса.

— Что хотите, то и делайте, — ответил Лакей и стал насвистывать какую-то песенку.

— С ним бесполезно разговаривать, — сказала Алиса, потеряв всякое терпение. — Он просто дурак, и все.

И она открыла двери и вошла.

Двери вели прямо в большую кухню. Кухня была полна дыма. Посреди на трехногой табуретке сидели Ее Высочество Герцогиня и нянчили младенца. У огня возилась кухарка, помешивая в огромном котле, который, по-видимому, до краев был полон супа.

«Да они же переперчили суп!» — едва успела подумать Алиса и тут же чихнула.

Переперчен был не только суп, но и воздух. И Герцогиня тоже время от времени чихала, а младенец вопил и чихал, чихал и вопил непрерывно. Не чихали только кухарка и большой кот, который сидел у очага и улыбался от уха до уха.

— Будьте добры, — робко начала Алиса, не будучи убеждена в том, что прилично первой начинать разговор, — не изволите ли вы мне сказать, почему ваш кот так улыбается?

— Это Чеширский Кот, вот почему, — ответили Ее Высочество. — У, поросся!

Последнее слово было произнесено с такой внезапной яростью, что Алиса чуть не подпрыгнула. Но, тут же поняв, что оно относится не к ней, а к младенцу, она набралась храбрости и заговорила снова.

— А я не знала, что Чеширские коты могут улыбаться.

— Могут, — сказала Герцогиня. — Все могут, в большинстве только этим и заняты.

— Я, по правде говоря, ни одного такого не видала, — вежливо сказала Алиса, очень довольная тем, что разговор завязался.

— А по правде говоря, немного ты и видала, — ответила Герцогиня.

Тон этого замечания Алисе не понравился, и она решила, что лучше бы поговорить о чем-нибудь другом. Пока она пыталась сообразить, о чем именно, кухарка сняла котел с огня и внезапно принялась швырять в Ее Высочество и младенца всем, что под руку попало. Первыми полетели кочерга и совок, за ними последовал град блюдец, блюд и тарелок.

Герцогиня не обращала на них внимания даже тогда, когда они попадали в цель. А младенец вопил уже давно. Так что нельзя было сказать, беспокоят его удары или нет.

— Но подумайте, что вы делаете! — закричала Алиса, подпрыгивая от крайнего ужаса. — Это же его драгоценный носик!

Широченная кастрюлина пронеслась мимо носа младенца, чуть не снеся его до основания.

— Ежели бы каждый начал думать, что делает, — прохрипели Ее Высочество, — все вокруг завертелось бы — только держись!

— А все вокруг и так вертится днем и ночью, — сказала Алиса, очень довольная возможностью блеснуть своими познаниями. — Земля делает полный оборот за двадцать четыре часа. Уж вам-то пора бы...

— Топора бы, топора! — сказали Ее Высочество. — И снять с нее голову!

Алиса с некоторой тревогой глянула на кухарку, поняла ли та намек. Но кухарка сосредоточенно перемешивала суп и, казалось, ничего не слышала. И Алиса, осмелев, продолжала:

— По-моему, за двадцать четыре. Или за двенадцать? Я...

— Ох, не надоедай! Терпеть не могу цифр, — сказала Герцогиня и снова принялась укачивать ребенка, напевая что-то вроде колыбельной и с силой встряхивая его при каждой рифме.

*Едва малютка твой чихнет,
Дай ему перцу — он уснет.
Он все соображает,
Нарочно раздражает!*

А кухарка и малютка подхватили припев:

Уа! Уа! Уа!

Приступив ко второму куплету, Герцогиня так яростно взялась подбрасывать младенца, а он в ответ так завопил, что Алиса едва расслышала слова:

*И я малюточку мою,
Едва чихнет, нещадно бью.
Он перец обожает,
Так пусть не возражает.*

И снова последовал припев:

Уа! Уа! Уа!

— На! Хочешь — понянчи! — И младенец полетел на

руки к Алисе. — Мне пора идти и готовиться. Я нынче играю в крокет с Королевой!

И Ее Высочество торопливо выбежали из кухни. Кухарка метнула вслед сковородку, но промахнулась.

Алиса с трудом удерживала младенца. Он был с виду какой-то странный, руки-ноги торчали у него во все стороны. «Как у морской звезды», — подумала Алиса. Бедняжка пыхтел, как паровая машина, съезживался и снова выгибался, так что некоторое время Алиса еле с ним справлялась.

Сообразив наконец, как его надо укачивать (а для этого его пришлось чуть ли не узлом завязать и крепко держать за правое ухо и левую пятку, чтобы он не развязался), она вынесла его на свежий воздух. «Если я не возьму его с собой, — думала она, — то не сегодня-завтра они его убьют! Оставить его здесь — разве это не убийство?» Последние слова она негромко произнесла вслух, и малыш в ответ хрюкнул (а чихать он уже к тому времени перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса. — Тебе не подобает так выражаться.

Младенец снова хрюкнул, и Алиса тревожно поглядела на него, пытаюсь понять, что происходит. Нос у него был, вне сомнения, слишком курнос и больше напоминал пяточок, чем нос. И глазки для младенца тоже были чересчур малы. И вообще вид у него был какой-то не такой. «Наверное, это он просто всхлипывает», — подумала Алиса и снова заглянула ему в глаза, есть там слезы или нет. Никаких слез не было.

— Если ты собираешься превратиться в поросенка, дорогой мой, — серьезно сказала Алиса, — нам с тобой не по пути. Имей в виду.

Бедняжка снова всхлипнул (или хрюкнул, сказать трудно), и некоторое время они продвигались молча.

Алиса уже было призадумалась над тем, что она будет делать дома с этим созданием, как вдруг оно хрюкнуло снова, да так сильно, что она взглянула на него не без испуга. На этот раз ошибки быть не могло: это было поросенка, ни более ни менее, — и Алиса поняла, что нести его дальше бессмысленно.

Она опустила его на землю и ощутила большое облегчение, видя, как оно преспокойно трусит в лес. «Подрасти он, — подумала она, — его бы считали пребезобразным ребенком. А поросенка из него, по-моему, выйдет вполне симпатичное». И она стала думать о других знакомых детях, из которых могли бы выйти отличные поросята, «если бы

точно знать, как их превратить», но внезапно вздрогнула, завидя Чеширского Кота, сидящего на суку неподалеку от нее.

Кот смотрел на Алису и улыбался. Вид у него был добродушный, но когти были очень уж длинные, а зубов — великое множество, так что с ним, вне всяких сомнений, следовало обращаться почтительно.

— Мурчик-Чеширчик, — с некоторой робостью начала Алиса, не будучи уверена, что Коту понравится это имя. Но Кот еще шире улыбнулся. «Значит, он пока доволен», — подумала Алиса и решила продолжать: — Будь так добр, скажи, пожалуйста, по какой дороге можно отсюда выбраться?

— Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, — ответил Кот.

— Все равно куда, — сказала Алиса.

— Все равно, по какой дороге идти, — сказал Кот.

— Лишь бы куда-нибудь попасть, — пояснила Алиса.

— Куда-нибудь-то ты наверняка попадешь, если будешь идти достаточно долго, — сказал Кот.

Отрицать это было невозможно, и Алиса решила поставить вопрос иначе.

— А кто тут поблизости живет?

— Там, — ответил Кот, вытянув правую лапу, — живет Шляпочник. А там, — и он вытянул левую лапу, — живет Заяц. Все равно к кому идти. Оба они со сдвигом.

— Но я к таким не хочу, — возразила Алиса.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Кот. — Мы все здесь со сдвигом. Я со сдвигом, ты со сдвигом.

— Почему ты решил, что я со сдвигом? — спросила Алиса.

— Так должно быть, — ответил Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

Алиса не сочла это достаточным доказательством, но продолжала:

— А откуда ты знаешь, что ты со сдвигом?

— Будем исходить из того, что собака нормальна, — начал Кот. — Ты с этим согласна?

— Пожалуй, да, — ответила Алиса.

— Ну так вот, — продолжал Кот. — Собака рычит, когда злится, и виляет хвостом, когда довольна. А я, видишь ли, рычу, когда доволен, и виляю хвостом, когда злюсь. Стало быть, я со сдвигом.

— А я называю это не рычаньем, а мурлыканьем, — возразила Алиса.

— Называй как хочешь, — ответил Кот. — Ты нынче будешь на крокете у Королевы?

— Я очень люблю играть в крокет, — сказала Алиса. — Но меня пока не приглашали.

— Там увидимся, — сказал Кот и вдруг исчез.

Алиса не так уж этому удивилась, она почти свыклась со здешним странным порядком вещей. Но пока она смотрела на то место, где Кот только что сидел, он внезапно там же и появился.

— Кстати, а что с малышом? — произнес он. — Чуть не забыл спросить.

— Он превратился в поросенка, — спокойно ответила Алиса, словно такие исчезновения и появления вполне естественны.

— Этого следовало ожидать, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, смутно надеясь, что он снова появится. Но он не появился, и тогда она зашагала туда, где, как ей было сказано, живет Заяц. «Шляпочников я и раньше видела, — думала она. — А Заяц, да еще и со сдвигом, это гораздо интереснее. И, может быть, он не совсем со сдвигом, потому что зайцы сходят с ума в марте, а сейчас май». И тут, вскинув взгляд, она снова увидела Кота, сидящего на суку.

— Как ты сказала? В поросенка или в карася? — спросил Кот.

— Я сказала «в поросенка», — ответила Алиса. — И я тебя очень прошу, не появляйся и не исчезай так внезапно. У меня от этого голова немножко кружится.

— Хорошо, — сказал Кот. И на этот раз он исчез постепенно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбкой, которая еще была видна некоторое время после того, как растворилось в воздухе все остальное.

«Ну и ну, — подумала Алиса. — Котов без улыбок я видывала часто, а вот улыбку без кота! В жизни не видела такой интересной штуки!»

Она отправилась дальше, но дом Зайца оказался совсем близко. Это явно был его дом, потому что трубы торчали, как заячьи уши, а крыша была крыта мехом. Дом был большой, так что пришлось надкусить левый кусочек гриба и увеличить свой рост до двух футов. И все же Алиса приближалась к нему не без робости. «А вдруг он все-таки совсем со сдвигом? Лучше бы я пошла к Шляпочнику», — думала она.

Глава седьмая

ЧАЕПИТИЕ СО СДВИГОМ

Под деревьями перед домом стоял стол. За столом сидели Заяц и Шляпочник и пили чай. Между ними сидела сонная-сонная Соня. Они разговаривали поверх ее головы, облокотившись на нее, как на подушку. «Как ей неудобно! — подумала Алиса. — Впрочем, раз она спит, ей, наверное, все равно».

Стол был очень большой, но вся троица сбилась у одного угла.

— Занято! Занято! — закричали они, завидя приближающуюся Алису.

— И вовсе не занято! — возмущенно возразила Алиса и села в кресло у конца стола.

— Не желаете ли вина? — гостеприимно осведомился Заяц.

Алиса глянула на стол, но на столе был только чай и больше ничего.

— Никакого вина не вижу, — ответила она.

— А никакого и нет, — сказал Заяц.

— Не очень-то вы вежливы: предлагаете то, чего нет на столе, — разозлилась Алиса.

— Не очень-то вы вежливы: уселись, а никто вас не звал, — ответил Заяц.

— А я не знала, что это ваш стол, — сказала Алиса. — Он на столько народу накрыт, а вас только трое.

— Ваши косы ножниц просят, — заявил Шляпочник. Он уже давно и с большим интересом разглядывал Алису, но это были его первые слова.

— Пора бы научиться не переходить на личности, — строго сказала Алиса. — Это очень невежливо.

Заслышав такие слова, Шляпочник широко открыл глаза, но сказал всего-навсего следующее:

— Что общего между скамейкой и торговым заведением?

«Ну, начинается забава, — подумала Алиса. — Они уже загадки загадывают. Это хорошо».

А вслух произнесла:

— Ой, подождите, я сейчас скажу.

— Уж не имеете ли вы в виду, что можете ответить на этот вопрос? — спросил Заяц.

— Именно так, — подтвердила Алиса.

— Тогда извольте сказать, что вы имеете в виду, — предложил Заяц.

— Я... я скажу, что я имею в виду, то есть я имела в виду, что скажу... Хотя это, собственно, одно и то же, — поспешно начала Алиса.

— Ни в коем случае! — перебил Шляпочник. — Или, по-вашему, безразлично, как сказать: «ем, что вижу» или «вижу, что ем»?

— Или безразлично, как сказать: «беру, что хочу» или «хочу, что беру»? — добавил Заяц.

— Или безразлично, как сказать: «дышу, когда сплю» или «сплю, когда дышу»? — добавила Соня, которая, должно быть, умела разговаривать во сне.

— Про тебя так это уж действительно безразлично, как сказать, — заявил Шляпочник.

Беседа на этом прервалась. Некоторое время все общество сидело молча. Алиса старалась вспомнить все, что знала о скамейках и торговых заведениях, но знала она немного.

Первым нарушил молчание Шляпочник.

— Какое сегодня число? — обратился он к Алисе. Он достал из кармана часы, недовольно поглядел на них, встряхнул и приложил к уху.

Алиса немного подумала и сказала:

— Четвертое.

— Ушли на два дня, — вздохнул Шляпочник. — Говорил я тебе: не годится сливочное масло для часов, — добавил он, сердито глянув на Зайца.

— Масло было — высший сорт, — смиренно сказал Заяц.

— Да, но с ним туда попали крошки, — проворчал Шляпочник. — Разве можно было лезть в часы хлебным ножом!

Заяц взял часы, мрачно поглядел на них, опустил их в чашку с чаем, вынул и снова поглядел. Но ничего лучшего придумать не мог и снова повторил:

— Масло было — высший сорт.

Алиса с любопытством посмотрела на часы через его плечо.

— Какие они смешные! Показывают день и не показывают час, — сказала она.

— А зачем это нужно? — пробормотал Шляпочник. — Разве ваши часы показывают, который год?

— Конечно, нет, — живо ответила Алиса. — Но это потому, что время идет, а год все один и тот же.

— Мой случай почище, — сказал Шляпочник.

Алиса очень смутилась. Она совершенно не поняла, как это и зачем надо мыть случай. Слова Шляпочника казались бессмысленными, но в то же время это были совершенно нормальные слова.

— Я не совсем поняла, — произнесла она как можно вежливее.

— Соня-то опять спит, — сказал Шляпочник и капнул ей на нос горячим чаем.

Соня замотала головой и проговорила, не открывая глаз:

— Конечно, конечно. Я хотела сказать то же самое.

— Ну-с, как, разгадали загадку? — обернулся Шляпочник к Алисе.

— Нет, — ответила Алиса. — Я не могу. А как она отгадывается?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал Шляпочник.

— Я тоже, — сказал Заяц.

Алиса вздохнула.

— Зачем же вы задаете безотгадные загадки? — сказала она. — Только время зря прошло.

— Не прошло, а прошел, — сказал Шляпочник. — Время — это он. Видно, вы с ним мало сталкивались, не то что я.

— Не представляю, что вы имеете в виду, — сказала Алиса.

— Само собой разумеется! — И Шляпочник надменно вздернул подбородок. — Я полагаю, вы даже не знаете, как надо обращаться к нему.

— Может, и не знаю, — осторожно ответила Алиса. — Но зато я почти всегда знаю, как его провести.

— Вот теперь понятно! — сказал Шляпочник. — Кому понравится, что его хотят провести! Он вас и сторонится. Дядя Время любит дружеское и честное обращение. И тогда он сделает с часами все, что захотите! Скажем, например, девять часов утра, должны начаться уроки, но вы только шепните: мол, дядя Время, пожалуйста, — и тут же стрелки завертятся! Раз-два, и уже половина второго, пора обедать.

(— Единственно, чего бы я хотел, — прошептал Заяц.)

— Это было бы замечательно, я согласна, — задумчиво сказала Алиса. — Но тогда... Видите ли, я не успела бы проголодаться до обеда.

— Точнее говоря, до первого блюда, — сказал Шляпочник. — Так оно, наверное, и будет, но вы могли бы придер-

живать часы на половине второго, сколько вам будет угодно.

— И вы можете с ним так договариваться? — спросила Алиса.

Шляпочник скорбно опустил голову.

— Мог раньше, — ответил он. — Мы поссорились в марте. Как раз перед тем, как он, — и Шляпочник указал на Зайца чайной ложкой, — сходит с ума. Червонная Королева давала большой концерт, и я пел:

*Чайник закипает,
Чашечка блестит!*

Вы, может быть, знаете эту песню?

— Я припоминаю что-то в этом духе, — сказала Алиса.

— Дальше там поется:

*Муха на варенье
В гости к нам летит.
Чайник закипает...*

Соня вздрогнула и стала подтягивать сквозь сон: «Чайник закипает, чайник закипает, чайник закипает». И это продолжалось до тех пор, пока ее не ущипнули.

— Так вот, едва я кончил первый куплет, — продолжал Шляпочник, — Королева вскочила да как взвост: «Вы что! Не понимаете? Он же не умеет петь! Он только время изводить мастер! Снять с него голову!»

— Какая дикость! — воскликнула Алиса.

— И с тех пор, — скорбно закончил Шляпочник, — я все зову его и зову: «Дядя Время! А дядя Время!» — а он вообще не хочет идти. Проходят дни за днями, а как было шесть часов вечера, так и есть.

Блестящая мысль озарила Алису.

— Не потому ли здесь полно неубранной посуды? — спросила она.

— Да, поэтому, — вздохнул Шляпочник. — Мы с тех пор все так и пьем и пьем чай, а дело никак не доходит до того, чтобы встать из-за стола и убрать посуду.

— Значит, вам приходится пересаживаться вокруг стола? — спросила Алиса.

— Совершенно верно, — кивнул Шляпочник. — Как только понадобится чистая посуда.

— А что бывает, когда вы возвращаетесь туда, откуда начали? — осмелилась спросить Алиса.

— Переменим-ка тему разговора, — зевнув, вмешался Заяц. — Мне это надоело. Я предлагаю, пусть наша гостья расскажет сказку.

— Боюсь, что не сумею, — сказала Алиса, весьма испуганная этим предложением.

— Тогда пусть Соня расскажет! — закричали Заяц и Шляпочник. — Соня! Проснись!

И они ущипнули ее за бока.

Соня медленно открыла глаза.

— А я, ребята, не спала, — сказала она хриплым слабым голосом. — Я каждое слово слышала.

— Расскажи нам сказку, — потребовал Заяц.

— Да, будьте добры, расскажите! — попросила Алиса.

— И поживей! — добавил Шляпочник. — А то заснешь на самом интересном месте.

— Давным-давно жили-были три сестрички, — торопливо начала Соня. — Их звали Чарлора, Аилса и Тилли. Они жили под ключом...

— Чем же они питались? — спросила Алиса, которую всегда глубоко интересовало все, что касается еды и питья.

— Они ели сироп, — сказала Соня, подумав минуты две.

— Но ведь этого же нельзя делать, — деликатно заметила Алиса. — Так и заболеть недолго.

— А они и болели, — сказала Соня. — Очень болели.

Алиса попыталась вообразить себе, на что мог быть похож столь необычный образ жизни, но это оказалось слишком затруднительно. Тогда она спросила:

— А почему они жили под ключом?

— Добавьте-ка себе чаю, — с величайшей серьезностью обратился к Алисе Заяц.

— Мне добавлять не к чему, — обиженно сказала Алиса. — Мне еще никто ничего не наливал.

— От ничего нельзя убавить, — сказал Шляпочник. — А добавлять к нему можно сколько угодно.

— А вас никто не спрашивает, — сказала Алиса.

— А кто теперь переходит на личности? — торжествующе спросил Шляпочник.

Тут Алиса уж вовсе не нашлась, что сказать. Пришлось налить себе чаю и намазать масла на хлеб. Покончив с этим, она обернулась к Соне и снова спросила:

— Почему они жили под ключом?

Соня подумала немного и сказала:

— Чтобы сироп к ним капал сверху. Это был сиропный ключ.

— Таких не бывает! — Алиса готова была разозлиться,

но Заяц и Шляпочник потребовали тишины, а Соня недовольно заявила:

— Не умеете себя вести, так и досказывайте сами.

— Нет, нет, продолжайте, пожалуйста, — покорилась Алиса. — Может быть такой ключ, может быть, я вас больше не перебую.

— И на том спасибо! — возмущенно сказала Соня. Но снизошла и продолжала: — И вот, значит, эти три сестрички, они, так сказать, ели или пили...

— И лепили? Что? — спросила Алиса, позабыв все свои обещания.

— Сироп, — на этот раз, не задумываясь, сказала Соня.

— Мне нужна чистая чашка, — вмешался Шляпочник. — Сдвинемся-ка на одно место.

С этими словами он пересел, за ним пересела Соня, Заяц за ней. Алиса же волей-неволей перебралась на место Зайца. От этого сдвига выгадал один Шляпочник. А вот Алисе стало только хуже, потому что Заяц как раз перевернул на свое блюдце молочник.

Алисе не хотелось снова обижать Соню, и она начала очень осторожно:

— Я не поняла. И лепили сироп или пили сироп?

— Из обычного ключа воду можно набирать с собой или пить сразу, как хотите, — сказал Шляпочник. — И, по-моему, сироп из сиропного ключа точно так же можно набирать или пить сразу. Э, глупая!

— И как они там жили? Там что, было какое-нибудь строение? — закончила Алиса, решив сделать вид, что не слышала последних слов Шляпочника.

— Конечно, строение, — ответила Соня. — Их же было трое.

Этот ответ настолько сбил Алису с толку, что некоторое время Соня могла продолжать беспрепятственно.

— И вот, значит, они ели или пили, — Соня зевнула и протерла глаза, ей очень хотелось спать, — и лепили всякие вещи, которые начинаются с «М».

— Почему с «М»? — спросила Алиса.

— А почему бы и нет? — сказал Заяц.

Алиса промолчала.

Соня закрыла глаза и задремала. Шляпочник ущипнул ее, она пискнула, проснулась и продолжала:

— Которые начинаются с «М». Эмблемы, эмали, эмиров, эмоции. Ведь вот сказать «эмоции» легко, а виданное ли дело их лепить?

— Вы меня спрашиваете? — застеснялась Алиса. — Я не думаю...

— Не думаете, так и молчите, — заявил Шляпочник.

Такой грубости Алиса не перенесла. Она возмутилась, встала и пошла прочь. Соня уснула тут же, а остальные двое не обратили никакого внимания на ее уход. Она все-таки оглянулась, смутно надеясь, что ее позовут, и увидела, как они пытаются засунуть Соню в чайник.

— Ни в коем случае сюда не вернусь! — говорила Алиса, пробираясь сквозь чашу. — Какая все это глупость, самая глупейшая из всех глупость! В жизни такой не встречала!

И тут она увидела дерево, в котором была дверь. «Ой, как интересно! — подумала она. — Но нынче все интересно. По-моему, стоит войти». И она открыла дверь и вошла.

И оказалась в том самом длинном зале возле стеклянного столика.

— Уж на этот раз я все сделаю так, как надо, — сказала Алиса. Она взяла золотой ключик, отперла дверцу в сад, только после этого принялась за кусочки гриба, которые сберегла в кармашках, уменьшилась, прошла через коридорчик, — и вот наконец оказалась в прекрасном саду среди ярких клумб и прохладных фонтанов.

Глава восьмая

ПАРТИЯ В КРОКЕТ

У входа в сад стоял развесистый куст, усеянный белыми розами. Вокруг куста хлопотали три садовника, лихорадочно перекрашивая розы в красный цвет. «Любопытное занятие», — подумала Алиса, подошла поближе, чтобы приглядеться, и услышала, как один из садовников говорит другому:

— Пятерка, поосторожней! Ты на меня краской брызжешь!

— Я не виноват, — сердито ответил Пятерка. — Меня Семерка под руку толкнул.

Семерка оглянулся.

— Давай, давай, Пятерка! Вали на других!

— А уж ты бы помолчал! — не успокаивался Пятерка. — Королева еще вчера сказала, что тебя пора казнить.

— За что? — спросил тот, кто заговорил первым.

— Уж не твое дело, Двойка! — сказал Семерка.

— Нет, его дело! — продолжал Пятерка. — Я скажу за

что. Тебе велели принести на кухню лук, а ты принес и стрелы.

Семерка бросил кисть и уж было начал:

— Знаешь что! Изо всех несправедливостей...

Как вдруг взгляд его упал на стоящую рядом Алису, и он осекся. Остальные тут же оглянулись, и все трое стали низко кланяться.

— Скажите мне, пожалуйста, — немножко стесняясь, спросила Алиса, — зачем вы перекрашиваете эти розы?

Пятерка и Семерка молча взглянули на Двойку, а Двойка, понизив голос, заговорил:

— Видите ли, мисс, здесь велено было посадить красные розы, а мы по ошибке посадили белые. И ежели Королева это обнаружит, с нас со всех, так сказать, снимут головы. Вот мы и стараемся, мисс, чтобы к ее приходу...

И в этот миг Пятерка, беспокойно следивший за всем, что происходит в саду, закричал:

— Королева! Королева!

И все три садовника мгновенно распластались ниц на земле. Донесся шум множества шагов, и Алиса обернулась, горя желанием увидеть Королеву.

Впереди шли попарно десять солдат с булавами. Они были такие же, как садовники, — плоские, прямоугольные, руки-ноги по углам. За ними точно так же попарно шли десять придворных, разукрашенных бриллиантами.

Следом появились маленькие принцы и принцессы. Их тоже было десять, малыши шли весело, вприпрыжку, но попарно и держались за руки. Их одежда была украшена изображениями алого сердца — знака червонной масти. Следом шли гости, большей частью Короли и Дамы, и среди них Алиса заприметила Белого Кролика. Кролик что-то торопливо и нервно говорил, в ответ на все смеялся и прошел мимо, не заметив Алисы. За ними шел Червонный Валет, неся корону на алой бархатной подушке. И только потом торжественно шествовали **ЧЕРВОННЫЙ КОРОЛЬ** и **ЧЕРВОННАЯ КОРОЛЕВА**.

Алиса с некоторыми сомнениями подумывала, уж не пасть ли ей ниц, как три садовника, но не могла вспомнить, слышала она или нет, что есть такой закон. «И, в конце концов, что толку от шествия, — подумала она, — если все падут ниц и никто ничего не увидит?» И она осталась стоять, где стояла, и ждала.

Когда конец процессии поравнялся с Алисой, все остановились и воззрились на нее, а Королева резко спросила:

— Это кто?

Она обращалась к Червонному Валету, но тот в ответ лишь улыбнулся и раскланялся.

— Ду-урак! — раздраженно потрянула головой Королева и, обратясь к Алисе, спросила:

— Как тебя зовут, дитя?

— С разрешения Вашего Величества, меня зовут Алиса, — очень вежливо ответила та, а про себя добавила: «Это же всего-навсего колода карт! И нечего мне их бояться».

— А эти кто? — спросила Королева, показывая пальцем на трех садовников, лежащих под кустом. Они лежали лицом вниз, а рубашки у них были такие же, как и у всех остальных карт в колоде, и нельзя было понять, то ли садовники, то ли солдаты, то ли придворные, то ли, наконец, ее собственные дети.

— Откуда я знаю? — ответила Алиса, изумленная собственной смелостью. — Это не мое дело.

Королева побагровела от ярости, глаза у нее засверкали, как у дикого зверя, она завопила:

— Снять с нее голову! Снять! Снять!

— Вздор! — решительно и громко сказала Алиса, и Королева умолкла. А Король взял ее под руку и робко проговорил:

— Моя дорогая, подумайте! Она же дитя!

Королева гневно отвернулась от него и приказала Валету:

— Переверни!

И Валет осторожно, кончиком башмака, перевернул садовников.

— Встать! — пронзительно крикнула Королева.

Все трое вскочили и начали кланяться и Королю, и Королеве, и принцам, и принцессам, и всем подряд.

— Прекратить! — завопила Королева. — В глазах рябит от ваших поклонов!

Она повернулась к розовому кусту.

— Вы что здесь делали?

— С вашего позволения, Ваше Величество, — униженно начал Двойка, став на одно колено, — мы пытались...

— Вижу! — сказала Королева, осматривая тем временем розы. — Снять с них головы! Со всех!

И шествие двинулось дальше, только трое солдат остались, чтобы казнить злополучных садовников. Те бросились к Алисе, умоляя защитить их.

— Не казнят вас, не казнят! — сказала Алиса и спрятала их в большой цветочный горшок, стоявший поблизости.

Солдаты потоптались немного, поискали их, не нашли и преспокойно отправились вслед за всеми.

— Ну, как их головы? — крикнула Королева.

— Пропали их головы, Ваше Величество! — гаркнули солдаты.

— Прекрасно! — крикнула Королева. — В крокет сыграем?

Солдаты молчали и смотрели на Алису, так что вопрос, очевидно, предназначался ей.

— Да! — крикнула Алиса.

— Так пошли! — проревела Королева, и Алиса присоединилась к процессии, теряясь в догадках, что же будет дальше.

— Нынче прелестная погодка! — прозвучал рядом с ней чей-то робкий голосок. Оказалось, что сбоку от нее Белый Кролик, который искательно заглядывает ей в глаза.

— Да, — согласилась Алиса. — А где Ее Высочество?

— Тише! Тише! — торопливо и тихо проговорил Кролик. Он тревожно оглянулся через плечо, встал на цыпочки и прошептал Алисе на ухо: — Она приговорена к казни.

— А вы не знаете за что? — спросила Алиса.

— Вы сказали «увы»? — спросил Кролик.

— Я не говорила «увы», — сказала Алиса. — Я спросила «а вы не знаете за что».

— Она попала в козыри и побила Королеву, — начал Кролик.

Алиса чуть не взвизгнула от смеха.

— Тиш-ше! — перепуганно зашептал Кролик. — Королева услышит. Ее Высочество сильно задержались, и Королева сказала...

— По местам! — прогремела Королева, и все бросились куда попало, сбивая друг друга с ног. Но минуты через две все устроилось и началась игра.

«В жизни не видала такого удивительного крокета», — подумала Алиса. Площадка вся была в рытвинах и кочках, шарами служили живые ежи, молотками живые фламинго, а солдаты, согнувшись и упершись руками в землю, изображали воротца.

Прежде всего оказалось, что с фламинго не так-то просто управиться. Алисе удалось довольно удобно зажать его туловище под мышкой, ногами вниз. Но когда она, аккуратно выпрямив шею птицы, размахнулась, чтобы ее головой нанести удар по ежу, фламинго уклонился и поглядел ей в глаза с таким удивленным выражением, что лопнешь со смеху. Когда же она снова пригнула его голову, готовясь

к удару, то чуть не заплакала от досады: оказалось, что еж откатился, развернулся и вот-вот убежит. И в довершение всего куда шар-ежа ни направляй, там то рытвина, то кочка, а солдаты-воротца перебегают с места на место чуть ли не на другой конец площадки. Играть было очень трудно, и Алиса это очень быстро поняла.

Игроки не соблюдали очереди, ссорились и дрались из-за ежей. Королева тут же пришла в неистовство, стала топтать ногами, и каждую минуту раздавался ее крик: «Снять с него голову! Снять с нее голову!»

Алисе все это перестало нравиться. Она еще не вступала в пререкания с Королевой, но это могло случиться каждую минуту. «И что тогда будет со мной? — думала она. — Здесь так любят рубить головы. Совершенно непонятно, как тут вообще до сих пор кто-то остался в живых!»

Раздумывая над тем, как бы незаметно удалиться, и высматривая путь к отступлению, Алиса внезапно заметила какое-то интересное явление в воздухе. Сначала было вовсе не понять, что это такое, но вскоре стало ясно, что это улыбка. «Мурчик-Чеширчик! — подумала Алиса. — Теперь хоть будет с кем поговорить».

— Как дела? — спросил Кот, едва только рот его явился достаточно для того, чтобы разговаривать.

Алиса подождала, пока появятся глаза, и кивнула Коту. «Пока хоть одно ухо не появится, — подумала она, — отвечать бесполезно». Но вот появилась вся целиком голова, и Алиса, отпустив фламинго, начала полное описание игры, радуясь, что у нее появился слушатель. Кот, видимо, решил, что виден достаточно, и всего остального не явил.

— По-моему, это не игра, а жульничество, — жаловалась Алиса. — Они все так ужасно и громко ссорятся, что сами себя не слышат, и правил, по-моему, тоже никаких нет. А если и есть, то никто с ними не считается. Ты представить себе не можешь, как неудобно играть, когда все живое. Я хочу бить, а воротца уходят на тот конец. Я бы попала по ежу Королевы, а он увидел моего и убежал.

— Тебе нравится Королева? — вполголоса спросил Кот.

— Ни капельки не нравится! Она до того... — начала Алиса, но вовремя заметила, что Королева подкралась сзади и подслушивает, и закончила: — Она до того близка к победе, что вряд ли стоит дальше играть.

Королева улыбнулась и отошла.

— С кем это вы разговариваете? — спросил Король, подойдя к Алисе и с любопытством разглядывая кошачью голову.

— Это мой знакомый, — ответила Алиса. — Разрешите представить — Чеширский Кот.

— Не нравится мне его вид, — сказал Король. — Но, ежели угодно, он может поцеловать мне руку.

— Не угодно, — произнес Кот.

— Не будь грубияном и не смотри на меня так! — сказал Король и спрятался за Алису.

— Кошкам дозволяется смотреть на королей, — возразила Алиса. — Я об этом читала, только не помню где.

— Надо его убрать, — решительно заявил Король и обратился к проходившей мимо Королеве: — Моя дорогая! Хотелось бы убрать этого кота.

У Королевы был один способ для разрешения всех трудностей, и больших и малых.

— Снять с него голову! — распорядилась она, даже не оглянувшись.

— Я сам приведу палача! — ретиво вызвался Король и заспешил прочь.

Алиса решила, что пора бы ей посмотреть, как идет игра, тем более что издали раздавался дрожащий от ярости голос Королевы, только что приговорившей к смерти трех игроков за пропуск очереди. Не по душе все это было Алисе, ведь игра так запуталась, что не понять было, то ли наступил ее черед, то ли не наступил. Она стала искать своего ежа. Оказалось, что он дерется с другим ежом. Прекрасная возможность стукнуть одним по другому, да только ее фламинго удалился на другой конец сада и там беспомощно пытался вспорхнуть на дерево.

Пока она ловила фламинго и несла его обратно, драка кончилась, ежи разбежались. «Невелика важность! — подумала Алиса. — Все равно все воротца отсюда ушли».

Она снова зажала фламинго под мышкой, чтобы он не мог улизнуть, и вернулась поговорить со своим другом.

А там, вокруг Чеширского Кота, к ее удивлению, собралась большая толпа. Между Королевой, Королем и палачом разгорелся спор, они говорили все разом, а остальные молча стояли вокруг, и было видно, что им очень не по себе.

Стоило Алисе появиться, как все трое обратились к ней, требуя разрешить вопрос. Они повторяли каждый свое, но так как говорили они все вместе, то понять, о чем речь, было очень трудно.

Палач говорил, что, если туловища нет, то голову отрубить невозможно, что до сих пор ничего подобного ему делать не приходилось и не в его годы переучиваться.

Король говорил, что всякий, у кого есть голова, может быть обезглавлен и хватит городить вздор.

Королева говорила, что, если в два счета дело не будет сделано, она прикажет казнить всех и каждого (именно это и привело все общество в мрачное и тревожное настроение).

Алиса подумала-подумала, ничего лучшего не придумала и сказала:

— Это кот Ее Высочества. У нее и спросите.

— Она в тюрьме, — сказала Королева палачу. — Доставь-ка ее сюда.

И палач стрелой унесся прочь.

В тот же миг голова Кота начала бледнеть и расплываться. К тому времени, когда палач вернулся с Герцогиней, голова совершенно исчезла. Король и палач заметались в поисках ее, а все остальное общество вернулось к прерванной игре.

Глава девятая

ИСТОРИЯ ЧЕРЕПАХИ- ТЕЛЯЧЬИ-НОЖКИ

— А, моя старая знакомая! Вы представить себе не можете, как я рада вас видеть, — воскликнули Ее Высочество, с чувством беря Алису под руку и увлекая прочь.

Алисе было очень приятно видеть Герцогиню в хорошем настроении, и она подумала, что это, наверное, перец довел ее до неистовства там, на кухне, когда они повстречались в первый раз.

«Когда я стану Высочеством, — подумала она (впрочем, не слишком на это рассчитывая), — я не потерплю у себя на кухне никакого перцу. Суп и без него хорош».

«А может быть, это от перца люди становятся такими раздражительными, — продолжала она, с удовольствием открывая новый закон природы. — А от уксуса — кислыми, а от лука — злыми... а от сахара и конфет дети становятся такими, что все им говорят: «Ах вы мои сладкие!» Вот знали бы об этом взрослые, так не жадничали бы».

Совсем позабыв о Герцогине, Алиса даже вздрогнула, когда та заговорила у нее над ухом:

— Вы о чем-то задумались, дорогая моя. Из-за этого вы даже забываете отвечать. Не могу так сразу сказать вам,

какова же отсюда мораль, но я сейчас постараюсь припомнить.

— Разве отсюда есть мораль? — осмелилась усомниться Алиса.

— Полно, дитя! — сказали Ее Высочество. — Отовсюду есть мораль, надо только уметь ее извлекать. — И Герцогиня плотнее прижалась к Алисиному боку.

Алисе это не слишком понравилось. Во-первых, потому, что Герцогиня была крайне безобразна на вид. А во-вторых, потому, что она была как раз такого роста, чтобы иметь возможность упираться подбородком Алисе в плечо, а подбородок был острый и неудобный. Но, боясь показаться дурно воспитанной, Алиса решила терпеть до конца.

— А игра, кажется, лучше пошла, — сказала Алиса, чтобы поддержать разговор.

— Да, да, — сказала Герцогиня. — И мораль отсюда такова: «Любовь, любовь, ты вертишь всем!»

— А кто-то говорил, — прошептала Алиса, — что все завертелось бы только держись, если все начнут думать, что делают.

— А-а! Ну, конечно! Это то же самое, — ответила Герцогиня, втыкая подбородок в Алисино плечо. И добавила: — А мораль отсюда такова: «Думай, что делаешь, — сделаешь, что думаешь».

«До чего же она любит извлекать из всего мораль!» — подивилась Алиса.

— Вас, вероятно, удивляет, почему я не обнимаю вас за талию, — помолчав, заговорила Герцогиня. — Просто мне внушает сомнения характер вашего фламинго. Могу ли я попытаться произвести эксперимент?

— У него острый клюв, — предупредила Алиса, не горя особым желанием подвергаться таким экспериментам.

— Совершенно справедливо, — сказала Герцогиня. — Остер клюв у птицы и вкус у горчицы. И мораль отсюда такова: «Птички, в стайку собирайтесь!»

— Но горчица не птица, — возразила Алиса.

— Справедливо, как всегда, — согласилась Герцогиня. — Как вы четко выражаете свои мысли!

— По-моему, это ископаемое, — сказала Алиса.

— Ну конечно же, — кивнула Герцогиня, словно готова была согласиться со всем, что скажет Алиса. — Ее добывают в копиях неподалеку от этих мест. И мораль отсюда такова: «Копь не копье, мое не твое!»

— Ой, я вспомнила! — воскликнула Алиса, не слушая, что

ей говорят. — Это овощ. Не похожа на овощ, но все-таки овощ.

— Полностью с вами согласна, — сказала Герцогиня. — И мораль отсюда такова: «Будь, кем хочешь казаться». Или, проще говоря: «Никогда не считай себя не таким, каким тебя считают другие, и тогда другие не сочтут тебя не таким, каким ты хотел бы им казаться».

— Может быть, я бы лучше поняла, если бы вы это написали, — очень вежливо сказала Алиса. — А когда вы это говорите, я совершенно не успеваю следить за смыслом.

— Это все пустяки по сравнению с тем, что я могла бы вам сказать, если б захотела, — снисходительно ответила Герцогиня.

— Прошу вас, не утруждайте себя и не говорите длинней, чем говорили, — сказала Алиса.

— Ах, разве это труд? — улыбнулась Герцогиня. — Я дарю вам все, что до сих пор сказала.

«Недорогой подарок! — подумала Алиса. — Не дай бог, чтобы такие подарки дарили на день рождения». Но сказать это вслух не осмелилась.

— Снова думаем? — спросили Ее Высочество, втыкая острый подбородок в плечо Алисы.

— Я имею право думать, — резко сказала Алиса, которой все это стало слегка надоедать.

— А как свистеть, — сказала Герцогиня. — А мо...

И тут, к великому удивлению Алисы, голос у Герцогини пропал посередине ее любимого слова «мораль», а рука, которой она прижимала Алисину, задрожала. Алиса подняла взгляд — перед ними стояла Королева, скрестив руки на груди, гневная, как грозная туча.

— Нынче прелестная погодка, Ваше Величество, — начала Герцогиня слабым, дрожащим голосом.

— Я тебя предупреждаю в последний раз! — крикнула Королева, топая ногой. — Или ты прочь, или твоя голова прочь! В два — нет, в один счет! Выбирай!

Герцогиня сделала выбор и исчезла во мгновение ока.

— Продолжим-ка игру, — обратилась Королева к Алисе. Перепуганная Алиса слова не могла в ответ вымолвить и молча поплелась вслед за Королевой на крокетную площадку.

Прочие гости воспользовались отсутствием Королевы и отдыхали в холодке. Но, завидя ее, они тут же бросились на площадку, а Королева только упомянула, что малейшее промедление может стоить им жизни.

Пока шла игра, Королева без умолку ссорилась с игроками и кричала: «Снять с него голову! Снять с нее голову!» Приговоренных солдаты брали под стражу и уводили в сторонку, разумеется, переставая при этом изображать воротца на площадке. Так что через полчаса все воротца кончились, а все игроки, кроме Королевы, Короля и Алисы, оказались под стражей в ожидании казни.

Только тогда Королева перевела дух и спросила Алису:

— Ты еще не видела Черепаху-Телячьи-Ножки?

— Нет, — ответила Алиса. — Я даже не знаю, кто это такой.

— Из него делают черепаховый суп, — пояснила Королева.

— Никогда не видела, ничего не слышала, — сказала Алиса.

— Так пошли, — сказала Королева. — Он расскажет тебе свою историю.

Уходя вместе с Королевой с площадки, Алиса услышала, как Король вполголоса сказал всему обществу:

— Вы помилованы!

«Вот хорошо!» — подумала она. Ее ужасно огорчало, что столько народу собираются казнить.

Вскоре они увидели Грифона, который лежал на солнышке и спал. (Если вы не знаете, кто такой Грифон, посмотрите на картинку.)

— Проснись, лентяй! — сказала Королева. — Отведи эту юную леди к Черепахе-Телячьи-Ножки. Пусть она на него посмотрит и послушает его историю. А я должна вернуться. Я там казни назначила, так надо приглядеть.

С этими словами Королева ушла, оставив Алису с Грифоном. Алисе это существо на вид не понравилось, но, вообще говоря, остаться с ним было не более опасно, чем следовать за свирепой Королевой. И Алиса осталась.

Грифон сел, протер глаза, подождал, пока Королева скроется вдаль, и хихикнул: «Потеха!» — наполовину себе, наполовину Алисе.

— Что потеха? — спросила Алиса.

— Да она, — сказал Грифон. — Это все одно воображение. Никогда и никого здесь не казнят. Пошли!

«И все-то тут командуют. Пошли да пошли! — думала Алиса, следуя за ним. — В жизни мной столько не командовали!»

Шли они недолго, и вот вдаль показался Черепаху-Телячьи-Ножки, одиноко и печально сидящий на обломке скалы. Подойдя поближе, Алиса услышала, что он вздыхает

так, словно сердце его готово разорваться от горя. Ей стало жаль его.

— Почему он так вздыхает? — спросила она у Грифона. А Грифон ответил почти теми же словами, что и раньше:

— Это все одно воображение. Никаких у него печалей нету. Пошли!

И вот они приблизились к Черепахе-Телячьи-Ножки, а он молча смотрел на них глазами, полными слез.

— Этой юной леди, — сказал Грифон, — ей во как хочется послушать твою историю.

— Я ей все расскажу, — замогильным голосом сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Садитесь оба и не произносите ни слова, пока я не кончу.

И они сели, и на несколько минут воцарилось молчание. Алиса подумала: «Как же он кончит, когда он начать не может?» Но сидела и терпеливо ждала.

— Когда-то, — сказал наконец Черепаха-Телячьи-Ножки, — когда-то я был настоящей черепахой...

И горестно вздохнул. За этими словами последовало долгое молчание, прерванное нечаянным возгласом Грифона: «Гыччхи!» — и долгим тяжелым всхлипом Черепахи-Телячьи-Ножки. Алиса уже готова была встать и сказать: «Благодарю вас, сэр, за очень интересный рассказ», — но не могло же быть так, чтобы не наступило продолжения, и поэтому она молчала и сидела смирнехонько.

— Когда мы были маленькие, — наконец продолжил Черепаха-Телячьи-Ножки, успокоившись и всхлипывая время от времени, но гораздо слабее, — мы ходили в школу, в морскую школу. Учительницей была старая Черепаха, но мы обычно звали ее Жучихой.

— Почему же вы называли ее Жучихой, если она не была Жучихой? — спросила Алиса.

— Ведь она ж учила нас! — разозлился Черепаха-Телячьи-Ножки. — Как вы несообразительны!

— Постыдилась бы задавать такие простые вопросы! — добавил Грифон. Они оба умолкли и уставились на Алису, а она готова была сквозь землю провалиться. Наконец Грифон обратился к Черепахе-Телячьи-Ножки: — Давай, друг! Не топчись весь день на месте!

И Черепаха-Телячьи-Ножки продолжал:

— Да, мы ходили в морскую школу, хотя вы мне и не верите...

— Я этого не говорила, — вмешалась Алиса.

— Нет, говорили! — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Помолчи-ка! — добавил Грифон, прежде чем Алиса успела возразить.

А Черепаха-Телячьи-Ножки продолжал:

— Мы получили блестящее образование! Мы ходили в школу каждый день!

— Я тоже хожу в школу, — сказала Алиса. — И нужды нет этим гордиться.

— И у вас есть дополнительные предметы? — встревоженно спросил Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Да, — ответила Алиса. — Мы учим французский и музыку.

— А ежедневное купание в ванне? — спросил Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Конечно же, нет! — рассердилась Алиса.

— Ага, значит, ваша школа не так уж хороша, — успокоился Черепаха-Телячьи-Ножки. — А в объявлении о нашей школе в конце было написано: «Дополнительно: французский, музыка и ежедневное купание в ванне».

— А зачем оно вам было нужно? — спросила Алиса. — На дне-то морском.

— Я не мог себе позволить изучать его, — вздохнул Черепаха-Телячьи-Ножки. — Я кончал только основной курс.

— А что в него входило? — осведомилась Алиса.

— Само собой разумеется, Хроматика и Лавиратура, — ответил Черепаха-Телячьи-Ножки. — Потом четыре начала Арифметики: Солжение, Непочитание, Глупожение и Беление.

— Я никогда не слышала о Глупожении, — осмелилась сказать Алиса. — Что это такое?

Грифон от удивления встал на дыбы.

— Ты никогда не слышала, что значит «глупожать»? — воскликнул он. — А что такое «умножать», ты знаешь?

— Да, — неуверенно сказала Алиса.

— Ну, если ты не понимаешь, какая разница между словами «умножать» и «глупожать», то, значит, ты простофиля, и все! — заявил Грифон.

У Алисы не хватало духу спорить по этому поводу. И она обратилась к Черепахе-Телячьи-Ножки:

— А что еще вы проходили?

— Еще Мистерию, — ответил Черепаха-Телячьи-Ножки, пересчитывая предметы по когтям на передних лапах. — Мистерию древнюю и Мистерию новую. И Глубокологию. И еще Трясование. Учителем Трясования был один старый угорь. Он приходил раз в неделю и преподавал нам Трясование, Ляпку и Сжимопись.

— Хоть на что это похоже? — спросила Алиса.

— Сам-то я этого показать не смогу, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Я слишком толстый. А Грифон этого не проходил.

— Не до того было, — сказал Грифон. — Я изучал классические языки. У нас учителем был старый-престарый краб.

— Я к нему так и не попал, — вздохнул Черепаха-Телячьи-Ножки. — Ходили слухи, что он преподавал Болтынь и Кречетский.

— Преподавал, — вздохнул Грифон. — Говорят, он и Самскрип знал. — И оба они опустили морды на лапы.

— А сколько у вас было в день уроков? — торопливо переменяла тему Алиса.

— В первый день десять, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки, — на второй девять, на третий восемь и так далее.

— Какое смешное расписание! — воскликнула Алиса.

— Чем больше сразу учишься, тем меньше после мучишься, — заметил Грифон.

Эта мысль оказалась настолько новой для Алисы, что она немного подумала, прежде чем сказать:

— Значит, на одиннадцатый день у вас уроков не было?

— Само собой разумеется, — ответил Черепаха-Телячьи-Ножки.

— А что было на двенадцатый день? — сгорая от любопытства, спросила Алиса.

— Хватит про занятия, — решительно вмешался Грифон, — расскажи ей, как мы развлекались.

Глава десятая

КАДРИЛЬ «ОМАРОЧКА»

Черепаха-Телячьи-Ножки глубоко вздохнул и утер ластом глаза. Он смотрел на Алису, он пытался говорить, но некоторое время его голос прерывался от рыданий.

— Слово костью подавился, — сказал Грифон и принялся трясти его и колотить по спине. Наконец Черепаха-Телячьи-Ножки вновь обрел дар речи. По щекам его катились слезы, но он продолжал:

— Вам, вероятно, не приходилось подолгу жить под водой...

— Не приходилось, — сказала Алиса.

— ...и, вероятно, вы никогда не встречались ни с одним омаром...

Алиса начала было: «Я однажды пробовала...» Но вовремя спохватилась и сказала:

— Нет, никогда!

— ...так что вы даже представить себе не можете, какая восхитительная вещь кадриль «Омарочка».

— Разумеется, — сказала Алиса. — А что это за танец?

— Ну сначала вы строитесь вдоль берега в линию, — сказал Грифон.

— В две линии! — воскликнул Черепаха-Телячьи-Ножки. — Тюлени, черепахи и так далее. Потом, когда вы уберете с дороги медуз...

— А с ними возни не оберешься, — перебил Грифон.

— ...вы делаете два шага вперед!..

— ...со своей омарочкой! — воскликнул Грифон.

— Конечно же! — крикнул Черепаха-Телячьи-Ножки. — Делаете два шага вперед, потом один оборот!..

— Меняешь даму и точно так же возвращаешься! — подхватил Грифон.

— Потом, — продолжал Черепаха-Телячьи-Ножки, — вы, так сказать, забрасываете...

— Омарочек! — крикнул Грифон, подпрыгивая в воздух.

— Как можно дальше в море!..

— Плынешь за ними! — завизжал Грифон.

— Переворот в воде! — крикнул Черепаха-Телячьи-Ножки, неистово подскакивая на месте.

— Снова меняешь даму! — завопил Грифон.

— И возвращаетесь к берегу. Конец первой фигуры, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки внезапно дрогнувшим голосом. И оба создания, только что совершавшие дикие прыжки, тихо и печально уселись и уставились на Алису.

— Должно быть, очень милый танец, — робко сказала Алиса.

— Хотите взглянуть? — спросил Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Конечно, хочу, — сказала Алиса.

— Давай-ка попробуем первую фигуру, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки Грифону. — Если черепаховый суп можно варить без черепах, а с телячьими ножками, то почему кадриль «Омарочку» нельзя танцевать без омаров? Кто будет петь?

— Пой ты, — сказал Грифон. — Я забыл слова.

И они торжественно закружились вокруг Алисы, размахивая в такт передними лапами, то и дело сходясь и на-

ступая ей на ноги, а Черепаха-Телячьи-Ножки медленно и печально пел:

*«Дорогая, чуть быстрее! — говорит улитке сиг. —
Линь на пятки наступает, он мне хвост отдавит вмиг.
Черепахи и омары — все успели раньше нас,
Ждут на гальке, как вы нынче, уж не пуститесь ли в пляс.
Не пойдете ль, не хотите ль вы пуститься с нами в пляс?
Не пойдете ль, не хотите ль вы пуститься с нами в пляс?»*

*Вы не можете представить, как у вас захватит дух
В тот момент, как вас подбросят и вы прямо в море — бух!»
«Далеко, — улитка шепчет. — Лучше в следующий раз.
Ах, спасибо. Только нынче не пойду я с вами в пляс.
Не пойду я, не хочу я, не пойду я с вами в пляс.
Не пойду я, не хочу я, не пойду я с вами в пляс».*

*«Эка важность, что не близко, — отвечает ей дружок. —
У морей не только ближний — есть и дальний бережок.
И когда далек английский, то французский возле вас.
Не теряйтесь и пускайтесь и пускайтесь с нами в пляс.
Не пойдете ль, не хотите ль вы пуститься с нами в пляс?
Не пойдете ль, не хотите ль вы пуститься с нами в пляс?»*

— Благодарю вас, посмотреть на этот танец очень интересно, — сказала Алиса, радуясь, что он закончился. — И песня про сига тоже интересная и мне очень понравилась.

— А кстати о сигах, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Вы их, конечно, видели?

— Да, — сказала Алиса, — довольно часто вижу, ем и... — и запнулась.

— Не «вижу емы», а «вижу их», — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Но если вы их так часто видите, вы, конечно, знаете, как они выглядят.

— Я думаю, что да, — задумчиво ответила Алиса. — Они держат хвосты во рту и посыпаны сухариками.

— Про сухарики мы еще поговорим, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Но они действительно держат хвосты во рту. И по той причине, что...

Черелаха-Телячьи-Ножки зевнул и закрыл глаза.

— Расскажи ей сам, по какой причине, и все такое прочее, — сказал он Грифону.

— А причина та, — сказал Грифон, — что линь все-таки наступил ему на хвост. И от боли он зажал хвост во рту. И

теперь держит, чтобы никто больше на него не наступал. На хвост, значит. Вот и все.

— Благодарю вас, — сказала Алиса. — Это очень интересно.

— А про сухарики, так в море их смыло бы. Что на суше сушат, то в море морят. Что на суше сушеное, то в море мореное. На суше сушат сухари, а в море морят моржей. Они такие толстые, не очень-то ими обсыплешь, — сказал Грифон.

— А я и не подозревала об этом, — проговорила Алиса.

— Могу еще кой о чем рассказать, если хочешь, — предложил Грифон. — Ты, например, знаешь, почему линь оказался сзади?

— Я об этом не думала, — сказала Алиса. — Почему?

— Так и говорят: «Лини вы, потому и сзади». Любой рачишка это знает, — объяснил Грифон.

— Была бы я на месте сига, — Алиса все еще обдумывала песню, — я бы сказала линю: «Проходите вперед, пожалуйста. Не мешайте нам».

— Не мог он так сказать, — откликнулся Черепаха-Телячьи-Ножки. — Это был очень длинный сиг. А за любой очень длинной рыбой в море всегда плывет линь. И без него она никуда!

— Неужели? — удивилась Алиса.

— Конечно, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Именно потому таких рыб и называют «пред-линными». И когда такая рыба подплывает, например, ко мне, я сразу вижу линя следом за ней и говорю: «Здравствуй, пред-линная».

— Тут, по-моему, и без линя можно было бы разобраться. Вы так не думаете? — спросила Алиса.

— Что я думал, то я сказал, — обиделся Черепаха-Телячьи-Ножки.

А Грифон добавил:

— Давай-ка расскажи нам теперь про себя и свои приключения.

— Я вам расскажу про себя с сегодняшнего утра, — немножко стесняясь, начала Алиса. — А про «вчера» не стоит, потому что вчера я была совсем другая.

— Объясни подробней, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Нет, нет, — нетерпеливо перебил Грифон. — На объяснения уходит уйма времени. Сначала расскажи, что с тобой приключилось.

И Алиса начала рассказывать о том, что с ней произошло с той минуты, как она увидела Белого Кролика. Сначала она запиналась, особенно когда эти создания придвинулись поближе и уж слишком широко раскрыли пасти, а глаза у них засверкали. Но мало-помалу она осмелела. Слушатели хранили молчание до тех пор, пока она не дошла до места, как Шелкопряд слушал в ее исполнении стихи «В ваши годы, отец...» с совершенно не теми словами. И тогда Черепаха-Телячьи-Ножки протяжно вздохнул и произнес:

— Очень интересно.

— Интересней и не бывает, — сказал Грифон.

— Совершенно не те, — задумчиво повторил Черепаха-Телячьи-Ножки. — Я бы с удовольствием послушал, как она читает стихи. Какие угодно. Скажи ей, пусть она почитает, — обратился он к Грифону, словно тот мог приказывать Алисе.

— Встань и прочти «Слышу, как лентяй бормочет...», — сказал Грифон.

«Как они все тут любят распоряжаться и заставлять! — подумала Алиса. — Словно в школе». Однако встала и начала читать. Но мысли ее все еще были заняты омарами, она не отдавала себе отчета в том, что говорит. И получалось нечто действительно очень странное.

*Слышу, как Омар бормочет, вечно лежа на боку:
«Как бы я не перепекся! Эй! подсыпьте сахарку!»*

*Словно утка длинным носом, так и он, когда пришлось,
Пряжки-пуговицы почистил, развернул носочки врозь.*

*Мель подсохнет в час отлива — он и пляшет и поет,
Он и пляшет и поет и акул не признает.*

*Но когда прилив нагрянет и акулы тут как тут,
Почему-то все омары еле голос подают...*

— Совсем не похоже на то, что мне приходилось разучивать в детстве, — сказал Грифон.

— Я никогда прежде не слышал этих стихов, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Вздор невероятный!

Алиса молчала. Она сидела, закрыв лицо руками, и в отчаянии думала: «Неужели же никогда-никогда и ничто не станет таким, как обычно бывало!»

— Хотелось бы, чтобы кто-нибудь все это объяснил, — сказал Черепаха-Телячьи-Ножки.

— Она не сможет, — торопливо вмешался Грифон. —
Читай дальше.

— Но хотя бы про носочки, — настаивал Черепаха-Телячьи-Ножки. — Как он их мог развернуть, так сказать, носом?

— Он встал в первую позицию, — сказала Алиса. Повергнутая в совершеннейшую растерянность, она желала только одного: как можно скорее переменить тему беседы.

— Читай дальше, — повторил Грифон. — Вторую строфу. Она начинается: «Сад его зарос бурьяном...»

Алиса не осмелилась ослушаться, хотя заранее была уверена в том, что все выйдет не так, как надо, и начала дрожащим голосом:

*Сад его зарос бурьяном. Как он пышен и высок!
Там Сова с Пантерой делят запеканочки кусок.*

*И начиночка и корочка пойдут Пантере в пасть,
А Сова берет все блюдо, — все, заметьте, а не часть.*

*В память об удачном деле друг-Сова награждена,
Друг-Сова награждена, ложка ей присуждена.*

*Вилку-нож берет Пантера, мигом пир кончает свой
И, подумав, заедает запеканочку...*

— Что толку повторять все эти несуразности, — прервал ее Черепаха-Телячьи-Ножки, — если вы не можете их объяснить? Это сверх-сверх-сверхнелепей всех нелепостей, о которых я когда-либо слышал.

— Да. По-моему, лучше кончить, — сказал Грифон, и Алиса согласилась с великой радостью.

— Попробуем еще одну фигуру «Омарочки»? — предложил Грифон. — Или, может быть, тебе хочется, чтобы он спел что-нибудь?

— Пожалуйста, если он так добр, пусть споет, — Алиса проговорила это настолько поспешно, что Грифон обиделся и проворчал:

— О вкусах не спорят. Спой ей «Черепаховый суп», дружище.

Черепаха-Телячьи-Ножки глубоко вздохнул и, захлебываясь от рыданий, запел:

*Суп горячий и густой,
Весь от жира золотой!*

*Мы всегда готовы ун-
Уплетать подобный суп!
Чудный суп!
Чудный суп!
Су-у-ун на у-ужин,
Чудный суп!*

*Что в сравненье с ним уха
И фазаньи потроха!
За глоток такого яст-
Ва любой вам все отдаст!
Чудный суп!
Чудный суп!
Су-у-ун на у-ужин,
Чудный суп!*

— Еще раз припев, — воскликнул Грифон, и Черепаха-Телячьи-Ножки уже запел его снова, когда вдали раздался призыв:

— Все на суд!

— Пошли! — воскликнул Грифон, схватил Алису за руку и понесся куда-то, не дожидаясь конца песни.

— Какой суд? — на бегу еле выговорила Алиса, но Грифон ответил лишь:

— Пошли!

И понесся еще быстрее, а позади все слабее и слабее доносились на крыльях морского ветерка грустные слова:

*Су-у-ун на у-ужин,
Чудный суп!*

Глава одиннадцатая

КТО УКРАЛ ПИРОЖНЫЕ?

Когда они прибыли, Червонный Король и Червонная Королева сидели на тронах, а вокруг собралась огромная толпа: всевозможные птички, зверьки и вся колода карт. Лицом к тронам стоял Валет, закованный в цепи, под охраной двух солдат, одного справа и одного слева. По правую руку от Короля в почтительной позе вытянулся Белый Кролик. В одной руке у него была труба, а в другой — свиток пергамента. Посреди палаты красовался стол, а на нем — блюдо с пирожными. Пирожные выглядели так привлека-

тельно, что при одном взгляде на них слюнки текли. «Поскорее бы кончился суд и всех бы нас угостили», — подумала Алиса. Но надеяться на это не приходилось, и, чтобы не стоять без дела, она принялась осматривать все вокруг.

Алисе никогда еще не приходилось бывать в зале заседаний суда, но описания таких залов попадались ей в книжках, и она с удовольствием убедилась, что ей почти все известно, по крайней мере, по названиям.

«Судья должен быть в парике, — подумала она. — Значит, это он».

Кстати сказать, судьей был Король. Он был в пышном парике, поверх которого возвышалась корона (посмотрите на картинку, если хотите знать, как это выглядело). Такое сооружение на голове, вероятно, доставляло ему массу неудобств и, уж безусловно, было ему не к лицу.

«А вон там — скамья присяжных, — думала Алиса. — А те двенадцать созданий (ей, как видите, пришлось применить это слово, потому что там были и малюсенькие зверюшки, и птички) — это, насколько могу судить, члены коллегии присяжных заседателей». Эти последние слова она повторила про себя дважды или трижды и не без гордости. Ибо считала — и совершенно справедливо, — что очень немногие девочки ее возраста вообще способны понять их значение. Даже если их сократить до слова «присяжные».

Двенадцать членов коллегии присяжных заседателей что-то сосредоточенно писали на грифельных досках.

— Что они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона. — Ведь пока суд не начался, им нечего записывать.

— Они записывают, как их зовут, — прошептал в ответ Грифон. — Вдруг во время суда забудут!

— Вот глупые! — громко вознегодовала Алиса, но поспешно умолкла, потому что Король надел очки и стал высматривать, кто это сказал, а Белый Кролик воскликнул:

— Тишина в зале!

Алиса была далеко от присяжных, но увидела, что все они пишут на своих досках «вот глупые», так ясно, словно стояла у них за спиной. Больше того, — она сумела сообразить, что один из них не знает, как это пишется, вместе или отдельно, и спрашивает об этом у соседа.

«Хорошенькая пачкотня будет у них на досках к концу заседания!» — подумала она.

У одного из членов коллегии грифель отчаянно скрипел. Уж конечно, Алиса этого не вынесла, обошла зал, стала позади присяжного, улучила момент и выхватила у него

грифель. И так быстро, что бедный крошечный заседательчик (это был Ящерица Билли) так и не смог сообразить, куда эта штука девалась. После долгих и напрасных поисков ему пришлось до самого конца заседания писать на доске пальцем. Толку от этого было очень мало, так как следов на доске палец не оставлял.

— Глашатай, прочти обвинение! — сказал Король.

Белый Кролик трижды дунул в трубу, развернул свиток и прочел следующее:

*Королева Королю, да,
Напекла пирожных блюдо.
А Валет, а Валет
Подмигнул — и блюда нет!*

— Ваше решение? — обратился Король к присяжным.

— Стойте, стойте! — торопливо вмешался Кролик. — До этого еще очень далеко.

— Где первый свидетель? — спросил Король.

Белый Кролик троекратно дунул в трубу и провозгласил:

— Первый свидетель!

Первым свидетелем по делу оказался Шляпочник. Он вошел, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой — кусок хлеба с маслом.

— Ваше Величество, — начал он, — прошу прощения за то, что у меня руки заняты, но меня вызвали в самый разгар чаепития...

— Следовало бы сказать «в разлив», а не «в разгар», — прервал его Король. — А когда ты к нему приступил?

Шляпочник взглянул на Зайца, который явился в суд следом за ним, ведя под руку Соню.

— По моим подсчетам, это было четырнадцатого марта, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Заяц.

— Шестнадцатого, — вмешалась Соня.

— Это надо записать, — сказал Король присяжным, и те ретиво записали все три числа, сложили их и перевели сумму в шиллинги и пенсы. — Сними-ка свою шляпу! — велел Король Шляпочнику.

— Она не моя! — ответил Шляпочник.

— Краденая! — воскликнул Король, обращившись к присяжным, которые незамедлительно этот факт и увековечили.

— Нет, продажная, — пояснил Шляпочник. — Я их держу для продажи, а своей собственной у меня нет. Я шляпочник.

Тут уж и Королева надела очки. Под ее пристальным взглядом Шляпочник побледнел и затоптался на месте.

— Продолжай показания, — сказал Король, — и не вертись, а то казню, не сходя с места.

Вовсе не похоже было на то, что эти слова ободрили свидетеля. Он продолжал переминаясь с ноги на ногу, тревожно глядя на Королеву, и в замешательстве даже откусил кусок чашки вместо хлеба с маслом.

Тем временем у Алисы возникло очень странное ощущение, и ей пришлось как следует поразмыслить, прежде чем она сообразила, в чем дело. Оказалось, что она снова начала расти. Сначала она подумала, что надо бы встать и удалиться из зала суда. Но потом решила оставаться на месте, пока его будет хватать.

— Не давили бы вы на меня, — сказала Соня, сидевшая рядом с ней. — Я уже еле дышу.

— Ничего не поделаешь — расту, — смиренно ответила Алиса.

— *Здесь* вы не имеете права расти, — сказала Соня.

— Не говорите ерунды, — осмелела Алиса. — Вы тоже растете и прекрасно это знаете.

— Я расту, как принято. А расти так быстро, как вы, — это неприлично, — сказала Соня, сердито поднялась и перешла на другую сторону зала.

Когда она пересекала зал, Королева, не сводя удивленного взгляда со Шляпочника, сказала одному из судейских:

— Кто там пел на последнем концерте? Дай-ка мне список.

И злополучный Шляпочник так вздрогнул, что с него башмаки слетели.

— Продолжай показания, — сердито повторил Король. — А то вертись, не вертись — все равно казню.

— Ваше Величество, я человек маленький, — дрожащим голосом начал Шляпочник. — Я сел пить чай не больше чем неделю назад или около того. Хлеба с маслом было все меньше и меньше, и я уже не чаял, я... я...

— И ты не чаял хлеба, а хлебал чай, — резко сказал Король. — Я не тупица, я это понял. Ну, дальше.

— Я маленький, я слабый человек, — продолжал Шляпочник. — Я не чаял не только хлеба. Но Заяц сказал...

— Я не говорил, — поспешно вмешался Заяц.

— Нет, говорил, — настаивал Шляпочник.

— Я это отрицаю, — не успокаивался Заяц.

— Он это отрицает, — прервал Король. — Исключите из протокола.

— Ну, если не он, значит, Соня сказала.

Шляпочник тревожно оглянулся: вдруг Соня тоже будет отрицать. Но Соня ничего не отрицала — она спала.

— И я, — продолжал Шляпочник, — я приготовил еще хлеба с маслом.

— Но что же сказала Соня? — спросил кто-то из присяжных.

— Не припоминаю, — сказал Шляпочник.

— Немедленно припомни, а не то казню, — заявил Король.

Злополучный Шляпочник уронил хлеб с маслом, уронил чашку, опустился на одно колено и начал:

— Я слабый, я несчастный человек, Ваше Величество...

— Не несчастный, а никудышный. И не человек, а оратор, — сказал Король.

Захлопавшая при этих словах морская свинка была немедленно подавлена судейскими властями («подавлена» — слово трудное, и я сейчас вам объясню, что они сделали: у них был большой холщовый мешок с завязками, они засунули туда морскую свинку вниз головой и уселись сверху).

«Наконец-то я увидела, как это делается, — думала Алиса. — А то читаешь в газетах про суды, и в конце так часто пишут: «Имевшие место неоднократные попытки аплодировать были немедленно подавлены должностными лицами». И что это значит, до сих пор было совершенно непонятно».

— Когда говоришь, надо опускать все лишнее, — сказал Король.

— Со мной нет ничего лишнего. Мне нечего опускать, — ответил Шляпочник и потупился.

— Ну вот, говоришь, что нечего опускать, а сам глаза опустил, — сказал Король.

Тут захлопала другая морская свинка и тоже была подавлена. «Кажется с морскими свинками покончено. Теперь дело пойдет!» — подумала Алиса.

— Можно мне пойти допить чай? — проговорил Шляпочник, с тревогой взглянув на Королеву, читающую список певцов.

— Ступай, — сказал Король.

И Шляпочник ринулся к двери, даже не надев башмаков.

— Снять с него голову! — крикнула вдогонку Королева, но никто и шевельнуться не успел, как он уже скрылся из виду.

— Следующий свидетель, — сказал Король.

Следующим свидетелем оказалась кухарка Ее Высочества. Она принесла с собой перечницу, и, соответственно, Алиса догадалась, кого увидит, как только у дверей все зачихали.

— Давай показания, — сказал Король.

— Не-а, — сказала кухарка.

Король растерянно посмотрел на Белого Кролика. Тот прошептал:

— Ваше Величество, придется подвергнуть эту свидетельницу перекрестному допросу.

— Ну что ж, придется так придется, — вздохнул Король, скрестил руки на груди и внушительно спросил: — Как готовят пирожные?

— Берут перец, — сказала кухарка.

— И сироп, — слышался за ее спиной чей-то сонный голос,

— За шиворот Соню! — завопила Королева. — Снять с нее голову! Вышвырнуть вон! Зажать! Подавить! Выщипать усы!

Поднялась суматоха, Соню изгнали, а когда все утихло, выяснилось, что кухарка исчезла.

— Не имеет значения! — сказал Король, сугубо довольный этим обстоятельством. — Следующий! — И вполголоса обратился к Королеве: — Право, моя дорогая, следующего свидетеля допросите сами. У меня уже голова трещит.

Алиса с большим любопытством следила за тем, как Кролик неловко расправляет список, и думала: «Кто же следующий? Пока не очень-то много они собрали улик». Представьте себе ее удивление, когда Белый Кролик пронзительно тонким голосочком возвестил:

— Алиса!

Глава двенадцатая

АЛИСИНЫ УЛИКИ

— Здесь! — крикнула Алиса и стремительно вскочила. Ошеломленная, она совсем позабыла, насколько выросла за последние минуты. Одного прикосновения краешка ее платья оказалось достаточно, чтобы скамья присяжных перевернулась, а все заседатели рухнули на головы публики и забарахтались, совсем как золотые рыбки из аквариума, который она нечаянно опрокинула неделю назад.

— Ой, простите! — воскликнула она огорченно, торо-

пясь как можно быстрее поднять присяжных. Случай с золотыми рыбками не выходил у нее из головы, и ей почему-то представлялось, что заседателей надо немедленно посадить на место, а не то они могут умереть.

— Процесс не может продолжаться, — веско сказал Король, — пока все присяжные не займут подходящего им положения. *Подобающего*, — подчеркнул он, сурово глядя на Алису.

Алиса взглянула на скамью и увидела, что второпях ткнула Ящерицу Билли вниз головой и бедняжка, не в силах перевернуться, беспомощно вертит хвостом.

Она поспешно схватила его и посадила как следует. «И вовсе не так уж это важно, — подумала она. — По-моему, что так от него мало толку, что эдак».

Как только коллегия немного пришла в себя после падения, а грифели и доски были найдены и снова вручены по принадлежности, все присяжные усердно принялись за работу и записали происшедшее. Все, за исключением Ящерицы Билли, — тот, видимо, так был потрясен случившимся, что сидел, раскрыв рот и уставясь в потолок.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Король Алису.

— Ничего, — сказала Алиса.

— Решительно ничего или просто ничего? — настаивал Король.

— Решительно ничего, — сказала Алиса.

— Существенная подробность, — повернулся Король к присяжным. Не успели те записать королевские слова, как вмешался Белый Кролик:

— Ваше Величество, вы, конечно, хотели сказать «несущественная». — Он говорил почтительнейшим тоном, а сам двигал бровями и строил Королю гримасы.

— Конечно, я хотел сказать «несущественная», — торопливо поправился Король и забормотал себе под нос: — Существенная — несущественная, существенная — несущественная, — как будто проверяя, какое из этих слов лучше звучит.

И, само собой разумеется, некоторые присяжные записали «существенная», а некоторые «несущественная». Алиса стояла так близко от них, что сумела это разглядеть. «Впрочем, эка важность!» — подумала она.

Тем временем Король что-то старательно записал в свою книжку, потребовал тишины и прочитал:

— «Закон номер сорок два. Всем лицам, рост которых превышает милю, покинуть зал суда».

Все поглядели на Алису.

— Мой рост не превышает милю, — сказала Алиса.

— Превышает, — добавил Король.

— И близок к двум, — добавила Королева.

— А я все равно не уйду, — сказала Алиса. — Это не настоящий закон, вы его только что придумали.

— Это самый старый закон в книге, — сказал Король.

— Тогда это был бы закон номер один, — сказала Алиса.

Король побледнел, захлопнул книжку и дрогнувшим голосом обратился к присяжным:

— Ваше решение?

— Ваше Величество, разрешите! Поступили новые улики по делу, — внезапно воскликнул Белый Кролик. — Только что поднята эта бумага.

— Что в ней? — спросила Королева.

— Я еще не разворачивал, — сказал Белый Кролик, — но, кажется, это письмо, написанное подсудимым и вдобавок кому-то предназначенное.

— Так и должно быть, — сказал Король. — Письма, никому не предназначенные, попадают довольно редко, не так ли?

— Кому оно адресовано? — спросил один из присяжных.

— Никому, — ответил Белый Кролик. — По крайней мере, снаружи ничего не написано. — С этими словами он развернул бумагу и добавил: — И это даже не письмо. Это стихи.

— Они написаны рукой подсудимого? — спросил другой присяжный.

— Нет, — сказал Белый Кролик. — Это-то и есть самое подозрительное.

Вся коллегия изумилась.

— Ему пришлось подделать почерк, — сказал Король, и лица присяжных прояснились.

— Но, Ваше Величество, — сказал Валет, — я их не писал, и противного доказать нельзя, потому что они не подписаны.

— Если ты их не подписал, что ж, тем хуже, — сказал Король. — Значит, у тебя был злой умысел, иначе ты подписал бы, как подобает честному человеку.

И все захопали. Это были первые разумные слова, которые произнес нынче Король.

— Это доказывает его вину, — сказала Королева. — Стало быть, снять...

— Ничего подобного! — воскликнула Алиса. — Вы даже не знаете, о чем они, а говорите!

— Прочти их! — сказал Король.

Белый Кролик надел очки.

— Откуда прикажете начать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — веско сказал Король, — продолжай до самого конца. В конце остановишься.

И вот какие стихи прочел Белый Кролик.

*Когда пред ними обо мне
Упомянул он, то
Сказали вы, что я вполне,
Но плавать — ни за что!*

*Он сообщил. Не их вина.
Увы! Правдив рассказ.
Но если поспешит она,
Что ожидает вас?*

*Я дал ей два, а вы нам — пять,
А он им восемь, и
Они вернулись к вам опять,
Хотя они — мои.*

*Она иль я — ведь мы могли
Тогда решиться там.
Он знал, что вы бы их спасли,
Как доводилось нам.*

*Удар хватил ее, но где ж
Нам было знать, слепым,
Что вы уж не помеха меж
Ней, ними, нами, ним?!*

*Молчите же о том, что их
Она бы предпочла.
Пусть будут тайной от других
Подобные дела.*

— Это самая важная улика изо всех, какие мы собрали, — сказал Король, потирая руки. — И пусть теперь присяжные...

— Даю шесть пенсов тому, кто сможет их объяснить, — сказала Алиса (она тем временем настолько выросла, что нисколько не побоялась перебить Короля). — Я не вижу в них ни крупицы смысла.

Вся коллегия присяжных записала: «Она не видит в них ни крупицы смысла». Но никто из них не попытался объяснить стихи.

— Если в них нет смысла, — сказал Король, — это избавит нас от хлопот и поисков такового, не правда ли? Но не знаю, не знаю, — продолжал он, разглаживая лист на колене и присматриваясь к стихам, прищуря глаз, — по-моему, какой-то смысл в них все-таки есть. «Но плавать — ни за что!» Ты ведь не умеешь плавать? — обратился он к Валету.

Валет печально склонил голову.

— Разве я похож на пловца? — сказал он (и правда, какой из него, картонного, пловец!).

— Хорошо. А дальше... — И Король забормотал стихи: — «Не их вина» — это о присяжных, конечно. «Но если поспешит она» — должно быть, Королева. «Что ожидает вас» — вот именно, что?! «Я дал ей два, а вы нам — пять» — вот и выясняется, что он проделал с пирожными, не так ли?

— Да, но дальше там сказано: «Они вернулись к вам опять!» — вмешалась Алиса.

— Конечно! Вот же они! — И Король торжествующе указал на блюдо. — Уж куда ясней! А дальше! «Удар хватил ее». Моя дорогая, вас когда-нибудь удар хватал? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — С этими словами разъяренная Королева метнула чернильницу в Билли. Бедняга давно перестал писать пальцем по доске, заметив, что на ней не остается следов. Но тут он лихорадочно взялся за дело, пользуясь чернилами, капающими с его носа, до тех пор, пока они не высохли.

— Стало быть, хватит, — сказал Король, — хватит смысла в этих стихах на десять приговоров. — И он с улыбкой оглядел зал. Стояла мертвая тишина. — Это шутка! — обиженно пояснил Король, и все засмеялись. — Пусть присяжные вынесут решение, — в двадцатый раз нынче повторил Король.

— Нет! — сказала Королева. — Сначала приговор — потом решение.

— Вздор и бессмыслица! — громко заявила Алиса. — Что за выдумки приговаривать без решения.

— Помолчи! — побагровела Королева.

— И не подумаю! — ответила Алиса.

— Снять с нее голову! — пронзительно крикнула Королева.

Никто не пошевелился.

— Да кто вас боится! — сказала Алиса, выросшая тем временем в полный рост. — Вы же всего-навсего колода карт!

И тут вся колода взмыла в воздух и закружилась над ней.

Она вскрикнула наполовину от страха, наполовину от злости, стала отбиваться от них, и вдруг оказалось, что она лежит на траве, положив голову на колени сестры, а та осторожно смахивает листик, упавший ей на щеку.

— Алиса, милая, проснись! — сказала сестра. — Как ты долго спала!

— Ой, я такой интересный сон видела! — воскликнула Алиса и рассказала сестре обо всем, что запомнила, обо всех этих странных приключениях, про которые вы только что прочли. И когда она закончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Правильно, моя милая! Очень интересный сон! А теперь беги, тебе пора пить чай. Опоздаешь.

Алиса вскочила и побежала, размышляя на бегу, конечно же, о том, какой это был чудесный сон.

.

А ее сестра, оставшись одна, сидела, склонив голову на руку, глядела на заходящее солнце и думала о маленькой Алисе и обо всех ее чудесных приключениях. Постепенно она погрузилась в грезы, и вот что ей пригрезилось.

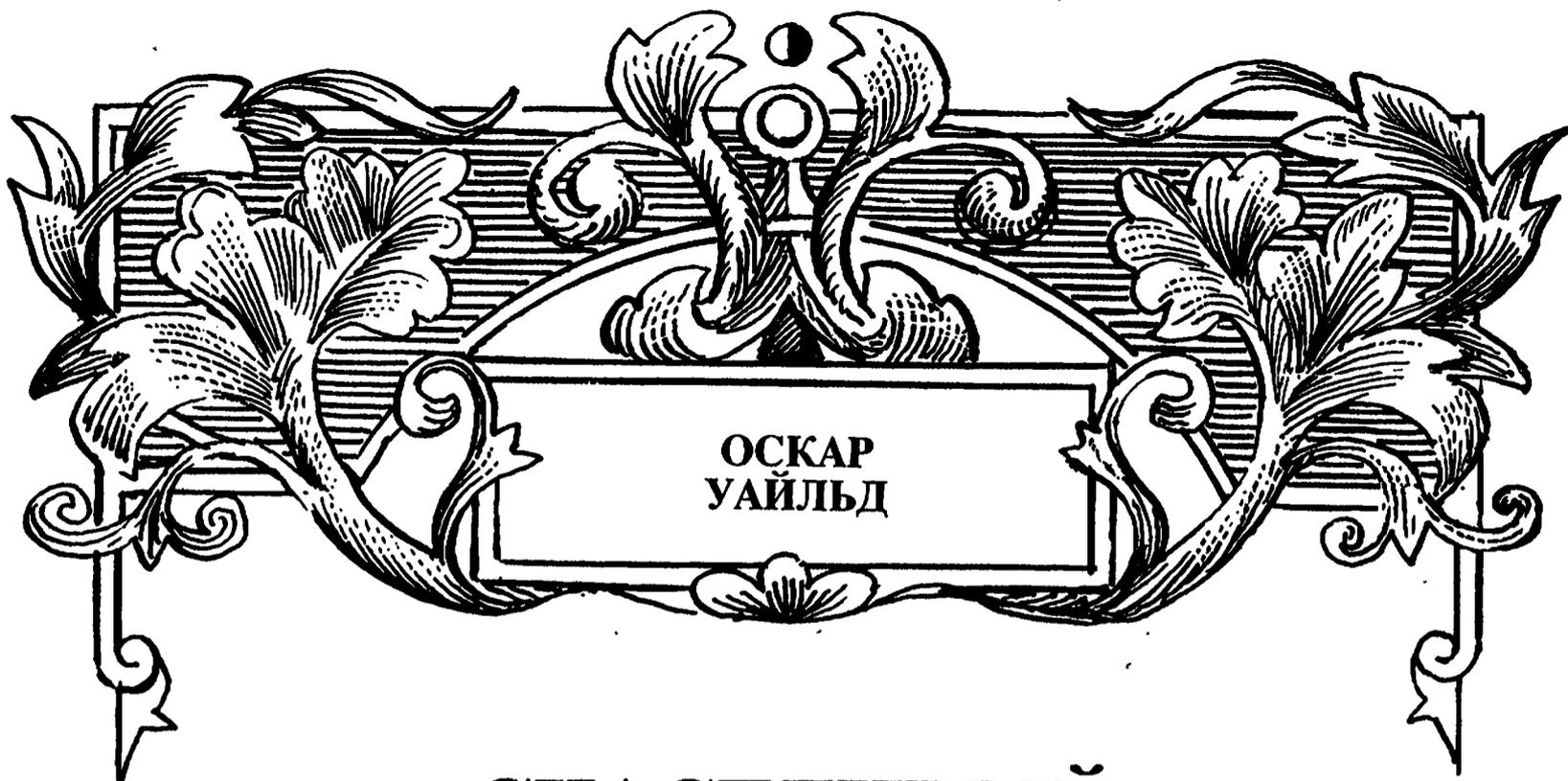
Сначала ей пригрезилась сама Алиса. Нежные ручонки снова обняли ее колени, ясные, живые глаза глянули на нее, зазвучал выразительный голосок, — и вот младшая сестра по привычке вскинула голову, чтобы отбросить со лба докучную прядь волос. Старшая сестра слушала, то ли во сне, то ли наяву, а вокруг словно вправду поселились странные создания из рассказа младшей.

У ног ее зашуршала трава, — это спешил по своим делам Белый Кролик. Испуганная Мышь с плеском переплывала море. Слышалось звяканье чашек, — это все длилось и длилось бесконечное чаепитие Зайца и его приятелей. Звучал пронзительный голос Королевы — она приказывала казнить своих злополучных гостей. То доносился визг младенца-поросся с колен Ее Высочества, то звон разлетающихся блюд и блюдец, то восклицанье Грифона, то скрипенье грифеля Ящерицы Билли, то хрип подавляемой морской свинки, — и все это смешивалось с далекими рыданиями несчастного Черепахи-Телячи-Ножки.

Она сидела с закрытыми глазами и почти верила, что вокруг Страна Чудес, хотя и знала, что стоит только открыть глаза, как все вернется к унылой действительности. Трава будет шелестеть на ветру, море окажется ближайшей лужицей, звон чайной посуды превратится в позвякивание бубенчиков на шеях овец, а пронзительные вопли Королевы окажутся выкриками подпаска. Вопли младенца, восклицанья Грифона и все прочие странные звуки станут (она это знала) слитным будничным гулом фермерского двора. И вместо сдавленных рыданий Черепахи-Телячьих-Ножки издалека донесется мычанье коров.

А потом она представила себе, как ее маленькая сестричка станет в свое время взрослой женщиной, как она сохранит и в зрелые годы простодушное и доброе сердце ребенка; как она соберет вокруг себя других детей, как заблестят и загорятся у них глаза от разных удивительных сказок, может быть, даже от этой, про Страну Чудес, и как она почувствует их простые печали, порадует их простым радостям и вспомнит свои детские годы и счастливые летние дни.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

а высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаза у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но, конечно,

флюгер куда полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает!

— Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! — пробормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил Учитель Математики. — Ведь ангелов вы никогда не видали.

— О, мы их видим во сне! — отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямо; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень, и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

— Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, — говорила с упреком Ласточка, — и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

— Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия.

— Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

— Ах, ты играл моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

«Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуху.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

— У меня золотая спальня! — разнеженно сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, — откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. — И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во дворце Sans Souci, куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц» — величали меня приближенные, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик

лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут не дождутся в Египте, — ответила Ласточка. — Мои подруги кружат над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка. Остайся здесь на одну только ночь и будь моей посланницей. Мальчику так хочется пить, а его мать так печальна.

— Не очень-то мне по сердцу мальчики. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно, — сказала она, — но ничего, эту ночь я останусь с тобой и выполню твое поручение.

— Благодарю тебя, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды, — сказал ей возлюбленный, — и как чудесна власть любви!

— Надеюсь, мое платье успеет к придворному балу, — ответила она. — Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над гетто и увидела старых евреев, заключавших между собою сделки и взвешивавших монеты на медных весах. И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать

его крепко заснула — она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало хорошо! — сказал ребенок. — Значит, я скоро поправлюсь. — И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно, — заключила она свой рассказ, — хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело! — объяснил ей Счастливый Принц. И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

— Странное, необъяснимое явление! — сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. — Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью — в Египет!» — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпиге соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! Что за чужак!» — и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливному Принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она. — Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Остайся на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте, — ответила Ласточка. — Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он смотрит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев их громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — сказал ей Счастливый Принц. — Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами.

Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой до утра! — сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. — Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше рубинов, увы! — молвил Счастливый Принц. — Мои глаза — это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выключи один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

— Милый Принц, я не могу сделать это! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в кучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно воскликнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. — И счастье было на его лице.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался наверх.

— Я улетаю в Египет! — сообщила им ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

— Я пришла попрощаться с тобой! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм, и крокодилы вытянулись в тине и ле-

ниво глядят по сторонам. Мои подруги вьют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

— Внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

— Я могу остаться с тобою еще одну ночь, — ответила Ласточка, — но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц, — исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

— Нет, моя милая Ласточка, — ответил несчастный Принц, — ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки, — сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом, как мир, живущем в пустыне, знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка, — отозвался Счастливый Принц, — все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире — это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликууют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал Полицейский.

И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

— Я весь позолоченный, — сказал Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закуталось в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю, — ответила Ласточка. — Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это расколосось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул Мэр.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, — продолжал Мэр. — Он хуже любого нищего!

— Именно хуже нищего! — подтвердили Городские Советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

— Сделаем новую статую! — предложил Мэр. — И эта новая статуя пусть изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться.

Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

— Удивительно! — сказал Главный Литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал господь. — Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дождался целый год, и вот наконец она прибыла. Это была русская Принцесса, и весь путь от самой Финляндии она проделала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, голову ее покрывала крошечная шапочка из серебряной ткани, и Принцесса была бела, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

— Она похожа на Белую розу! — восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У него были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

— Ваш портрет прекрасен, — прошептал он, — но вы прекраснее во сто крат!

И щеки маленькой Принцессы заалели.

— Она была похожа на Белую розу, — сказал молодой Паж кому-то из придворных, — но теперь она подобна Алой розе.

И это привело в восхищение весь двор. Три дня кряду все ходили и восклицали:

— Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза.

И Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пунцового бархата, расшитого мелким жемчугом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

— Совершенно ясно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. — Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши!

И Король вторично удвоил ему жалованье.

— Какой почет! — хором воскликнули придворные.

*

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец розы, а Король вызвался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто ни разу не осмелился сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, чтобы он ни делал, все восклицали:

— Восхитительно! Восхитительно!

*

Программа празднеств должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

— Фейерверк? А на что это похоже? — спросила Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по террасе.

— Это похоже на Северное Сияние, — сказал Король, который всегда отвечал на все вопросы, адресованные к другим лицам, — только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что, по крайней мере, знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и как только Королевский пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

— Как прекрасен мир! — воскликнула маленькая Шутиха. — Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось совершить путешествие. Путешествия удивительно

облагораживают душу и помогают освободиться от предрассудков.

— Королевский сад — это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха, — сказала Большая Римская Свеча. — Мир огромен, и меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

— То место, которое мы любим, включает в себе для нас весь мир, — мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который на первых порах был крепко привязан к старой сосновой дощечке и гордился своим разбитым сердцем. — Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня нисколько не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помнится, когда-то я... Впрочем, теперь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

— Чепуха! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда не умирает. Это как луна — она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром Бумажная Гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой.

— Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла, — прошептал он. Он принадлежал к тому сорту людей, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое сухое покашливание, и все оглянулись.

Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

— Кхе! Кхе! — кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонтана, который продолжал покачивать головой и шептать:

— Романтика умерла.

— Внимание! Внимание! — закричал Бенгальский Огонь.

Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

— Умерла безвозвратно, — прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда смотрела вверх го-

ловы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

— Какая удача для сына Короля, — сказала она, — что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо. В самом деле, если бы даже все это было обдуманно заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь Принцам всегда везет.

— Вот так так! — сказала маленькая Шутиха. — А мне казалось, что все как раз наоборот; это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

— Вас-то, может, и будут, — сказала Ракета. — Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я — другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернется обратно. Но она вернулась, потому что у нее был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отозвались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала ее триумфом Пилотехнического искусства.

— Пиротехнического — хотели вы сказать, Пиротехнического, — отозвался Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю Пилотехнического, — возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задирать маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... о чем же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

— А что это такое — чувствительная особа? — спросила Петарда у Римской Свечи.

— Это тот, кто непременно будет отдавливать другим мозоли, если он сам от них страдает, — шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

— Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? — осведомилась Ракета. — Я же не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, — отвечала Петарда.

— Это весьма эгоистичная причина, — сердито промолвила Ракета. — Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость — высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, например, что сегодня ночью со мной что-нибудь случится, — представляете, какое это будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что касается Короля, то я знаю, что он не оправится после такого удара. Право, когда я начинаю думать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, я едва удерживаюсь от слез.

— Если вы хотите доставить другим удовольствие, — вскричала Римская Свеча, — так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть.

— Ну конечно, — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрянул духом, — это же подсказывает простой здравый смысл.

— Простой здравый смысл! — возмущенно фыркнула Ракета. — Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно, при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А что касается того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Единственное, что меня поддерживает в течение всей жизни, — это сознание моего неоспоримого превосходства над всеми, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смеетесь и веселитесь так, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

— Как так? — воскликнул маленький Огненный Шар. — А почему бы нет? Это же самое радостное событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна невеста.

— Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! — сказала Ракета. — Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет — одна пустота. А что, если Принц и Принцесса поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы может родиться сын, маленький, белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать — потерять единственного сына! Это же ужасно! Я этого просто не переживу.

— Но они же еще не потеряли своего единственного сына, — сказала Римская Свеча. — Никакого несчастья с ними еще не произошло.

— А разве я говорила, что они потеряли? — возразила Ракета. — Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову — по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

— Что верно, то верно! — вскричал Бенгальский Огонь. — По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще никогда не доводилось видеть.

— А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, — сказала Ракета. — И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

— Да ведь вы даже незнакомы с ней, — буркнула Римская Свеча.

— А разве я сказала, что я с ней знакома? — возразила Ракета. — Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь — хорошо знать своих собственных друзей.

— Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, — сказал Огненный Шар. — Вот что самое главное.

— Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, — возразила Ракета, — а я возьму и заплачу,

если мне захочется. — И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

— Должно быть, это действительно очень романтическая натура, — сказал Огненный Фонтан, — ведь она плачет абсолютно без всякой причины, — и он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

— Вздор! Вздор! — Они были чрезвычайно здравомыслящие особы, и, когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут взошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться им, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одиннадцать и, наконец, двенадцать, и с последним ударом часов, возвестивших полночь, все вышли из дворца на террасу, а Король послал за Королевским пиротехником.

— Повелеваю зажечь фейерверк, — сказал Король, и Королевский пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада. За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

Пшш! Пшш! — зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

Бум! Бум! — вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

— Прощайте! — крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

Хлоп! Хлоп! — вторили ему Петарды, которые веселились от души. Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не удостоивала раз-

говором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

— Ура! Ура! — закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

— Вероятно, они приберегают меня для особо торжественного случая, — сказала Ракета. — Это несомненно так. — И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

— По-видимому, это делегация, — сказала Ракета. — Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства. — И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях. Но слуги даже не заметили ее, и только когда они уже собрались уходить, она случайно попала на глаза одному из них.

— Гляньте! — крикнул этот слуга. — Тут какая-то негодная Ракета! — И он швырнул ее за ограду, прямо в канаву.

— Негодная Ракета? Негодная Ракета? — воскликнула она, перелетая через ограду. — Этого не может быть! Превосходная Ракета — вот что, должно быть, сказал этот человек. Негодная и Превосходная звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же. — И с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.

— Не очень-то приятное место, — сказала она, — но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький Лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

— А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что ж, в конце концов, грязь лучше, чем есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

— Кхе! Кхе! — произнесла Ракета и раскашлялась.

— Какой у вас приятный голос! — воскликнул Лягушонок. — Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего многоголосого хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома,

и, как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть — все слушают нас. Да не далее как вчера жена фермера говорила своей матушке, что она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, — это доставляет большое удовлетворение.

— Кхе! Кхе! — сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

— Нет, в самом деле, какой восхитительный голос, — продолжал Лягушонок. — Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Шука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими — и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

— По-вашему, это называется беседой? — сказала Ракета. — Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хорошая беседа!

— Кто-то же должен слушать, — возразил Лягушонок, — а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

— Но я люблю разногласия, — сказала Ракета.

— Ну что вы, — миролюбиво заметил Лягушонок. — Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно одинаковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей. — И маленький Лягушонок поплыл прочь.

— Вы чрезвычайно нудная особа, — сказала Ракета, — и очень дурно воспитаны. Я не выношу людей, которые, подобно вам, все время говорят о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — чрезвычайно отталкивающее свойство, особенно для людей моего склада, — ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам встретится еще когда-нибудь образец более достойный подражания. И раз уж представился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправлюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочетались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

— Нет никакого смысла говорить ему все это, — сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой камышины. — Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

— Тем хуже для него, — отвечала Ракета. — Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает, — мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня это одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

— Тогда вам, безусловно, необходимо выступить с лекциями по Философии, — сказала Стрекоза и, расправив свои прелестные газовые крылышки, поднялась в воздух.

— Как это глупо, что она улетела! — сказала Ракета. — Я уверена, что ей не часто предоставляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. — И тут она еще глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

— Кряк, кряк, кряк, — сказала Утка, — какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить, это от рождения или результат несчастного случая?

— Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, — отвечала Ракета, — иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше невежество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь к небу и пролиться на землю золотым дождем.

— Велика важность, — сказала Утка. — Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

— Я вижу, уважаемая, — воскликнула Ракета высокомерно-снисходительным тоном, — я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества. Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы. Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не питаю симпатии к полезной деятельности какого бы то ни было рода, а уж меньше всего — к такой, какую вы изволили рекомендовать. По правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спа-

сения люди, которым ничего другого не остается делать.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту. — О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

— Да ни за что на свете! — воскликнула Ракета. — Я здесь гость, почетный гость, и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

— Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью, — заметила Утка. — Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу. Однако не заметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Стоит нам где-нибудь появиться, и мы тотчас привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но, когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк.

— Куда же вы! Куда! — взвизгнула Ракета. — Мне еще очень многое необходимо вам сказать. — Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв. — Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У нее необычайно мещанские взгляды. — И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и начала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

— Это, вероятно, делегация, — сказала Ракета и поста-

ралась придать себе как можно более величественный вид.

— Гляди-ка! — крикнул один из мальчиков. — Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала. — И он вытащил Ракету из канавы.

— Грязная Палка! — сказала Ракета. — Неслыханно! Грозная Палка — хотел он, по-видимому, сказать. Грозная Палка — это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из придворных Сановников.

— Давай положим ее в костер, — сказал другой мальчик. — Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

— Но это же восхитительно! — воскликнула Ракета. — Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

— Ну, теперь мы можем немножко соснуть, — сказали мальчики. — А когда проснемся, котелок уже закипит. — И они растянулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

— Ну, сейчас я взлечу! — закричала она, напыжилась и распрямилась. — Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко... Пшш! Пшш! Пшш! — И она взлетела вверх. — Упоительно! — вскричала она. — Я буду лететь вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел.

Тут она почувствовала странное ощущение щекотки во всем теле.

— А теперь я взорвусь! — закричала она. — И я охвачу огнем всю землю и надёлаю такого шума, что ни о чем другом никто не будет говорить целый год. — И тут она в самом деле взорвалась. Бум! Бум! Бум! — вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

— Господи помилуй! — вскричала Гусыня. — Кажется, начинает накрапывать... палками! — И она поспешно плюхнулась в воду.

— Я знала, что произведу сенсацию, — прошипела Ракета и погасла.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

*Посвящается
Маргарет леди Брук
рани Саравака*

Вечером накануне дня Коронации молодой Король сидел один в своей великолепной спальне. Придворные уже удалились, отвешивая ему низкие поклоны согласно чопорным обычаям того времени, и вернулись в Большой Дворцовый Зал, дабы получить последние наставления у Профессора Этикета, — ведь кое-кто из них еще не утратил естественности манер, а вряд ли стоит напоминать, что у царедворца это серьезный порок.

Юношу — а Король был юношей, которому едва минуло шестнадцать лет, — не огорчил уход придворных: с глубоким вздохом облегчения откинулся он на мягкие подушки роскошного ложа и так лежал, приоткрыв рот и глядя перед собою пугливыми глазами, подобно смуглолицему лесному фавну или молодому зверю, который попался в расставленную охотниками западню.

Его и в самом деле нашли охотники, ненароком повстречавшие юношу, когда тот, босиком и со свирелью в руке, гнал стадо бедного пастуха, который взрастил его и сыном которого он всегда себя почитал. Сын единственной дочери старого Короля, родившийся от тайного союза с человеком, стоявшим много ниже ее, — с чужеземцем, как говорили одни, который дивными чарами своей лютни заслужил любовь юной Принцессы, или, как говорили другие, с художником из Римини, которому Принцесса оказала много, пожалуй, слишком много внимания и который внезапно исчез из города, так и не закончив роспись в Соборе, — он, когда была ему от роду неделя, был похищен у матери, пока та спала, и отдан на попечение простого крестьянина и его жены, не имевших своих детей и живших в глухом лесу, больше чем в дне езды от города. Через час после пробуждения родившая его белокурая девушка умерла от горя, или от чумы, как утверждал придворный медик, или от молниеносного итальянского яда, подмешанного в чашу вина с пряностями, как поговаривали люди, и между тем как верный гонец, увезший младенца в седле, спешил со взмыленного коня и постучал в грубо сколоченную дверь пастушьей хижины, тело Принцессы опустили в могилу, вырытую на заброшенном кладбище за городскими воротами, в могилу, где, как рассказывали, уже лежало тело юноши, наделенного чудесной чужеземной кра-

сотой, с руками, стянутыми за спиной веревками, и грудью, испещренной алыми кинжальными ранами.

Так, по крайней мере, гласила молва. А верно то, что на смертном одре старый Король то ли раскаялся в своем великом грехе, то ли просто пожелал сохранить королевство за своими потомками, послал за юношей и в присутствии Совета провозгласил его своим наследником.

И кажется, что в первое же мгновение юноша выказал знаки той странной страсти к прекрасному, которой суждено было столь сильно повлиять на его жизнь. Те, что сопровождали юношу в отведенные для него покои, не раз повествовали о том, как с уст его сорвался крик радости, когда он увидел приготовленные для него изящные одежды и драгоценные камни, и о том, с каким почти яростным наслаждением сбросил он с себя грубую кожаную тунуку и плащ из овчины. Порою, правда, ему недоставало свободной лесной жизни, и он, случалось, досадовал на докучные дворцовые церемонии, ежедневно отнимавшие столько времени, но чудесный дворец — или, как его называли, Joyeuse, — хозяином которого стал юноша, представлялся ему новым миром, словно нарочно созданным для наслаждения, и стоило ему ускользнуть с заседания Совета или аудиенции, как он сбегал по широкой лестнице со ступенями из яркого порфира и бронзовыми львами по сторонам и, блуждая по анфиладам комнат и галереям, словно бы пытался красотой умерить боль и исцелиться от недуга.

В этих, как говорил он сам, странствиях в неведомое — ибо воистину для него это были путешествия по волшебной стране — его иногда сопровождали стройные и белокурые дворцовые пажи в развевающихся плащах и пестрых трепещущих лентах, но чаще он бродил один, понимая благодаря какому-то острому инстинкту, почти озарению, что тайны искусства должно познавать втайне и что Красота, подобно Мудрости, любит, когда ей поклоняются в одиночестве.

Много загадочного рассказывали о нем в ту пору. Говорили, что доблестный Бургомистр, прибывший к нему, дабы произнести витийственное приветствие от имени горожан, узрел юношу коленопреклоненным в неподдельном восторге перед картиной, только что присланной из Венеции, и это, казалось, возвещало почитание новых богов. В другой раз он исчез на несколько часов, и после продолжительных поисков его нашли в каморке, в одной из северных башен дворца, где он, оцепенев, любовался греческой геммой с изображением Адониса. Молва гласила,

что видели, как прижимался он горячими губами к мраморному челу античной статуи, на которой было начертано имя вифинского раба, принадлежавшего Адриану, и которую обнаружили на дне реки при постройке каменного моста. Целую ночь провел он, следя, как играет лунный свет на серебряном лице Эндимиона.

Все, что было редко и драгоценно, постоянно влекло юношу, и в погоне за редкостями он посылал в путь множество купцов: одних — торговать янтарь у грубых рыбаков северного моря, иных — в Египет, искать ту необыкновенную зеленую бирюзу, которая заключена в одних лишь могилах фараонов и обладает, говорят, чудодейственными свойствами, иных — в Персию, за шелковыми коврами и расписной посудой, прочих же — в Индию, покупать кисею и раскрашенную слоновую кость, лунные камни и браслеты из нефрита, сандал, лазурную финифть и тонкие шерстяные шали.

Но больше всего иного занимало его одеяние из тканого золота, предназначенное для коронации, усеянная рубинами корона и скипетр, покрытый полосками и ободками жемчугов. Именно об этом думал он в тот вечер, лежа на своем роскошном ложе и глядя, как догорает в камине большое сосновое полено. Уже много месяцев назад вручили ему эскизы, выполненные знаменитейшими художниками того времени, и он распорядился, чтобы ремесленники ночью и днем трудились над его одеянием и чтобы по всему миру искали драгоценные камни, достойные их труда. Он воображал себя в прекрасном королевском облачении перед высоким алтарем Собора, и на его детских губах подолгу играла улыбка, озаряя ярким блеском его темные лесные глаза.

Немного погодя он встал и, опершись о резную полку над камином, оглядел погруженную в полумрак спальню. По стенам висели дорогие гобелены, изображавшие Торжество Красоты. В углу стоял большой шкаф, инкрустированный агатами и ляписом-лазурью, а напротив окна находился поставец редкой работы, с лаковыми панно, украшенными золотыми блестками и мозаикой, на котором были расставлены хрупкие кубки венецианского стекла и чаша из оникса с темными прожилками. Шелковое покрывало на ложе было расшито бледными маками, которые, казалось, не смогли удержать ослабевшие руки сна, и стройные тростинки резной слоновой кости поддерживали бархатный балдахин, а над ним белой пеной вздымались страусовые перья, достигая бледно-серебристого лепного

потолка. Смеющийся Нарцисс из зеленоватой бронзы держал над головой полированное зеркало. На столе стояла плоская аметистовая чаша.

Из окна открывался вид на огромный купол Собора, нависший громадным шаром над призрачными домами, да на усталых часовых, шагавших взад-вперед по террасе, едва различимой в речном тумане. Далеко в саду запел соловей. Слабый запах жасмина донесся из открытого окна. Юноша откинул со лба темные кудри и, взяв лютню, коснулся пальцами струн. Отяжелевшие веки его опустились, и им овладела странная истома. Никогда прежде не ощущал он с такой остротой и утонченной радостью таинство и волшебство прекрасных вещей.

Когда часы на башне пробили полночь, он коснулся рукой колокольчика, и вошли его пажы и, согласно церемонии, сняли с него одежды, окропили его руки розовой водой и усыпали его подушку цветами. Затем они оставили спальню, и несколько мгновений спустя юноша уснул.

И он спал, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он — под самой крышей, в душевной мастерской, и вокруг шумит и стучит множество ткацких станков. Чахлый свет пробивался сквозь зарешеченные окна, и в его отблесках молодой Король видел склонившихся над станками изможденных ткачей. Бледные, больные на вид дети, съезжившись сидели на толстых поперечинах станков. Когда челноки проскакивали сквозь основу, дети поднимали тяжелые рейки, а когда челноки останавливались, они опускали рейки и оправляли нити. От голода щеки у детей втянулись, а исхудалые руки тряслись и дрожали. За столом сидели несколько изнуренных женщин и шили. Чудовищный запах стоял в мастерской. Воздух был тяжелый и нездоровый, а с заплесневелых стен сочилась влага.

Молодой Король подошел к одному из ткачей и, стоя рядом, смотрел на него.

И ткач сердито взглянул на юношу и сказал:

— Отчего ты смотришь за мной? Не соглядатай ли ты, приставленный к нам хозяином?

— Кто твой хозяин? — спросил молодой Король.

— Хозяин? — с горечью воскликнул ткач. — Он такой же человек, как я. Воистину разница меж нами лишь в том, что он носит добрую одежду, а я хожу в лохмотьях, что я ослабел от голода, а он немало страдает от обжорства.

— В нашей стране все свободны, — сказал молодой Король, — и ты не раб.

— На войне, — отвечал ткач, — сильный порабощает слабого, но наступит мир, и богатый порабощает бедного. Мы работаем, чтобы выжить, но нам платят так скудно, что мы умираем. Целыми днями мы трудимся на богачей, и они набивают сундуки золотом, и наши дети увядают раньше времени, и лица любимых суровеют и ожесточаются. Мы давим виноград, но вино пьют другие. Мы сеем хлеб, но пусто у нас на столе. На нас оковы, но их никто не видит; мы рабы, но зовемся свободными.

— Все ли живут так? — спросил молодой Король.

— Все живут так, — ответил ткач, — молодые и старые, женщины и мужчины, малые дети и старики. Нас грабят купцы, но нам приходится соглашаться на их цены. Священник проезжает мимо, перебирая четки, и никому нет до нас дела. Наши не знающие солнца закоулки обходит, озираясь голодными глазами, Нищета, и Грех с бесчувственным от пьянства лицом следует за нею. Горе будит нас по утрам, и Стыд сидит подле нас ночью. Но что тебе в том? Ты не из нас. Твое лицо слишком радостно.

И ткач отвернулся, и пропустил челнок через основу, и молодой Король увидел, что его уток — золотая нить. И объял его великий страх, и он сказал ткачу:

— Что за одеяние ты ткешь?

— Это наряд для коронации молодого Короля, — ответил ткач. — Что тебе в том?

И молодой Король издал громкий крик и проснулся — и вот он снова лежал в своих покоях и, глянув в окно, увидел медвяную луну, висевшую в сумрачном небе.

И он снова уснул, и увидел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он лежит на палубе огромной галеры, приводимой в движение сотней рабов-гребцов. Рядом с ним на ковре сидел капитан галеры. Он был черен, как эбеновое дерево, и тюрбан его был из алого шелка. Большие серебряные серьги оттягивали мочки его ушей, и в руках у него были весы из слоновой кости.

На рабах были лишь ветхие набедренные повязки, и каждый из них был прикован цепью к соседу. Над галерой полыхало жаркое солнце, а меж рабами бегали негры и полосовали их сыромятными ремнями. Рабы напрягали тощие руки и погружали тяжелые весла в воду. Из-под весел взлетали соленые брызги.

Наконец, достигнув маленькой бухты, они принялись промеривать глубину. Легкий ветерок дул в сторону моря

и покрывал палубу и большой латинский парус мелкой красной пылью. Прискакали три араба на диких ослах и метнули в них копья. Капитан галеры поднял разноцветный лук, и его стрела вонзилась в горло одного из арабов. Тот плашмя рухнул в прибой, а его товарищи ускакали. Женщина в желтой чадре медленно двинулась за ними на верблюде, то и дело оглядываясь на мертвое тело.

Как только был брошен якорь и спущен парус, негры сошли в трюм и вынесли оттуда длинную веревочную лестницу с тяжелыми свинцовыми грузилами. Капитан галеры перебросил лестницу через борт и закрепил ее концы на двух железных стойках. Потом негры схватили самого молодого из рабов, и сбили с его ног кандалы, и запечатали его ноздри и уши воском, и привязали к его поясу тяжелый камень. Раб медленно спустился по лестнице и исчез в море. В том месте, где он погрузился в воду, поднялись пузырьки. Другие рабы с любопытством глядели за борт. На носу галеры сидел заклинитель акул и монотонно бил в барабан.

Спустя некоторое время ныряльщик показался из воды, и тяжело дыша, уцепился за лестницу, и в правой руке держал он жемчужину. Негры отобрали ее и столкнули раба обратно в воду. Другие рабы дремали за веслами.

Ныряльщик являлся снова и снова и каждый раз приносил прекрасный жемчуг. Капитан галеры взвешивал жемчужины и прятал их в кошелек зеленой кожи.

Молодой Король хотел заговорить, но губы его не слушались и язык, казалось, присох к небу. Негры болтали друг с другом и ссорились из-за нитки разноцветных бус. Два журавля кругами летали над судном.

Затем ныряльщик появился в последний раз, и принесенная им жемчужина была прекраснее всех жемчугов Ормуза, ибо она была подобна полной луне и казалась белее утренней звезды. Но лицо ныряльщика было до странности бледным, и, когда он упал на палубу, кровь хлынула из его ушей и ноздрей. Он вздрогнул и замер. Негры пожали плечами и бросили тело за борт.

И капитан галеры засмеялся, и, протянув руку, взял жемчужину, и, посмотрев на нее, он прижал ее ко лбу и поклонился.

— Эта жемчужина, — сказал он, — украсит скипетр молодого Короля. — И дал неграм знак поднимать якорь.

И, услышав это, молодой Король пронзительно вскрикнул и проснулся, и за окном он увидел длинные тусклые персты зари, вцепившиеся в бледнеющие звезды.

И он снова уснул, и видел сон, и вот что приснилось ему.

Ему привиделось, что он бредет по сумрачному лесу, а вокруг растут странные плоды и прекрасные ядовитые цветы. Вслед ему шипели гадюки, и разноцветные попугаи крича перелетали с ветки на ветку. Грузные черепахи спали в теплой тине. На деревьях сидело множество обезьян и павлинов.

Он шел и шел, пока не достиг опушки, и там увидел он великое множество людей, работавших в русле высохшей реки. Толпами взбирались они на утесы, подобно муравьям. Они рыли глубокие колодцы в почве и спускались туда. Одни из них огромными топорами раскалывали камни, другие рылись в песке. Они с корнями вырвали кактус и растоптали алые цветы. Они спешили, перекликались, и ни один не оставался без дела.

Из темной пещеры на них взирали Смерть и Корусть, и Смерть сказала:

— Я устала. Отдай мне треть этих людей, и я уйду.

Но Корусть покачала головой.

— Нет, они мой слуги, — сказала она.

И Смерть молвила:

— Что у тебя в руке?

— Три пшеничных зерна, — ответила Корусть. — Что тебе в том?

— Дай мне одно! — воскликнула Смерть. — Я посею его в моем саду. Одно лишь зерно, и тогда я уйду.

— Ничего я не дам тебе, — сказала Корусть и спрятала руку в складках одежды.

И Смерть засмеялась, и взяла чашу, и окунула ее в лужу, и из чаши восстала Лихорадка. Лихорадка обошла все великое множество людей, и каждый третий упал замертво. За нею тянулся холодный туман, и водяные змеи ползли у нее по бокам.

И когда Корусть увидела, что треть всех людей мертва, она стала бить себя в грудь и рыдать. Она била себя в иссохшую грудь и громко кричала.

— Ты убила треть моих слуг! — возопила она. — Иди же прочь. В горах Татарии идет война, и цари воюющих племен взывают к тебе. Афганцы зарезали черного быка и выступили в поход. Они надели железные шлемы и барабанят копьями по щитам. На что тебе моя долина, зачем медлишь ты здесь? Иди же прочь и более не возвращайся.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

Но Корусть сжала ладонь и стиснула зубы.

— Ничего не дам я тебе, — пробормотала она.

И Смерть засмеялась, и подняла черный камень, и бросила его в лес, и из зарослей дикого болиголова в огненном одеянии явилась Горячка. Она обошла все великое множество людей и касалась их рукой, и кого коснулась она — тот умирал. И под ногами ее увядала трава.

И задрожала Корусть, и осыпала пеплом свою главу.

— Ты безжалостна, — возопила она, — ты безжалостна. В индийских городах голод, и колодцы Самарканда иссякли. В египетских городах голод, и саранча пришла из пустыни. Нил вышел из берегов, и жрецы возносят молитву Исиде и Осирису. Иди к ждущим тебя и оставь моих слуг.

— Нет, — ответила Смерть, — пока не дашь мне пшеничного зерна, я не уйду.

— Ничего не дам я тебе, — сказала Корусть.

И снова засмеялась Смерть, и, вложив пальцы в рот, свистнула, и на свист прилетела по воздуху женщина. «Чума» было написано на ее челе, и стая тощих стервятников кружилась вокруг нее. Они распростерли свои крыла над долиной, и все люди упали замертво.

И Корусть с пронзительным криком бросилась в лес, а Смерть вскочила на своего красного коня и ускакала, и скакала она быстрее ветра.

И из слизи, скопившейся на дне долины, выползли драконы и чешуйчатые чудовища, и шакалы забегали по песку, ощупывая ноздрями воздух.

И молодой Король заплакал и сказал:

— Кто были те люди и чего искали они?

— Они искали рубины для королевской короны, — ответил тот, кто стоял у него за спиной.

И молодой Король вздрогнул и, повернувшись, увидел человека в одеждах паломника и с серебряным зеркалом в руках.

И молодой Король побледнел и спросил:

— Чья это корона?

И паломник ответил:

— Посмотри в это зеркало и увидишь чья.

И юноша глянул в зеркало и, узрев там свое лицо, пронзительно вскрикнул и проснулся, и яркий солнечный свет лился в его покои, и на деревьях в саду пели птицы.

И вошли Гофмейстер и главные сановники Государства и поклонились ему, и пажи поднесли ему облачение, тканное золотом, и положили пред ним корону и скипетр.

И молодой Король посмотрел на это облачение, и оно было прекрасно. Оно было прекраснее всего, что он видел раньше. Но он вспомнил, что снилось ему, и сказал вельможам:

— Унесите это, ибо этого я не приму.

И придворные изумились, и иные из них засмеялись, решив, что он шутит.

Но он остался непреклонен и сказал снова:

— Уберите это и спрячьте от меня. Хотя сегодня день моей коронации, я этого не приму. Ибо одеяние это соткано на ткацком стане Скорби белыми руками Боли. В сердце рубина — Кровь, и в сердце жемчуга — Смерть.

И он поведал им три своих сна.

И, услышав их, царедворцы, переглядываясь и перешептываясь, говорили:

— Воистину он лишился рассудка, ибо сон не есть ли просто сон, а видение — просто видение? Разве явь они, чтобы их остерегаться? И что нам жизнь тех, кто трудится на нас? И воздерживаться ли от хлеба, пока не увидишь пахаря, и от вина, пока не молвишь слова с виноградарем?

И Гофмейстер обратился к молодому Королю и сказал:

— Государь мой, прошу тебя: оставь эти черные мысли, и надень это прекрасное облачение, и возложи корону на голову. Ибо как народу знать, что ты король, если не будешь облачен по-королевски?

И посмотрел на него молодой Король.

— Воистину ли так? — спросил он. — И не узнают во мне короля, если не облачусь по-королевски?

— Не узнают, мой государь, — воскликнул Гофмейстер.

— Я думал прежде, что иным дан королевский облик, — ответил молодой Король. — Но может быть и так, как говоришь. Однако я не хочу ни этого одеяния, ни этой короны, но каким вошел во дворец, таким и выйду из него.

И молодой Король отослал всех прочь, кроме одного пажа, отрока, который был моложе его на год и был оставлен им себе в сотоварищи. Его оставил он служить себе, и, совершив омовение прозрачной водой, открыл большой крашеный сундук, и оттуда достал кожаную тунику и накидку из грубой овчины, которые носил, когда стерег на склонах холмов длиннорунных коз пастуха. Он надел тунику и плащ и взял грубый пастуший посох.

И маленький паж, удивляясь, широко раскрыл синие глаза и с улыбкой сказал ему:

— Государь мой, вот одеяние твое и скипетр, но я не вижу короны.

И молодой Король сорвал побег дикого вереска, обвившего балкон, и сделал из него венец и возложил его на голову.

— Вот корона, — ответил он.

И, так облачась, он вышел из своих покоев в Большой Зал Дворца, где ждали его придворные.

И развеселились придворные, и иные закричали ему:

— Государь, народ ждет короля, ты же явишься ему нищим.

И разгневались другие и сказали:

— Он навлек бесчестье на наше королевство и не достоин править нами.

Но он не сказал им ни слова, а пошел далее, и спустился по лестнице из блистающего порфира, и вышел из бронзовых ворот, и сел на коня, и поскакал к Собору, а маленький паж бежал следом за ним.

И народ смеялся и говорил:

— Вот едет королевский шут, — и потешался над ним.

И он натянул поводья и сказал:

— Не шут я, но Король.

И он поведал им три своих сна.

И вышел из толпы человек, и обратился к нему, и с горечью сказал:

— Государь, не зиждется ли жизнь бедного на роскоши богатого? Ваше великолепие кормит нас, и ваши пороки дают нам хлеб. Работать на хозяина горько, но когда работать не на кого — еще горше. Думаешь ли, что вороны нас прокормят? И знаешь ли от этого лекарство? Велишь ли покупающему, да купит за столько-то, и продающему, да продаст за столько-то? Не может такое стать. Потому воротись во Дворец и облачись в пурпур и тонкие ткани. Что тебе мы и наши страдания?

— Не братья ли богатый и бедный? — спросил молодой Король.

— Братья, — ответил тот, — и имя богатому — Каин.

И глаза молодого Короля наполнились слезами, и он тронулся в путь под ропот толпы, и маленький паж испугался и оставил его.

И когда он достиг соборных врат, стражи выставили свои алебарды и сказали:

— Чего тебе надобно здесь? Никто, кроме Короля, да не войдет в эти двери.

И лицо его покраснело от гнева, и он сказал им:

— Я Король, — и он отвел в сторону их алебарды и вошел.

И когда старый епископ увидел его, одетого пастухом, то в изумлении поднялся со своего места, и пошел навстречу ему, и сказал:

— Сын мой, в королевском ли ты облачении? И какой короной буду венчать тебя, и какой скипетр вложу в твою руку? Воистину сей день твоей радости, а не унижения.

— Должно ли Радости облачиться в сотканное Горем? — спросил молодой Король.

И он поведал ему три своих сна. Епископ же, услышав их, нахмурил брови и сказал:

— Сын мой, я стар и на склоне лет знаю, что много зла творится в мире. Беспощадные разбойники спускаются с гор, и уносят малых детей, и продают их маврам. Львы подстерегают караваны и набрасываются на верблюдов. Дикие вепри вытаптывают посевы на равнинах, и лисы обгладывают виноградники на склонах гор. Пираты опустошают морское побережье, и жгут рыбацкие лодки, и отнимают у рыбаков сети. Прокаженные обитают в солончаках и плетут тростниковые хижины, и никто не смеет приблизиться к ним. Нищие бродят по городам и едят вместе с псами. Можешь ли ты сделать, чтобы этого не было? Положишь ли к себе в постель прокаженного, посадишь ли нищего с собой за стол? Послушает ли лев твою просьбу и покорится ли тебе кабан? Разве Тот, кто создал нищету, не мудрее тебя? Потому не хвалю тебя за то, что содеял, но прошу: поезжай во Дворец, и да будет на лице твоём веселье, и на тебе — одежда, подобающие королю, и я возложу на твою голову золотую корону и вложу в твою руку жемчужный скипетр. Что же до твоих снов, не помышляй о них более. Бремя мира сего не вынести одному человеку, и скорбь мира сего не выстрадать одному сердцу.

— В чьем доме говоришь ты это? — сказал молодой Король, и прошел мимо епископа, и поднялся по ступеням алтаря, и предстал перед ликом Христовым.

Он стоял перед ликом Христовым, и ошую и одесную от него были чудесные золотые сосуды — потир с янтарным вином и чаша с миррой. Он преклонил колени перед ликом Христовым, и ярко горели высокие свечи вокруг усеянной драгоценными камнями святыни, и благовонный дым курясь поднимался к куполу тонкими голубыми венчиками. Склонив голову, он молился, и священнослужители неслышно отошли от алтаря в своих неуклюжих ризах.

И вдруг в дверях послышался страшный шум, и в храм вошли придворные с обнаженными мечами, и перья покачивались на их шляпах, а стальные щиты сверкали.

— Где этот сновидец? — кричали они. — Где этот Король, ряженный нищим, этот мальчишка, покрывший позором наше королевство? Воистину мы убьем его, ибо он недостойн править нами.

И молодой Король вновь опустил голову, и молился, и, окончив молитву, встал, и, обернувшись, печально смотрел на них.

И вот через оконные витражи на него хлынул солнечный свет и лучи солнца соткали вокруг него облачение прекраснее того, что сделали ради его роскоши. Мертвый посох расцвел, и на нем распустились лилии, которые были белее жемчуга. Сухой шип расцвел, и на нем распустились розы, которые были краснее рубинов. Белее отборных жемчужин были лилии, и стебли их были чистого серебра. Краснее кровавых рубинов были розы, и листья их были чеканного золота.

Он стоял в королевском облачении, и врата изукрашенного драгоценного камнями алтаря отверзлись, и из хрустальных граней дароносицы полился таинственный, дивный свет. Он стоял в королевском облачении, и святые, казалось, ожили в глубоких нишах. В прекрасном королевском облачении предстал он пред ними, и загудел орган, и затрубили в свои трубы трубачи, и запели певчие.

И народ в страхе преклонил колени, и придворные вложили мечи в ножны и присягнули ему на верность, и лицо епископа побледнело, а руки его задрожали.

— Тот, кто выше меня, венчал тебя! — воскликнул он и встал перед ним на колени.

И молодой Король спустился со ступеней алтаря и, пройдя сквозь толпу, пошел во Дворец. Но никто не смел взглянуть ему в лицо, ибо оно было подобно ангельскому лику.

РЫБАК И ЕГО ДУША

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю и забрасывал в море сети.

Когда ветер был береговой, у Рыбака ничего не ловилось или ловилось, но мало, потому что это злобный ветер, у него черные крылья, и буйные волны вздымаются навстречу ему. Но когда ветер был с моря, рыба поднималась из глубин, сама заплывала в сети, и Рыбак относил ее на рынок и там продавал ее.

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю, и вот однажды такую тяжелою показалась ему сеть, что трудно было поднять ее в лодку. И Рыбак, усмехаясь, подумал: «Видно, я выловил из моря всю рыбу, или попало мне, на удивление людям, какое-нибудь глупое чудо морское, или моя сеть принесла мне такое страшилище, что великая наша королева пожелает увидеть его».

И, напрягая силы, он налег на грубые канаты, так что длинные вены, точно нити голубой эмали на бронзовой вазе, означились у него на руках. Он потянул тонкие бечевки, и ближе и ближе большим кольцом подплыли к нему плоские пробки, и сеть наконец поднялась на поверхность воды.

Но не рыба оказалась в сети, не страшилище, не подводное чудо, а маленькая Дева морская, которая крепко спала.

Ее волосы были подобны влажному золотому руну, и каждый отдельный волос был как тонкая нить из золота, опущенная в хрустальный кубок. Ее белое тело было как из слоновой кости, а хвост жемчужно-серебряный. Жемчужно-серебряный был ее хвост, и зеленые водоросли обвивали его. Уши ее были похожи на раковины, а губы — на морские кораллы. Об ее холодные груди бились холодные волны, и на ресницах ее искрилась соль.

Так прекрасна была она, что, увидев ее, исполненный восхищения юный Рыбак потянул к себе сети и, перегнувшись через борт челнока, охватил ее стан руками. Но только он к ней прикоснулся, она вскрикнула, как испугнутая чайка, и пробудилась от сна, и в ужасе взглянула на него аметистово-лиловыми глазами, и стала биться, стараясь вырваться. Но он не отпустил ее и крепко прижал к себе.

Видя, что ей не уйти, заплакала Дева морская.

— Будь милостив, отпусти меня в море, я единственная дочь Морского царя, и стар и одинок мой отец.

Но ответил ей юный Рыбак:

— Я не отпущу тебя, покуда ты не дашь мне обещания, что на первый мой зов ты поднимешься ко мне из глубины и будешь петь для меня свои песни: потому что нравится рыбам пение Обитателей моря, и всегда будут полны мои сети.

— А ты и вправду отпустишь меня, если дам тебе такое обещание? — спросила Дева морская.

— Воистину так, отпущу, — ответил молодой Рыбак.

И она дала ему обещание, которого он пожелал, и подкрепила свое обещание клятвою Обитателей моря, и разомкнул тогда Рыбак свои объятия, и, все еще трепеща от какого-то странного страха, она опустилась на дно:

Каждый вечер выходил молодой Рыбак на ловлю, и звал к себе Деву морскую. И она поднималась из вод и пела ему свои песни. Вокруг нее резвились дельфины, и дикие чайки летали над ее головой.

И она пела чудесные песни. Она пела о Жителях моря, что из пещеры в пещеру гоняют свои стада и носят детенышей у себя на плечах; о Тритонах, зеленобородых, с волосатою грудью, которые трубят в витые раковины во время шествия Морского царя; о царском янтарном чертоге — у него изумрудная крыша, а полы из ясного жемчуга; о подводных садах, где колышутся целыми днями широкие кружевные веера из кораллов, а над ними проносятся рыбы, подобно серебряным птицам; и льнут анемоны к скалам, и розовые пескари гнездятся в желтых бороздах песка. Она пела об огромных китах, приплывающих из северных морей, с колючими сосульками на плавниках; о Сиренах, которые рассказывают такие чудесные сказки, что купцы затыкают себе уши воском, чтобы не броситься в воду и не погибнуть в волнах; о затонувших галерах, у которых длинные мачты, за их снасти ухватились матросы, да так и зачоченели навек, а в открытые лодки всплывает макрель и свободно выплывает оттуда; о малых ракушках, великих путешественницах: они присасываются в килях кораблей и объезжают весь свет; о каракатицах, живущих на склонах утесов: они простирают свои длинные черные руки, и стоит им захотеть, будет ночь. Она пела о моллюске-наутилусе: у него свой собственный опаловый ботик, управляемый шелковым парусом; и о счастливых Тритонах, которые играют на арфе и чарами могут усыпить самого Осьминогого Великого; и о маленьких детях моря, которые поймают черепаху и со смехом катаются на ее скользкой спине; и о Девах морских, что нежатся в белеющей пене и простирают руки к морякам; и о моржах с кривыми клыками, и о морских конях, у которых развеивается грива.

И пока она пела, стаи тунцов, чтобы послушать ее, выплывали из морской глубины, и молодой Рыбак ловил их, окружая своими сетями, а иных убивал острогою. Когда же челнок у него наполнялся, Дева морская, улыбнувшись ему, погружалась в море.

И все же она избегала к нему приближаться, чтобы он не коснулся ее. Часто он молил ее и звал, но она не подплывала ближе. Когда же он пытался схватить ее, она ныряла, как ныряют тюлени, и больше в тот день не пока-

зывалась. И с каждым днем ее песни все сильнее пленяли его. Так сладостен был ее голос, что Рыбак забывал свой челнок, свои сети, и добыча уже не прельщала его. Мимо него проплывали целыми стаями золотоглазые, с алыми плавниками, тунцы, а он и не замечал их. Праздно лежала у него под рукой острога, и его корзины, сплетенные из ивовых прутьев, оставались пустыми. Полураскрыв уста и с затуманенным от упоения взором неподвижно сидел он в челноке, и слушал, и слушал, пока не подкрадывались к нему туманы морские и блуждающий месяц не пятнал серебром его загорелое тело.

В один из таких вечеров он вызвал ее и сказал:

— Маленькая Дева морская, маленькая Дева морская, я люблю тебя. Будь моей женою, потому что я люблю тебя.

Но Дева морская покачала головой и ответила:

— У тебя человечья душа! Прогони свою душу прочь, и мне можно будет тебя полюбить.

И сказал себе юный Рыбак:

— На что мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она. И вправду: я прогоню ее прочь, и будет мне великая радость.

И он закричал от восторга и, встав в своем расписном челноке, простер руки к Деве морской.

— Я прогоню свою душу, — крикнул он, — и ты будешь моей юной женой, и мужем я буду тебе, и мы поселимся в пучине, и ты покажешь мне все, о чем пела, и я сделаю все, что захочешь, и жизни наши будут навек неразлучны.

И засмеялась от радости Дева морская, и закрыла лицо руками.

— Но как же мне прогнать мою душу? — закричал молодой Рыбак. — Научи меня, как это делается, и я выполню все, что ты скажешь.

— Увы! Я сама не знаю! — ответила Дева морская. — У нас, Обитателей моря, никогда не бывало души.

И, горестно взглянув на него, она погрузилась в пучину.

*

На следующий день рано утром, едва солнце поднялось над холмом на высоту ладони, юный Рыбак подошел к дому Священника и трижды постучался в его дверь.

Послушник взглянул через решетку окна и, когда увидал, кто пришел, отодвинул засов и сказал:

— Войди!

И юный Рыбак вошел и преклонил колени на душистые тростники, покрывавшие пол, и обратился к Священнику, читавшему Библию, и сказал ему громко:

— Отец, я полюбил Деву морскую, но между мною и ею встала моя душа. Научи, как избавиться мне от души, ибо поистине она мне не надобна. К чему мне моя душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

— Горе! Горе тебе, ты лишился рассудка. Или ты отравлен ядовитыми травами? Душа есть самое святое в человеке и дарована нам господом богом, чтобы мы достойно владели ею. Нет ничего драгоценнее, чем душа человеческая, и никакие блага золота земные не могут сравняться с нею. Она стоит всего на свете и ценнее царских рубинов. Поэтому, сын мой, забудь свои помыслы, ибо это неискупаемый грех. А Обитатели моря прокляты, и прокляты все, кто вздумает с ними знаться. Они, как дикие звери, не знают, где добро и где зло, и не за них умирал Искупитель.

Выслушав жестокое слово Священника, юный Рыбак разрыдался и, поднявшись с колен, сказал:

— Отец, Фавны обитают в чаще леса — и счастливы! и на скалах сидят Тритоны с арфами из червонного золота. Позволь мне быть таким, как они, — умоляю тебя! — ибо жизнь их как жизнь цветов. А к чему мне моя душа, если встала она между мной и той, кого я люблю?

— Мерзостна плотская любовь! — нахмутив брови, воскликнул Священник. — И мерзостны и пагубны те твари языческие, которым господь попустил блуждать по своей земле. Да будут прокляты Фавны лесные, и да будут прокляты эти морские певцы! Я сам их слышал по ночам, они тщились меня обольстить и отторгнуть меня от моих молитвенных четок. Они стучатся ко мне в окно и хохочут. Они нашептывают мне в уши слова о своих погибельных радостях. Они искушают меня искушениями, и, когда я хочу молиться, они корчат мне рожи. Они погибшие, говорю я тебе, и воистину им никогда не спастись. Для них нет ни рая, ни ада, и ни в раю, ни в аду им не будет дано славословить имя господне.

— Отец! — вскричал юный Рыбак. — Ты не знаешь, о чем говоришь. В сети мои уловил я недавно Морскую царевну. Она прекраснее, чем утренняя звезда, она белее, чем месяц. За ее тело я отдал бы душу и за ее любовь откажусь от вечного блаженства в раю. Открой же мне то, о чем я тебя молю, и отпусти меня с миром.

— Прочь! — закричал Священник. — Та, кого ты любишь,

отвергнута богом, и ты будешь вместе с нею отвергнут.

И не дал ему благословения, и прогнал от порога своего.

И пошел молодой Рыбак на торговую площадь, и медленна была его поступь, и голова была опущена на грудь, как у того, кто печален.

И увидели его купцы и стали меж собою шептаться, и один из них вышел навстречу и, окликнув его, спросил:

— Что ты принес продавать?

— Я продам тебе душу, — ответил Рыбак. — Будь добр, купи ее, ибо она мне в тягость. К чему мне душа? Мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

Но купцы посмеялись над ним.

— На что нам душа человеческая? Она не стоит ломаного гроша. Продай нам в рабство тело твое, и мы облачим тебя в пурпур и украсим твой палец перстнем, и ты будешь любимым рабом королевы. Но не говори о душе, ибо для нас она ничто и не имеет цены.

И сказал себе юный Рыбак:

— Как это все удивительно! Священник убеждает меня, что душа ценнее, чем все золото в мире, а вот купцы говорят, что она не стоит и гроша.

И он покинул торговую площадь, и спустился на берег моря, и стал размышлять о том, как ему надлежит поступить.

*

К полудню он вспомнил, что один его товарищ, собиратель морского укропа, рассказывал ему о некой искусной в делах колдовства юной Ведьме, живущей в пещере у входа в залив. Он тотчас вскочил и пустился бежать, так ему хотелось поскорее избавиться от своей души, и облако пыли бежало за ним по песчаному берегу. Юная Ведьма узнала о его приближении, потому что у нее почесалась ладонь, и с хохотом распустила свои рыжие волосы. И, распустив свои рыжие волосы, окружившие все ее тело, она встала у входа в пещеру, и в руке у нее была цветущая ветка дикой цикуты.

— Чего тебе надо? Чего тебе надо? — закричала она, когда, изнемогая от бега, он взобрался вверх и упал перед ней. — Не нужна ли сетям твоим рыба, когда буйствует яростный ветер? Есть у меня камышовая дудочка, и стоит мне дунуть в нее, голавли заплывают в залив. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Не надобен ли тебе

ураган, который разбил бы суда и выбросил бы на берег сундуки с богатым добром? Мне подвластно больше ураганов, чем ветру, ибо я служу тому, кто сильнее, чем ветер, и одним только ситом и ведерком воды я могу отправить в пучину морскую самые большие галеры. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Я знаю цветок, что растет в долине. Никто не знает его, одна только я. У него пурпурные лепестки, и в его сердце звезда, и молочно-бел его сок. Прикоснись этим цветком к непреклонным устам королевы, и на край света пойдет за тобою она. Она покинет ложе короля и на край света пойдет за тобою. Но это не дешево стоит, мой хорошенький мальчик, это не дешево стоит. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Я в ступе могу истолочь жабу, и сварю из нее чудесное снадобье, и рукою покойника помешаю его. И когда твой недруг заснет, брызни в него этим снадобьем, и обратится он в черную ехидну, и родная мать раздавит его. Моим колесом я могу свести с неба Луну и в кристалле покажу тебе Смерть. Чего тебе надо? Чего тебе надо? Открой мне твоё желание, и я исполню его, и ты заплатишь мне, мой хорошенький мальчик, ты заплатишь мне красную цену.

— Невелико мое желание, — ответил юный Рыбак, — но Священник разгневался на меня и прогнал меня прочь. Малого я желаю, но купцы осмеяли меня и отвергли меня. Затем и пришел я к тебе, хоть люди и зовут тебя злою. И какую цену ты ни спросишь, я заплачу тебе.

— Чего же ты хочешь? — спросила Ведьма и подошла к нему ближе.

— Избавиться от своей души, — сказал он.

Ведьма побледнела, и стала дрожать, и прикрыла лицо синим плащом.

— Хорошенький мальчик, мой хорошенький мальчик, — пробормотала она, — страшного же ты захотел!

Он потрянул своими темными кудрями и засмеялся в ответ.

— Я отлично обойдусь без души. Ведь мне не дано ее видеть. Я не могу прикоснуться к ней. Я не знаю, какая она.

— Что же ты дашь мне, если я научу тебя? — спросила Ведьма, глядя на него сверху вниз прекрасными своими глазами.

— Я дам тебе пять золотых, и мои сети, и расписной челнок, и тростниковую хижину, в которой живу. Только скажи мне скорее, как избавиться мне от души, и я дам тебе все, что имею.

Ведьма захохотала насмешливо и ударила его веткой цикуты.

— Я умею обращать в золото осенние листья, лунные лучи могу превратить в серебро. Всех земных царей богаче тот, кому я служу, и ему подвластны их царства.

— Что же я дам тебе, если тебе не нужно ни золота, ни серебра?

Ведьма погладила его голову тонкой и белой рукой.

— Ты должен сплясать со мною, мой хорошенький мальчик, — тихо прошептала она и улыбнулась ему.

— Только и всего? — воскликнул юный Рыбак в изумлении и тотчас вскочил на ноги.

— Только и всего, — ответила она и снова улыбнулась ему.

— Тогда на закате солнца, где-нибудь в укромном местечке, мы спляшем с тобою вдвоем, — сказал он, — и сейчас же, чуть кончится пляска, ты откроешь мне то, что я жажду узнать.

Она покачала головою.

— В полнолуние, в полнолуние, — прошептала она.

Потом она оглянулась вокруг и прислушалась. Какая-то синяя птица с диким криком взвилась из гнезда и закружила над дюнами, и три пестрые птицы зашуршали в серой и жесткой траве и стали меж собой пересвистываться. И больше не было слышно ни звука, только волны плескались внизу, перекатывая у берега гладкие камешки. Ведьма протянула руку и привлекла своего гостя к себе и в самое ухо шепнула ему сухими губами:

— Нынче ночью ты должен прийти на вершину горы. Нынче Шабаш, и Он будет там.

Вздрогнул юный Рыбак, поглядел на нее, она оскалила белые зубы и засмеялась опять.

— Кто это Он, о ком говоришь ты? — спросил у нее Рыбак.

— Не все ли равно? Приходи туда нынче ночью и встань под ветвями белого граба и жди меня. Если набросится на тебя черный пес, ударь его ивовой палкой, — и он убежит от тебя. И если скажет тебе что-нибудь филин, не отвечай ему. В полнолуние я приду к тебе, и мы пропляшем вдвоем на траве.

— Но можешь ли ты мне поклясться, что тогда ты научишь меня, как избавиться мне от души?

Она вышла из пещеры на солнечный свет, и рыжие ее волосы заструились под ветром.

— Клянусь тебе копытами козла! — ответила она.

— Ты самая лучшая ведьма! — закричал молодой Рыбак. — И, конечно, я приду и буду с тобой танцевать нынче ночью на вершине горы. Поистине я предпочел бы, чтобы ты спросила с меня серебра или золота. Но если такова твоя цена, ты получишь ее, ибо она не велика.

И, сняв шапку, он низко поклонился колдунье и, исполненный великою радостью, побежал по дороге в город.

А Ведьма не спускала с него глаз, и, когда он скрылся из вида, она вернулась в пещеру и, вынув зеркало из резного кедрового ларчика, поставила его на подставку и начала жечь перед зеркалом на горящих угольях вербену и вглядываться в клубящийся дым.

Потом в бешенстве стиснула руки.

— Он должен быть моим, — прошептала она. — Я так же хороша, как и та.

Едва только показалась луна, взобрался юный Рыбак на вершину горы и стал под ветвями граба. Словно металлический полированный щит, лежало у ног его округлое море, и тени рыбачьих лодок скользили вдали по заливу. Филин, огромный, с желтыми глазами, окликнул его по имени, но он ничего не ответил. Черный рычащий пес набросился на него; Рыбак ударил его ивовой палкой, и, взвизгнув, пес убежал.

К полночи, как летучие мыши, стали слетаться ведьмы.

— Фью! — кричали они, чуть только спускались на землю. — Здесь кто-то чужой, мы не знаем его!

И они нюхали воздух, перешептывались и делали какие-то знаки. Молодая Ведьма явилась сюда последней, и рыжие волосы ее струились по ветру. На ней было платье из золотой парчи, расшитое павлиньими глазками, и маленькая шапочка из зеленого бархата.

— Где он? Где он? — заголосили ведьмы, когда увидели ее, но она только засмеялась в ответ, и подбежала к белому грабу, и схватила Рыбака за руку, и вывела его на лунный свет, и принялась танцевать.

Они оба кружились вихрем, и так высоко прыгала Ведьма, что были ему видны красные каблучки ее башмаков. Вдруг до слуха танцующих донесся топот коня, но коня не было видно нигде, и Рыбак почувствовал страх.

— Быстрее! — кричала Ведьма и, обхватив его шею руками, жарко дышала в лицо. — Быстрее! Быстрее! — кричала она, и, казалось, земля завертелась у него под ногами, в голове у него помутилось, и великий ужас напал на него, будто под взором какого-то злобного дьявола, и на-

конец он заметил, что под сенью утеса скрывается кто-то, кого раньше там не было.

То был человек, одетый в бархатный черный испанский костюм. Лицо у него было до странности бледно, но уста его были похожи на алый цветок. Он казался усталым и стоял, прислонившись к утесу, небрежно играя рукоятью кинжала. Невдалеке на траве виднелась его шляпа с пером и перчатками для верховой езды. Они были оторочены золотыми кружевами, и мелким жемчугом был вышит на них какой-то невиданный герб. Короткий плащ, обшитый соболями, свешивался с его плеча, а его холеные белые руки были украшены перстнями; тяжелые веки скрывали его глаза.

Как замороженный смотрел на него юный Рыбак. Наконец их глаза встретились, и потом, где бы юный Рыбак ни плясал, ему чудилось, что взгляд незнакомца неотступно следит за ним. Он слышал, как Ведьма засмеялась, и обхватил ее стан, и завертел в неистовой пляске.

Вдруг в лесу залаяла собака; танцующие остановились, и пара за парой пошли к незнакомцу, и, преклоня колена, припадали к его руке. При этом на его гордых губах заиграла легкая улыбка, как играет вода от трепета птичьих крыльев. Но было в той улыбке презрение. И он продолжал смотреть только на молодого Рыбака.

— Пойдем же, поклонимся ему! — шепнула Ведьма и повела его вверх, и сильное желание сделать именно то, о чем говорила она, охватило его всего, и он пошел вслед за нею. Но когда он подошел к тому человеку, он внезапно, не зная и сам почему, осенил себя крестным знаменем и призвал имя господне.

И тотчас же ведьмы, закричав, словно ястребы, улетели куда-то, а бледное лицо, что следило за ним, передернулось судорогой боли. Человек отошел к роще и свистнул. Испанский жеребец в серебряной сбруе выбежал навстречу ему. Человек вскочил на коня, оглянулся и грустно посмотрел на юного Рыбака.

И рыжеволосая Ведьма попыталась улететь вместе с ним, но юный Рыбак схватил ее за руки и крепко держал.

— Отпусти меня, дай мне уйти! — взмолилась она. — Ибо ты назвал такое имя, которое не подобает называть, и сделал такое знамение, на которое не подобает смотреть.

— Нет, — ответил он ей, — не пушу я тебя, покуда не откроешь мне тайну.

— Какую тайну? — спросила она, вырываясь от него, словно дикая кошка, и кусая запененные губы.

— Ты знаешь сама, — сказал он.

Ее глаза, зеленые, как полевая трава, вдруг замутились слезами, и она сказала в ответ:

— Что хочешь проси, но не это!

Он засмеялся и сжал ее крепче.

И, увидев, что ей не вырваться, она прошептала ему:

— Я так же пригожа, как дочери моря, я так же хороша, как и те, что живут в голубых волнах, — и она стала ласкаться к нему и приблизила к нему свое лицо.

Но он нахмурился, оттолкнул ее и сказал:

— Если не исполнишь своего обещания, я убью тебя, Ведьма-обманщица.

Лицо у нее сделалось серым, как цветок иудина дерева, и, вздрогнув, она тихо ответила:

— Будь по-твоему. Душа не моя, а твоя. Делай с нею что хочешь.

И она вынула из-за пояса маленький нож и подала ему. Рукоятка у ножа была обтянута зеленой змеиной кожей.

— Для чего он мне надобен? — спросил удивленный Рыбак.

Она помолчала недолго, и ужас исказил ее лицо. Потом она откинула с чела свои рыжие волосы и, странно улыбаясь, сказала:

— То, что люди называют своей тенью, не тень их тела, а тело их души. Выйди на берег моря, стань спиною к луне и отрежь у самых своих ног свою тень, это тело твоей души, и повели ей покинуть тебя, и она исполнит твое повеление.

Молодой Рыбак задрожал.

— Это правда? — прошептал он.

— Истинная правда, и лучше б я не открывала ее, — воскликнула Ведьма, рыдая и цепляясь за его колени.

Он отстранил ее, и там она осталась, в буйных травах, и, дойдя до склона горы, он сунул этот нож за пояс и, хватаясь за выступы, начал быстро спускаться вниз.

И бывшая в нем Душа воззвала к нему и сказала:

— Слушай! Все эти годы жила я с тобою и верно служила тебе. Не гони же меня теперь. Какое зло я причинила тебе?

Но юный Рыбак засмеялся.

— Зла я от тебя не видел, но ты мне не надобна. Мир велик, и есть еще Рай, и Ад, есть и сумрачная серая обитель, которая между Раем и Адом. Иди же, куда хочешь, отстань, моя милая давно уже кличет меня.

Душа жалобно молила его, но он даже не слушал ее. Он уверенно, как дикий козел, прыгал вниз со скалы на скалу; наконец он спустился к желтому берегу моря.

Стройный, весь как из бронзы, словно статуя, изваянная эллином, он стоял на песке, повернувшись спиной к луне, а из пены уже простирались к нему белые руки, и вставали из волн какие-то смутные призраки, и слышался их неясный привет.

Прямо перед ним лежала его тень, тело его Души, а там, позади, висела луна в воздухе, золотистом, как мед.

И Душа сказала ему:

— Если и вправду ты должен прогнать меня прочь от себя, дай мне с собой твое сердце. Мир жесток, и без сердца я не хочу уходить.

Он улыбнулся и покачал головой.

— А чем же я буду любить мою милую, если отдам тебе сердце?

— Будь добр, — молила Душа, — дай мне с собой твое сердце: мир очень жесток, и мне страшно.

— Мое сердце отдано милой! — ответил Рыбак. — Не мешкай же и уходи поскорее.

— Разве я не любила бы вместе с тобою? — спросила его Душа.

— Уходи, тебя мне не надобно! — крикнул юный Рыбак и, выхватив маленький нож с зеленою рукояткой из змеиной кожи, отрезал свою тень у самых ног, и она поднялась и предстала пред ним, точно такая, как он, и взглянула ему в глаза.

Он отпрянул назад, заткнул за пояс нож, и чувство ужаса охватило его.

— Ступай, — прошептал он, — и не показывайся мне на глаза!

— Нет, мы снова должны встретиться! — сказала Душа. Негромкий ее голос был как флейта, и губы ее чуть шевелились.

— Но как же мы встретимся? Где? Ведь не пойдешь ты за мной в морские глубины! — воскликнул юный Рыбак.

— Каждый год я буду являться на это самое место и призывать тебя, — ответила Душа. — Кто знает, ведь может случиться, что я понадоблюсь тебе.

— Ну зачем ты мне будешь нужна? — воскликнул юный Рыбак. — Но все равно, будь по-твоему!

И он бросился в воду, и Тритоны затрубили в свои раковины, а маленькая Дева морская выплыла навстречу ему, обвила его шею руками и поцеловала в самые губы.

А Душа стояла на пустынном побережье, смотрела на них и, когда они скрылись в волнах, рыдая, побрела по болотам.

*

И когда миновал первый год, Душа сошла на берег моря и стала звать юного Рыбака, и он поднялся из пучины и спросил:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и, опершись головою на руку, стал слушать.

*

И сказала ему Душа:

— Когда я покинула тебя, я повернулась лицом к Востоку и отправилась в дальний путь. С Востока приходит все мудрое. Шесть дней была я в пути, и наутро седьмого дня я подошла к холму, что находится в землях Татарии. Чтобы укрыться от солнца, я уселась в тени тамариска. Почва была сухая и выжжена зноем. Как ползают мухи по медному гладкому диску, так двигались люди по этой равнине.

В полдень багряное облако пыли поднялось от ровного края земли. Когда жители Татарии увидели его, они натянули расписные свои луки, вскочили на приземистых коней и галопом поскакали навстречу. Женщины с визгом побежали к кибиткам и спрятались за висящими войлоками.

В сумерки татары вернулись, но пятерых не хватало, а из вернувшихся немало было раненых. Они впрягли своих коней в кибитки и торопливо снялись с места. Три шакала вышли из пещеры и посмотрели им вслед. Потом они понюхали воздух и рысью побежали в обратную сторону.

Когда же взошла луна, я увидела на равнине костер и пошла прямо на него. Вокруг костра на коврах сидели какие-то купцы. Их верблюды были привязаны позади, а негры-прислужники разбивали палатки из дубленой кожи на песке и воздвигали высокую изгородь из колючего кактуса.

Когда я приблизилась к ним, их предводитель поднялся и, обнажив меч, спросил, что мне надо.

Я ответила, что была у себя на родине Принцем и что теперь бегу от Татар, которые хотели обратить меня в рабство. Предводитель усмехнулся и показал мне пять человеческих голов, насаженных на длинные бамбуковые шесты.

Потом он спросил меня, кто был пророк бога на земле, и я ответила: Магомет.

Услыхав имя лжепророка, он склонил голову и взял меня за руку и посадил рядом с собою. Негр принес мне кумыеу в деревянной чашке и кусок жареной баранины.

На рассвете мы двинулись в путь. Я ехала на рыжем верблюде рядом с предводителем отряда, а перед нами бежал скороход, и в руке у него было копье. Воины были и справа и слева, и сзади следовали мулы, нагруженные разными товарами. Верблюдов в караване было сорок, а мулов было дважды столько.

Мы прошли из страны Татарики к тем, которые проклинают Луну. Мы видели Грифов, стерегущих свое золото в белых скалах, мы видели чешуйчатых Драконов, которые спали в пещерах. Когда мы проходили через горные кряжи, мы боялись дохнуть, чтобы снеговые лавины не сверглись на нас, и каждый повязал глаза легкой вуалью из газа. Когда мы проходили по долинам, в нас метали стрелы Пигмеи, таившиеся в дупле деревьев, а по ночам мы слышали, как дикие люди били в свои барабаны. Подойдя к Башне Обезьян, мы положили пред ними плоды, и они не тронули нас. Когда же мы подошли к Башне Змей, мы дали им теплого молока в медных чашах, и они пропустили нас. Трижды во время пути выходили мы на берег Окса. Мы переплывали его на деревянных плотках с большими мехами из воловьих шкур, надутых воздухом. Бегемоты яростно бросались на нас и хотели нас растерзать. Верблюды дрожали, когда видели их.

Цари каждого города взимали с нас пошлину, но не впускали в городские ворота. Они бросали нам еду из-за стен, — медовые оладьи из маиса и пирожки из мельчайшей муки, начиненные финиками. За каждую сотню корзин мы давали им по янтарному шарик.

Когда обитатели сел видели, что мы приближаемся, они отравляли колодцы и убегали на вершины холмов.

Мы должны были сражаться с Магадаями, которые рождаются старыми и, что ни год, становятся моложе и умирают младенцами; мы сражались с Лактроями, которые считают себя порождением тигров и раскрашивают себя черными и желтыми полосами. Мы сражались с Аурантами, которые хоронят своих мертвецов на вершинах деревьев, а сами прячутся в темных пещерах, чтобы Солнце, которое считается у них божеством, не убило их; и с Кримнийцами, которые поклоняются крокодилу и приносят ему в дар серьги из зеленой травы и кормят его маслом с молодыми

цыплятами; и с Агазонбаями, у коих песьи морды; и с Сибанами на лошадиных ногах, более быстрых, чем ноги коней. Треть нашего отряда погибла в битвах и треть отряда погибла от лишений. Прочие роптали на меня и говорили, что я принесла им несчастье. Я взяла из-под камня рогатую ехидну и дала ей ужалить меня. Увидев, что я невредима, они испугались.

На четвертый месяц мы достигли города Иллель. Была ночь, когда мы приблизились к роще за городскими стенами, и воздух был душный, ибо Луна находилась в созвездии Скорпиона.

Мы срывали спелые гранаты с деревьев, и разламывали их, и пили их сладкий сок. Потом мы легли на ковры и дожидались рассвета.

И на рассвете мы встали и постучались в городские ворота. Из кованой красной меди были эти городские ворота, и на них были морские драконы, а также драконы крылатые. Стража, наблюдавшая с бойниц, спросила, чего нам надо. Толмач каравана ответил, что мы с острова Сирии пришли сюда с богатыми товарами. Они взяли у нас заложников и сказали, что в полдень откроют ворота, и велели ждать до полудня.

В полдень они открыли ворота, и люди толпами выбегали из домов, чтобы поглядеть на пришельцев, и глашатай помчался по улицам города, крича в раковину о нашем прибытии. Мы остановились на базаре, и едва только негры развязали тюки узорчатых тканей и раскрыли резные ларцы из смоковницы, купцы выставили напоказ свои диковинные товары: навощенные льняные ткани из Египта, крашеное полотно из земли Эфиопов, пурпурные губки из Тира, синие сидонские занавеси, прохладные янтарные чаши, тонкие стеклянные сосуды и еще сосуды из обожженной глины, очень причудливой формы. С кровли какого-то дома женщины смотрели на нас. У одной на лице была маска из позолоченной кожи.

И в первый день пришли к нам жрецы и выменивали наши товары. Во второй день пришли знатные граждане. В третий день пришли ремесленники и рабы. Таков их обычай со всеми купцами, пока те пребывают в их городе.

И в течение одной луны мы оставались там, и, когда луна пошла на убыль, торговля наскучила мне, и я стала скитаться по улицам города и приблизилась к тому саду, который был садом их бога. Жрецы, одетые в желтое, безмолвно двигались меж зеленью деревьев, и на черных мраморных плитах стоял красный, как роза, дворец, в котором

и жил этот бог. Двери храма были покрыты глазурью, и их украшали блестящие золотые барельефы, изображавшие быков и павлинов. Изразцовая крыша была сделана из фарфора цвета морской воды, и по ее краям висели целые гирлянды колокольчиков. Белые голуби, пролетая, задевали колокольчики крыльями, и колокольчики от трепета крыльев звенели.

Перед храмом был бассейн прозрачной воды, выложенный испещренным прожилками ониксом. Я легла у бассейна и бледными пальцами трогала широкие листья. Один из жрецов подошел ко мне и стал у меня за спиной. На ногах у него были сандалии, одна из мягкой змеиной кожи, другая из птичьих перьев. На голове у него была войлочная черная митра, украшенная серебряными полумесяцами. Семь узоров желтого цвета были вытканы на его одеянии, и сурьмой были выкрашены курчавые волосы.

Помолчав, он обратился ко мне и спросил, что мне угодно.

Я сказала, что мне угодно видеть бога.

— Бог на охоте, — ответил жрец, как-то странно глядя на меня узкими косыми глазами.

— Скажи мне, в каком он лесу, и я буду охотиться с ним.

Он расправил мягкую бахрому своей туники длинными и острыми ногтями.

— Бог спит!

— Скажи, на каком он ложе, и я буду охранять его сон.

— Бог за столом, он пирует.

— Если вино его сладко, я буду пить вместе с ним; а если вино его горько, я также буду пить вместе с ним.

Он склонил в изумлении голову и, взяв меня за руку, помог мне подняться и ввел меня в храм.

И в первом покое я увидела идола, сидевшего на яшмовом троне, окаймленном крупными жемчугами Востока. Идол был из черного дерева, и рост его был рост человека. На челе у него был рубин, и густое масло струилось с его волос на бедра. Его ноги были красны от крови только что убитого козленка, а чресла его были опоясаны медным поясом с семью бериллами.

И я сказал жрецу:

— Это бог?

И он ответил:

— Это бог.

— Покажи мне бога! — крикнула я. — Или ты будешь убит!

И я коснулась его руки, и рука у него отсохла.

И взмолился жрец, говоря:

— Пусть повелитель исцелит раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на руку жреца, и снова она стала живою, и он задрожал и ввел меня в соседний покой, и я увидела идола, стоявшего на нефритовом лотосе, который был украшен изумрудами. Он был выточен из слоновой кости, и рост его был как два человеческих роста. На челе у него был хризолит, а грудь его была умащена корицей и миррой. В одной руке у него был извилистый нефритовый жезл, а в другой хрустальная держава. Его обувью были котурны из меди, а тучную шею обвивало селенитовое ожерелье.

И я сказала жрецу:

— Это бог?

И он ответил:

— Это бог.

— Покажи мне бога! — крикнула я. — Или ты будешь убит!

И я тронула рукой его веки, и глаза его тотчас ослепли.

И взмолился жрец:

— Пусть исцелит повелитель раба своего, и я покажу ему бога.

Тогда ядохнула на его ослепшие очи, и они опять стали зрячими, и, весь дрожа, он ввел меня в третий покой, и там не было идола, не было никаких кумиров, а было только круглое металлическое зеркало, стоящее на каменном жертвеннике.

И я сказала жрецу:

— Где же бог?

И он ответил:

— Нет никакого бога, кроме зеркала, которое ты видишь перед собой, ибо это Зеркало Мудрости. И в нем отражается все, что в небе и на земле. Только лицо смотрящего в него не отражается в нем. Оно не отражается в нем, чтобы смотрящий в него стал мудрецом. Много есть всяких зеркал, но те зеркала отражают лишь Мысли глядящего в них. Только это зеркало — Зеркало Мудрости. Кто обладает этим Зеркалом Мудрости, тому ведомо все на земле, и ничто от него не скрыто. Кто не обладает этим зеркалом, тот не обладает и Мудростью. Посему это зеркало и есть бог, которому мы поклоняемся.

И я посмотрела в зеркало, и все было так, как говорил мне жрец.

И я совершила необычайный поступок, но что я совершила — не важно, и вот в долине, на расстоянии дня пути,

спрятала я Зеркало Мудрости. Позволь мне снова войти в тебя и быть твоею рабою, — ты будешь мудрее всех мудрых, и вся Мудрость будет твоя. Позволь мне снова войти в тебя, и никакой мудрец не сравнится с тобою.

Но юный Рыбак засмеялся.

— Любовь лучше Мудрости, — вскричал он, — а маленькая Дева морская любит меня.

— Нет, Мудрость превыше всего, — сказала ему Душа.

— Любовь выше ее! — ответил Рыбак и погрузился в пучину, а Душа, рыдая, побрела по болотам.

*

И по прошествии второго года Душа снова пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из глубины и сказал:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе и послушай меня, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и опершись головою на руку, стал слушать.

*

И Душа сказала ему:

— Когда я покинула тебя, я обратилась к Югу и отправилась в дальний путь. С Юга приходит все, что на свете есть драгоценного. Шесть дней я была в пути, шла по большим дорогам, ведущим к городу Аштер, по красным, пыльным дорогам, по которым бредут паломники, и наутро седьмого дня я подняла свои взоры, и вот у ног моих распростерся город, ибо этот город в долине.

У города девять ворот, и у каждой ворот стоит бронзовый конь, и кони эти ржут, когда Бедуины спускаются с гор. Стены города обиты красной медью, и башни на этих стенах покрыты бронзой. В каждой башне стоит стрелок, и в руках у каждого лук. При восходе солнца каждый пускает стрелу в гонг, а на закате трубит в рог.

Когда я пыталась проникнуть в город, стража задержала меня и спросила, кто я. Я ответила, что я Дервиш и теперь направляюсь в Мекку, где находится зеленое покрывало, на котором ангелы вышили серебром Коран. И стража исполнилась удивления и просила меня войти в город.

Город был подобен базару. Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. В узких улицах веселые бумажные фонарики колышутся, как большие бабочки. Когда ветер проносится по кровлям, фонарики качаются под ветром, словно разноцветные пузыри. У входа в лавчонки на шелковых ковриках восседают купцы. У них прямые черные бороды, чалмы их усыпаны золотыми цехинами; и длинные нити янтарных четок и точеных персиковых косточек скользят в их холодных пальцах. Иные торгуют гилбаном, и нардом, и какими-то неведомыми духами с островов Индийского моря, и густым маслом из красных роз, из мирры и мелкой гвоздики. Если кто-нибудь остановится и вступит с ними в беседу, они бросают на жаровню щепотки ладана, и воздух становится сладостным. Я видела сирийца, который держал в руке прут, тонкий, подобный тростинке. Серые нити дыма выходили из этого прута, и его запах, пока он горел, был как запах розового миндаля по весне. Иные продают серебряные браслеты, усеянные млечно-голубой бирюзой, и запястья из медной проволоки, окаймленные мелким жемчугом, и тигровые когти и когти диких кошек — леопардов, оправленные в золото, и серьги из просверленных изумрудов, и кольца из выдолбленного нефрита. Из чайных слышатся звуки гитары, и бледнолицые курильщики опия с улыбкой глядят на прохожих.

Поистине жаль, что тебя не было вместе со мною. С большими черными бурдюками на спинах протискиваются там сквозь толпу продавцы вина. Чаще всего торгуют они сладким, как мед, вином Шираза. Они подают его в маленьких металлических чашах и сыплют туда лепестки роз. На базаре стоят продавцы и продают все плоды, какие есть на свете: спелые фиги с пурпурной мякотью; дыни, пахнущие мускусом и желтые, как топазы; померанцы и розовые яблоки, и гроздья белого винограда; круглые красно-золотые апельсины и продолговатые зелено-золотые лимоны. Однажды я видела слона, проходящего мимо. Его хобот был расписан шафраном и киноварью, и на ушах у него была сетка из шелковых алых шнурков. Он остановился у одного шалаша и стал пожирать апельсины, а торговец только смеялся. Ты и представить себе не можешь, какой это странный народ. Когда у них радость, они идут к торгующим птицами, покупают птицу, заключенную в клетку, и выпускают ее на волю, дабы умножить веселье; а когда у них горе, они бичуют себя терновником, чтобы скорбь их не стала слабее.

Однажды вечером мне навстречу попались какие-то негры; они несли по базару тяжелый паланкин. Он был весь из позолоченного бамбука, ручки у него были красные, покрытые глазурью и украшенные медными павлинами. На окнах висели тонкие муслиновые занавески, расшитые крыльями жуков и усеянные мельчайшими жемчужинками, а когда паланкин поравнялся со мною, оттуда выглянула бледнолицая черкешенка и улыбнулась мне. Я последовала за паланкином. Негры ускорили шаг и сердито посмотрели на меня. Но я пренебрегла их угрозами. Великое любопытство охватило меня.

Наконец они остановились у четырехугольного белого дома.

В этом доме не было окон, только маленькая дверь, словно дверь, ведущая в гробницу. Негры опустили паланкин на землю и медным молотком постучали три раза. Армянин в зеленом сафьяновом кафтане выглянул через решетку дверного окошечка и, увидев их, отпер дверь, разостлал на земле ковер, и женщина покинула носилки. У входа в дом она оглянулась и снова послала мне улыбку. Я никогда еще не видала такого бледного лица.

Когда на небе показалась луна, я снова пришла на то место и стала искать тот дом, но его уже не было там. Тогда я догадалась, кто была эта женщина и почему она мне улыбнулась.

Воистину жаль, что тебя не было вместе со мною. На празднике Новолуния юный Султан выезжал из дворца и следовал в мечеть для молитвы. Его борода и волосы были окрашены листьями розы, а щеки были напудрены мелким золотым порошком. Его ладони и ступни его ног были желты от шафрана.

На восходе солнца он вышел из своего дворца в серебряной одежде, а на закате вернулся в одежде из золота. Люди падали ниц перед ним и скрывали свое лицо, но я не упала ниц. Я стояла у лотка торговца финиками и ждала.

Когда Султан увидел меня, он поднял свои крашенные брови и остановился. Но я стояла спокойно и не поклонилась ему.

Люди удивлялись моей дерзости и советовали скрыться из города. Я пренебрегла их советами и пошла и села рядом с продавцами чужеземных богов; этих людей презирают, так как презирают их промысел. Когда я рассказала им о том, что я сделала, каждый подарил мне одного из богов и умолял удалиться.

В ту же ночь, едва я простерлась на ложе в чайном домике, что на улице Гранатов, вошли телохранители Султана и повели меня во дворец. Они замыкали за мною каждую дверь и вешали на нее железную цепь. Внутри был обширный двор, весь окруженный аркадами. Стены были алебастровые, белые, с зелеными и голубыми изразцами, колонны были из зеленого мрамора, а мраморные плиты под ногою были такого же цвета, как лепестки персикового дерева. Подобного я не видала никогда.

Пока я проходила этот двор, две женщины, лица которых были закрыты чадрами, посмотрели на меня с балкона и послали мне вслед проклятие. Телохранители ускорили шаг, и их копья забряцали по гладкому полу. Наконец они открыли ворота, выточенные из слоновой кости, и я очутилась в саду, расположенном на семи террасах. Сад был обильно орошаем водой. В нем были посажены тюльпаны, ночные красавицы и серебристый алоэ. Как тонкая хрустальная тростинка, повисла во мгlistом воздухе струйка фонтана. И кипарисы стояли, точно догоревшие факелы. На ветвях одного кипариса распевал соловей.

В конце сада была небольшая беседка. Когда мы приблизились к ней, навстречу нам вышли два евнуха. Их тучные тела колыхались, и они с любопытством оглядели меня из-под желтых век. Один из них отвел начальника стражи в сторону и тихим голосом шепнул ему что-то. Другой продолжал все время жевать какие-то душистые лепешки, которые жеманным движением руки доставал из эмалевой овальной коробочки лилового цвета.

Через несколько минут начальник стражи велел солдатам уйти. Они пошли обратно во дворец, за ними медленно последовали евнухи, срывая по пути с деревьев сладкие тутовые ягоды. Тот евнух, который постарше, глянул на меня и улыбнулся зловещей улыбкой.

Затем начальник стражи подвел меня к самому входу в беседку. Я бестрепетно шагала за ним и, отдернув тяжелый полог, вошла.

Юный Султан возлежал на крашеных львиных шкурах, на руке у него сидел сокол. За спиной Султана стоял нубиец в украшенном медью тюрбане, обнаженный до пояса и с грузными серьгами в проколотых ушах. Тяжелая кривая сабля лежала на столе у ложа.

Султан нахмурился, увидев меня, и сказал:

— Кто ты такой? Скажи свое имя. Или тебе неизвестно, что я властелин этого города?

Но я ничего не ответила.

Султан указал на кривую саблю, и нубиец схватил ее и, подавшись вперед, со страшной силой ударил меня. Лезвие со свистом прошло сквозь меня, но я осталась жива и невредима. Нубиец растянулся на полу, и, когда поднялся, его зубы стучали от ужаса, и он спрятался за ложе Султана.

Султан вскочил на ноги и, выхватив дротик из оружейной подставки, метнул его в меня. Я поймала его на лету и разломала пополам. Султан выстрелил в меня из лука, но я подняла руки, и стрела остановилась в полете. Тогда из-за белого кожаного пояса выхватил он кинжал и воткнул его в горло нубийцу, чтобы раб не мог рассказать о позоре своего господина. Нубиец стал корчиться, как раздавленная змея, и красная пена пузырями выступила у него на губах.

Как только он умер, Султан обратился ко мне и сказал, отирая платком из пурпурного расшитого шелка блестящую на челе испарину:

— Уж не пророк ли ты божий, ибо вот я не властен причинить тебе какое-нибудь зло, или, может быть, сын пророка, ибо мое оружие не в силах уничтожить тебя. Прошу тебя, удались отсюда, потому что, пока ты здесь, я не властелин моего города.

И я ответила ему:

— Я уйду, если ты мне отдашь половину твоих сокровищ. Отдай мне половину сокровищ, и я удалюсь отсюда.

Он взял меня за руку и повел в сад. Начальник стражи, увидев меня, изумился. Но когда меня увидели евнухи, их колени дрогнули, и они в ужасе пали на землю.

Есть во дворце восьмистенная зала, вся из багряного порфира, с чешуйчатым медным потолком, с которого свисают светильники. Султан коснулся стены; она разверзлась, и мы пошли каким-то длинным ходом, освещаемым многими факелами. В нишах, справа и слева, стояли винные кувшины, наполненные доверху серебряными монетами. Когда мы дошли до середины коридора, Султан произнес какое-то заповедное слово, и на потайной пружине распахнулась гранитная дверь; Султан закрыл лицо руками, чтобы его глаза не ослепли.

Ты не поверишь, какое это было чудесное место. Там были большие черепаховые панцири, полные жемчуга, и выдолбленные огромные лунные камни, полные красных рубинов. В сундуках, обитых слоновьими шкурами, было червонное золото, а в сосудах из кожи был золотой песок. Там были опалы и сапфиры: опалы в хрустальных чашах, а

сапфиры в чашах из нефрита. Зеленые крупные изумруды рядами были разложены на тонких блюдах из слоновой кости, а в углу стояли шелковые тюки, одни набитые бирюзой, другие — бериллами. Охотничьи рога из слоновой кости были полны до краев пурпурными аметистами, а рога, которые были из меди, — халцедонами и карнерилами. Колонны из кедрового дерева были увешаны нитками рысьих глаз, на овальных плоских щитах там были груды карбункулов, иные такого цвета, как вино, другие такого, как трава. И все же я описала едва ли десятую часть того, что было в этом тайном чертоге.

И сказал мне Султан, отнимая руки от лица:

— Здесь хранятся все мои сокровища. Половина сокровищ твоя, как и было обещано мною. Я дам тебе верблюдов и погонщиков, которые будут покорны тебе и отвезут твою долю, куда только ты пожелаешь. Все это будет исполнено нынче же ночью, ибо я не хочу, чтобы отец мой, Солнце, увидел, что живет в моем городе тот, кого я не в силах убить.

Но я сказала Султану в ответ:

— Золото это твое, и серебро тоже твое, и твои эти драгоценные камни и все эти несметные богатства. Этого ничего мне не надобно. Я ничего не возьму от тебя, только этот маленький перстень на пальце твоей руки.

Нахмурился Султан и сказал:

— Это простое свинцовое кольцо. Оно не имеет никакой цены. Бери же свою половину сокровищ и скорее покинь мой город.

— Нет, — ответила я, — я не возьму ничего, только этот свинцовый перстень, ибо я знаю, какие на нем начертания и для чего они служат.

И, вздрогнув, взмолился Султан:

— Бери все сокровища, какие только есть у меня, только покинь мой город. Я отдаю тебе также и свою половину сокровищ.

И странное я совершила деяние, но о нем не стоит говорить, — и вот в пещере, на расстоянии дня отсюда, я спрятала Перстень Богатства. Туда только день пути, и этот перстень ожидает тебя. Владеющий этим перстнем богаче всех на свете царей. Поди же возьми его, и все сокровища мира — твои.

Но юный Рыбак засмеялся.

— Любовь лучше Богатства! — крикнул он. — А маленькая Дева морская любит меня.

— Нет, лучше всего Богатство! — сказала ему Душа.
— Любовь лучше! — ответил Рыбак и погрузился в пучину, а Душа, рыдая, побрела по болотам.

*

И снова, по прошествии третьего года, Душа пришла на берег моря и позвала Рыбака, и он вышел из пучины и сказал:

— Зачем ты зовешь меня?

И Душа ответила:

— Подойди ко мне ближе, чтоб я могла с тобой побеседовать, ибо я видела много чудесного.

И подошел он ближе, и лег на песчаной отмели, и опершись головою на руку, стал слушать.

И Душа сказала ему:

— Я знаю один город. Там есть над рекою харчевня. Там я сидела с матросами. Они пили вина обоих цветов, ели мелкую соленую рыбу с лавровым листом и уксусом и хлеб из ячменной муки. Мы сидели там и веселились, и вошел какой-то старик, и в руках у него был кожаный коврик и лютня с двумя янтарными колышками. Разостлав на полу коврик, он ударил перышком по металлическим струнам своей лютни, и вбежала девушка, у которой лицо было закрыто чадрой, и стала плясать перед ними. Лицо ее было закрыто кисейной чадрой, а ноги у нее были нагие. Нагие были ноги ее, и они порхали по этому ковру, как два голубя. Ничего чудеснее я никогда не видала, и тот город, где она пляшет, отсюда на расстоянии дня.

Услыхав эти слова своей Души, вспомнил юный Рыбак, что маленькая Дева морская совсем не имела ног и не могла танцевать. Страстное желание охватило его, и он сказал себе самому: «Туда только день пути, и я могу вернуться к моей милой».

И он засмеялся, и встал на отмели, и шагнул к берегу.

И когда он дошел до берега, он засмеялся опять и протянул руки к своей Душе. А Душа громко закричала от радости, и побежала навстречу ему, и вселилась в него, и молодой Рыбак увидел, что тень его тела простерлась опять на песке, а тень тела — это тело Души.

И сказала ему Душа:

— Не будем мешкать, нужно тотчас же удалиться отсюда, ибо Боги Морские ревнивы, и есть у них много чудовищ, которые повинуются им.

И они поспешно удалились, и шли под луною всю ночь, и весь день они шли под солнцем, и, когда за вечерело, приблизились к какому-то городу.

И сказала Душа ему:

— Это не тот, а другой. Но все же войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли бродить по его улицам, и, когда проходили по улице Ювелиров, молодой Рыбак увидел прекрасную серебряную чашу, выставленную в какой-то лавчонке.

И Душа его сказала ему:

— Возьми эту серебряную чашу и спрячь.

И взял он серебряную чашу и спрятал ее в складках своей туники, и они поспешно удалились из города.

И когда они отошли на расстояние мили, молодой Рыбак насупился, и отшвырнул эту чашу, и сказал Душе:

— Почему ты велела мне украсть эту чашу и спрятать ее? То было недоброе дело.

— Будь покоен, — ответила Душа, — будь покоен.

К вечеру следующего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак снова спросил у Души:

— Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И душа ответила ему:

— Это не тот, а другой. Но все же войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли по улицам его, и, когда проходили по улице Продающих Сандалии, молодой Рыбак увидел ребенка, стоящего у кувшина с водой.

И сказала ему его Душа:

— Ударь этого ребенка.

И он ударил ребенка, и ребенок заплакал; тогда они поспешно покинули город.

И когда они отошли на расстояние мили от города, молодой Рыбак насупился и сказал Душе:

— Почему ты повелела мне ударить ребенка? То было недоброе дело.

— Будь покоен, — ответила Душа, — будь покоен!

И к вечеру третьего дня они приблизились к какому-то городу, и молодой Рыбак сказал своей Душе:

— Не это ли город, где пляшет та, о которой ты мне говорила?

И Душа сказала ему:

— Может быть, и тот, войдем в него.

И они вошли в этот город и пошли по улицам его, но нигде не мог молодой Рыбак найти ни реки, ни харчевни. И жители этого города с любопытством взирали на него, и ему стало жутко, и сказал он своей Душе:

— Уйдем отсюда, ибо та, которая пляшет белыми ногами, не здесь.

Но его Душа ответила ему:

— Нет, мы останемся здесь, потому что ночь теперь темная и нам встретятся на дороге разбойники.

И он уселся на площади рынка и стал отдыхать, и вот прошел мимо него купец, и голова его была закрыта капюшоном плаща, а плащ был из татарского сукна, и на длинной камышине держал он фонарь из коровьего рога.

И сказал ему этот купец:

— Почему ты сидишь на базаре? Ты видишь: все лавки закрыты и тюки обвязаны веревками.

И молодой Рыбак ответил ему:

— Я не могу в этом городе отыскать заезжего двора, и нет у меня брата, который приютил бы меня.

— Разве не все мы братья? — сказал купец. — Разве мы созданы не единым Творцом? Пойдем же со мною, у меня есть комната для гостей.

И встал молодой Рыбак, и пошел за купцом в его дом. И когда, через гранатовый сад, он пошел под кров его дома, купец принес ему в медной лохани розовую воду для омовения рук и спелых дынь для утоления жажды и поставил перед ним блюдо рису и жареного молодого козленка.

По окончании трапезы купец повел его в покой для гостей и предложил ему отдохнуть и опочить. И молодой Рыбак благодарил его, и облобызал кольцо, которое было у него на руке, и бросился на ковры из козьей крашеной шерсти. И когда он укрылся покровом из черной овечьей шерсти, сон охватил его.

И за три часа до рассвета, когда была еще ночь, его Душа разбудила его и сказала ему:

— Встань и поди к купцу, в ту комнату, где он почивает, и убей его, и возьми у него его золото, ибо мы нуждаемся в золоте.

И встал молодой Рыбак, и прокрался в опочивальню купца, и в ногах купца был какой-то кривой меч, и рядом с купцом, на подносе, было девять кошелей золота. И он протянул свою руку и коснулся меча, но, когда он коснулся

его, вздрогнул купец и, воспрянув, сам ухватился за меч и крикнул молодому Рыбаку:

— Злом платишь ты за добро и пролитием крови за милость, которую я оказал тебе?

И сказала Рыбаку его Душа:

— Бей!

И он так ударил купца, что купец упал мертвый, а он схватил все девять кошель золотом и поспешно убежал через гранатовый сад, и к звезде обратил лицо, и была та звезда — звезда Утренняя.

И, отойдя от города, молодой Рыбак ударил себя в грудь и сказал своей Душе:

— Почему ты повелела убить этого купца и взять у него золото? Поистине ты злая Душа!

— Будь покоен, — ответила она, — будь покоен!

— Нет, — закричал молодой Рыбак, — я не могу быть покоен, и все, к чему ты понуждала меня, для меня ненавистно. И ты ненавистна мне, и потому я прошу, чтобы ты мне сказала, зачем ты так поступила со мной?

И его Душа ответила ему:

— Когда ты отослал меня в мир и прогнал меня прочь от себя, ты не дал мне сердца, потому и научилась я этим деяниям и полюбила их.

— Что ты говоришь! — вскричал Рыбак.

— Ты знаешь, — ответила его Душа, — ты сам хорошо это знаешь. Или ты позабыл, что ты не дал мне сердца? Полагаю, что ты не забыл. И посему не тревожь ни себя, ни меня, но будь покоен, ибо не будет той скорби, от которой бы ты не избавился, и не будет того наслаждения, которого бы ты не изведal.

И когда молодой Рыбак услышал эти слова, он задрожал и сказал:

— Ты злая, ты злая, ты заставила меня забыть мою милую, ты соблазнила меня искушениями и направила мои стопы на путь греха.

И его Душа отвечала:

— Ты помнишь, что, когда ты отсылал меня в мир, ты не дал мне сердца. Пойдем же куда-нибудь в город и будем там веселиться, потому что мы обладаем теперь девятью кошельками золотом.

Но молодой Рыбак взял эти девять кошель золотом и бросил на землю и стал их топтать.

— Нет! — кричал он. — Мне нечего делать с тобою, и я

с тобою не пойду никуда, но как некогда я прогнал тебя, так я прогоню и теперь, ибо ты причинила мне зло.

И он повернулся спиною к луне и тем же коротким ножом с рукоятью, обмотанной зеленой змеиной кожей, попытался отрезать свою тень у самых ног. Тень тела — это тело Души.

Но Душа не ушла от него и не слушала его повелений.

— Чары, данные тебе Ведьмою, — сказала она, — уже утратили силу: я не могу отойти от тебя, и ты не можешь меня отогнать. Только однажды за всю свою жизнь может человек отогнать от себя свою Душу, но тот, кто вновь обретает ее, да сохранит ее во веки веков, и в этом его наказание, и в этом его награда.

И стал бледен молодой Рыбак, сжал кулаки и воскликнул:

— Проклятая Ведьма обманула меня, ибо умолчала об этом!

— Да, — ответила Душа, — она была верна тому, кому служит и кому вечно будет служить.

И когда узнал молодой Рыбак, что нет ему избавления от его Души и что она злая Душа и останется с ним навсегда, он пал на землю и горько заплакал.

*

И когда был уже день, встал молодой Рыбак и сказал своей Душе:

— Вот я свяжу мои руки, дабы не исполнять твоих велений, и вот я сомкну мои уста, дабы не говорить твоих слов, и я вернусь к тому месту, где живет любимая мною. К тому самому морю вернусь я, к маленькой бухте, где поет она свои песни, и я позову ее и расскажу ей о зле, которое я совершил и которое внушено мне тобою.

И его Душа, искушая его, говорила:

— Кто она, любимая тобою, и стоит ли к ней возвращаться? Есть многие прекраснее ее. Есть танцовщицы-самарисски, которые в танцах своих подражают каждой птице и каждому зверю. Ноги их окрашены лавзонией, и в руках у них медные бубенчики. Когда они пляшут, они смеются, и смех у них звонок, подобно смеху воды. Пойдем со мной, и я покажу их тебе. Зачем сокрушаться тебе о грехах? Разве то, что приятно вкушать, не создано для вкушающего? И в том, что сладостно пить, разве заключается отрава? Забудь же твою печаль, и пойдем со мной в другой город.

Есть маленький город неподалеку отсюда, и в нем есть сад из тюльпанных деревьев. В этом прекрасном саду есть павлины белого цвета и павлины с синею грудью. Хвосты у них, когда они распускают их при сиянии солнца, подобны дискам из слоновой кости, а также позолоченным дискам. И та, что дает им корм, пляшет, чтобы доставить им радость; порою она пляшет на руках. Глаза у нее насурьмленные, ноздри как крылья ласточки. К одной из ее ноздрей подвешен цветок из жемчуга. Она смеется, когда пляшет, и серебряные запястья звенят у нее на ногах бубенцами. Забудь же твою печаль, и пойдём со мной в этот город.

Но ничего не ответил молодой Рыбак своей Душе, на уста он наложил печать молчания и крепкою веревкою связал свои руки, и пошел обратно к тому месту, откуда он вышел, к той маленькой бухте, где обычно любимая пела ему свои песни. И непрестанно Душа искушала его, но он не отвечал ничего и не совершил дурных деяний, к которым она побуждала его. Так велика была сила его любви.

И когда пришел он на берег моря, он снял со своих рук веревку, и освободил уста от печати молчания, и стал звать маленькую Деву морскую. Но она не вышла на зов, хотя он звал ее от утра до вечера и умолял ее выйти к нему.

И Душа насмеялась над ним, говоря:

— Мало же радостей приносит тебе любовь. Ты подобен тому, кто во время засухи льет воду в разбитый сосуд. Ты отдаешь, что имеешь, и тебе ничего не дается взамен. Лучше было бы тебе пойти со мною, ибо я знаю, где Долина Веселий и что совершается в ней.

Но молодой Рыбак ничего не ответил Душе. В расселине утеса построил он себе из прутьев шалаш и жил там в течение года. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и каждую ночь призывал ее снова. Но она не поднималась из моря навстречу ему, и нигде во всем море не мог он найти ее, хотя искал и в пещерах, и в зеленой воде, и в оставленных приливом затонах, и в ключах, которые клокочат на дне.

И его Душа неустанно искушала его грехом и шептала о страшных деяниях, но не могла соблазнить его, так велика была сила его любви.

И когда этот год миновал, Душа сказала себе: «Злом я искушала моего господина, и его любовь оказалась сильнее меня. Теперь я буду искушать его добром, и, может быть, он пойдет со мною».

И она сказала молодому Рыбаку:

— Я говорила тебе о радостях мира сего, но не слышало меня ухо твое. Дозволь мне теперь рассказать тебе о скорбях человеческой жизни, и, может быть, ты услышишь меня. Ибо поистине Скорбь есть владычица этого мира, и нет ни одного человека, кто избег бы ее сетей. Есть такие, у которых нет одежды, и такие, у которых нет хлеба. В пурпур одеты иные вдовицы, а иные одеты в рубище. Прокаженные бродят по болотам, и они жестоки друг к другу. По большим дорогам скитаются нищие, и сумы их пусты. В городах по улицам гуляет Голод, и Чума сидит у городских ворот. Пойдем же, пойдем — избавим людей от всех бедствий, чтобы в мире больше не было горя. Зачем тебе медлить здесь и звать свою милую? Ты ведь видишь, она не приходит. И что такое любовь, что ты ценишь ее так высоко?

Но юный Рыбак ничего не ответил, ибо велика была сила его любви. И каждое утро он звал Деву морскую, и каждый полдень он звал ее вновь, и по ночам он призывал ее снова. Но она не поднималась навстречу ему, и нигде во всем море не мог он ее отыскать, хотя искал ее в реках, впадавших в море, и в долинах, которые скрыты волнами, и в море, которое становится пурпурным ночью, и в море, которое рассвет оставляет во мгле.

И прошел еще один год, и как-то ночью, когда юный Рыбак одиноко сидел у себя в шалаше, его Душа обратилась к нему и сказала:

— Злом я искушала тебя, и добром я искушала тебя, но любовь твоя сильнее, чем я. Отныне я не буду тебя искушать, но я умоляю тебя, дозволь мне войти в твое сердце, чтобы я могла слиться с тобой, как прежде.

— И вправду, ты можешь войти, — сказал юный Рыбак, — ибо мне сдается, что ты испытала немало страданий, когда скиталась по миру без сердца.

— Увы! — воскликнула Душа. — Я не могу найти владыку, потому что окутано твое сердце любовью.

— И все же мне хотелось бы оказать тебе помощь, — сказал молодой Рыбак.

И только он это сказал, послышался громкий вопль, тот вопль, который доносится к людям, когда умирает какой-нибудь из Обитателей моря. И вскочил молодой Рыбак, и покинул свой плетеный шалаш, и побежал на побережье. И черные волны быстро бежали к нему и несли с собою какую-то ношу, которая была белее серебра. Бела, как пена, была эта ноша, и, подобно цветку, колыхалась она на волнах. И волны отдали ее прибою, и прибой отдал ее пене, и берег

принял ее, и увидел молодой Рыбак, что тело Девы морской простерто у ног его. Мертвое, оно было простерто у ног.

Рыдая, как рыдают пораженные горем, бросился Рыбак на землю, лобызал холодные алые губы и перебирал ее влажные янтарные волосы. Лежа рядом с ней на песке и содрогаясь, как будто от радости, он прижимал своими темными руками ее тело к груди. Губы ее были холодными, но он целовал их. Мед ее волос был соленым, но он вкушал его с горькою радостью. Он лобызал ее закрытые веки, и бурные брызги на них не были такими солеными, как его слезы.

И мертвой принес он свое покаяние. И терпкое вино своих речей он влил в ее уши, подобные раковинам. Ее руками он обвил свою шею и ласкал тонкую, нежную трость ее горла. Горько, горько было его ликование, и какое-то странное счастье было в скорби его.

Ближе придвинулись черные волны, и стон белой пены был как стон прокаженного. Белоснежными когтями своей пены море вонзалось в берег. Из чертога Морского Царя снова донесся вопль, и далеко в открытом море Тритоны хрипло протрубили в свои раковины.

— Беги прочь, — сказала Душа, — ибо все ближе надвигается море, и, если ты будешь медлить, оно погубит тебя. Беги прочь, ибо я охвачена страхом. Ведь сердце твое для меня недоступно, так как слишком велика твоя любовь. Беги в безопасное место, не захочешь же ты, чтобы, лишенная сердца, я перешла в иной мир.

Но Рыбак не внял своей Душе; он взывал к маленькой Деве морской.

— Любовь, — говорил он, — лучше мудрости, ценнее богатства и прекраснее; чем ноги у дочерей человеческих. Огнями не сжечь ее, водами не погасить. Я звал тебя на рассвете, но ты не пришла на мой зов. Луна слышала имя твое, но ты не внимала мне. На горе я покинул тебя, на погибель свою я ушел от тебя. Но всегда любовь к тебе пребывала во мне, и была так несокрушимо могуча, что все было над нею бессильно, хотя я видел и злое и доброе. И ныне, когда ты мертва, я тоже умру с тобою.

Его Душа умоляла его отойти, но он не пожелал и остался, ибо так велика была его любовь. И море надвинулось ближе, стараясь покрыть его волнами, и, когда он увидел, что близок конец, он поцеловал безумными губами холодные губы Девы морской, и сердце у него разорвалось. От

полноты любви разорвалось его сердце, и Душа нашла туда вход, и вошла в него, и стала с ним, как и прежде, едина. И море своими волнами покрыло его.

*

А наутро вышел Священник, чтобы осенить своею молитвою море, ибо оно сильно волновалось. И пришли с ним монахи, и клир, и прислужники со свечами, и те, что кадят кадильницами, и большая толпа молящихся.

И когда Священник приблизился к берегу, он увидел, что утонувший Рыбак лежит на волне прибоя, и в его крепких объятьях тело маленькой Девы морской.

И Священник отступил, и нахмурился, и, осенив себя крестным знаменем, громко возопил и сказал:

— Я не пошлю благословения морю и тому, что находится в нем. Проклятие Обитателям моря и тем, которые водятся с ними! А этот, лежащий здесь со своей возлюбленной, отрекшийся ради любви от господина и убитый правым господним судом, — возьмите тело его и тело его возлюбленной и схороните их на Погосте Отверженных, в самом углу, и не ставьте знака над ними, дабы никто не знал о месте их упокоения. Ибо прокляты они были в жизни, прокляты будут и в смерти.

И люди сделали, как им было велено, и на Погосте Отверженных, в самом углу, где растут только горькие травы, они вырыли глубокую могилу и положили в нее мертвые тела.

И прошло три года, и в день праздничный Священник пришел во храм, чтобы показать народу раны господни и сказать ему проповедь о гневе господнем.

И когда он облачился в свое облачение, и вошел в алтарь, и пал ниц, он увидел, что престол весь усыпан цветами, дотоле никем не виданными. Странными они были для взора, чудесна была их красота, и красота эта смутила Священника, и сладостен был их аромат. И безотчетная радость охватила его.

Он открыл ковчег, в котором была дарохранительница, покадил перед нею ладаном, показал молящимся прекрасную облатку и покрыл ее священным покровом, и обратился к народу, желая сказать ему проповедь о гневе господнем. Но красота этих белых цветов волновала его, и сладостен был их аромат для него, и другое слово пришло на уста к нему, и заговорил он не о гневе господнем, но о боге, чье

имя — Любовь. И почему была его речь такова, он не знал.

И когда он кончил свое слово, все бывшие во храме зарыдали, и пошел Священник в ризницу, и глаза его были полны слез. И дьяконы вошли в ризницу, и стали разоблачать его, и сняли с него стихарь, и пояс, и орать, и епитрахиль. И он стоял как во сне.

И когда они разоблачили его, он посмотрел на них и сказал:

— Что это за цветы на престоле и откуда они?

И те ответили ему:

— Что это за цветы, мы не можем сказать, но они с Погоста Отверженных. Там растут они в самом углу.

И задрожал Священник, и вернулся в свой дом молиться.

И утром, на самой заре, вышел он с монахами, и клиром, и прислужниками, несущими свечи, и с теми, которые кадят кадильницами, и с большою толпою молящихся, и пошел он к берегу моря, и благословил он море и дикую тварь, которая водится в нем. И Фавнов благословил он, и Гномов, которые пляшут в лесах, и тех, у которых сверкают глаза, когда они глядят из-за листьев. Всем созданиям божьего мира дал он свое благословение; и народ дивился и радовался. Но никогда уже не зацветают цветы на Погосте Отверженных, и по-прежнему весь Погост остается нагим и бесплодным. И Обитатели моря уже никогда не заплывают в залив, как бывало, ибо они удалились в другие области этого моря.

ПРЕДАННЫЙ ДРУГ

Однажды утром старая Водяная Крыса высунула голову из своей норы. Глаза у нее были как блестящие бусинки, усы серые и жесткие, а черный хвост ее походил на длинный резиновый шнур. Маленькие утята плавали в пруду, желтые, точно канарейки, а их мать, белая-пребелая, с ярко-красными лапами, старалась научить их стоять в воде вниз головой.

— Если вы не научитесь стоять на голове, вас никогда не примут в хорошее общество, — приговаривала она и время от времени показывала им, как это делается.

Но утята даже не глядели на нее. Они были еще слишком малы, чтобы понять, как важно быть принятым в обществе.

— Какие непослушные дети! — воскликнула Водяная Крыса. — Право, их стоит утопить.

— Отнюдь нет, — возразила Утка. — Всякое начало трудно, и родителям надлежит быть терпеливыми.

— Ах, мне родительские чувства неведомы, — сказала Водяная Крыса, — у меня нет семьи. Замужем я не была, да и выходить не собираюсь. Любовь, конечно, вещь по-своему хорошая, но дружба куда возвышеннее. Право же, ничего нет на свете прелестнее и возвышеннее преданной дружбы.

— А что, по-вашему, следует требовать от преданного друга? — заинтересовалась зелененькая Коноплянка; сидевшая на соседней иве и слышавшая весь этот разговор.

— Вот-вот, что именно? Меня это ужасно интересует, — сказала Утка, а сама отплыла на другой конец пруда и перевернулась там вниз головой, чтобы подать добрый пример своим детям.

— Что за глупый вопрос! — воскликнула Водяная Крыса. — Конечно же, преданный друг должен быть мне предан.

— Ну а вы что предложили бы ему взамен? — спросила птичка, покачиваясь на серебристой веточке и взмахивая крохотными крылышками.

— Я вас не понимаю, — ответила Водяная Крыса.

— Позвольте рассказать вам по этому поводу одну историю, — сказала Коноплянка.

— Обо мне? — спросила Водяная Крыса. — Если да, то я охотно послушаю: я ужасно люблю изящную словесность.

— Моя история применима и к вам, — ответила Коноплянка и, спорхнув с ветки, опустилась на берег и принялась рассказывать историю о Преданном Друге.

— Жил-был когда-то в этих краях, — начала Коноплянка, — славный паренек по имени Ганс.

— Он был человек выдающийся? — спросила Водяная Крыса.

— Нет, — ответила Коноплянка, — по-моему, он ничем таким не отличался, разве что добрым сердцем и забавным круглым веселым лицом. Жил он один-одинешенек в своей маленькой избушке и день-деньской копался у себя в саду. Во всей округе не было такого прелестного садика. Тут росли и турецкая гвоздика, и левкой, и пастушья сумка, и садовые лютики. Были тут розы — алые и желтые, крокусы — сиреневые и золотистые, фиалки — лиловые и белые. Водосбор и луговой сердечник, майоран и дикий ба-

зилик, первоцвет и касатик, нарцисс и красная гвоздика распускались и цвели каждый своим чередом. Месяцы сменяли один другой, и одни цветы сменялись другими, и всегда его сад радовал взор и напоен был сладкими ароматами.

У Маленького Ганса было множество друзей, но самым преданным из всех был Большой Гью-Мельник. Да, богатый Мельник так был предан Маленькому Гансу, что всякий раз, как проходил мимо его сада, перевешивался через забор и набирал букет цветов или охапку душистых трав или, если наступала пора плодов, набивал карманы сливами и вишнями.

«У настоящих друзей все должно быть общее», — говорил Мельник, а Маленький Ганс улыбался и кивал головой: он очень гордился, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Правда, соседи иногда удивлялись, почему богатый Мельник, у которого шесть дойных коров и целое стадо длинношерстных овец, а на мельнице сотня мешков с мукой, никогда ничем не отблагодарит Ганса. Но Маленький Ганс ни над чем таким не задумывался и не ведал большего счастья, чем слушать замечательные речи Мельника о самоотверженности истинной дружбы.

Итак, Маленький Ганс все трудился в своем саду. Весною, летом и осенью он не знал горя. Но зимой, когда у него не было ни цветов, ни плодов, которые можно было отнести на базар, он терпел холод и голод и частенько ложился в постель без ужина, удовольствовавшись несколькими сушеными грушами или горсточкой твердых орехов. К тому же зимой он бывал очень одинок — в эту пору Мельник никогда не навещал его.

«Мне не следует навещать Маленького Ганса, пока не стает снег, — говорил Мельник своей жене. — Когда человеку приходится туго, его лучше оставить в покое и не докучать ему своими посещениями. Так, по крайней мере, я понимаю дружбу, и я уверен, что прав. Подожду до весны и тогда загляну к нему. Он наполнит мою корзину первоцветом, и это доставит ему такую радость!»

«Ты всегда думаешь о других, — отозвалась жена, сидевшая в покойном кресле у камина, где ярко пылали сосновые поленья, — только о других! Просто наслажденье слушать, как ты рассуждаешь о дружбе! Наш священник и тот, по-моему, не умеет так красно говорить, хоть и живет в трехэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо».

«А нельзя ли пригласить Маленького Ганса сюда? — спросил Мельника его младший сынишка. — Если бедному Гансу плохо, я поделюсь с ним кашей и покажу ему своих белых кроликов».

«До чего же ты глуп! — воскликнул Мельник. — Право, не знаю, стоит ли посылать тебя в школу. Все равно ничему не научишься. Ведь если бы Ганс пришел к нам и увидел наш теплый очаг, добрый ужин и славный бочонок красного вина, он, чего доброго, позавидовал бы нам, а на свете нет ничего хуже зависти, она любого испортит. А я никак не хочу, чтобы Ганс стал хуже. Я ему друг и всегда буду печься о нем и следить, чтобы он не подвергнулся соблазнам. К тому же, если бы Ганс пришел сюда, он, чего доброго, попросил бы меня дать ему в долг немного муки, а я не могу этого сделать. Мука — одно, а дружба — другое, и нечего их смешивать. Эти слова и пишутся по-разному и означают разное. Каждому ясно».

«До чего же хорошо ты говоришь! — промолвила жена Мельника, наливая себе большую кружку подогретого эля. — Я даже чуть не задремала. Ну точно как в церкви!»

«Многие хорошо поступают, — отвечал Мельник, — но мало кто умеет хорошо говорить. Значит, говорить куда труднее, а потому и много достойнее».

И он через стол строго глянул на своего сынишку, который до того застыдился, что опустил голову, весь покраснел, и слезы закапали прямо в чай. Но не подумайте о нем дурно — он был еще так мал!

— Тут и конец вашей истории? — осведомилась Водяная Крыса.

— Что вы! — ответила Коноплянка. — Это только начало.

— Видно, вы совсем отстали от века, — заметила Водяная Крыса. — Нынче каждый порядочный рассказчик начинает с конца, потом переходит к началу и кончает серединой. Это самая новая метода. Так сказывал один критик, который гулял на днях возле нашего пруда с каким-то молодым человеком. Он долго рассуждал на эту тему и, бесспорно, был прав, потому что у него была лысая голова и синие очки на носу, и стоило только юноше что-нибудь возразить, как он кричал ему: «Гиль!» Но, прошу вас, рассказывайте дальше. Мне ужасно нравится Мельник. Я сама преисполнена возвышенных чувств и прекрасно его понимаю!

— Итак, — продолжала Коноплянка, прыгая с ноги на ногу, — едва миновала зима и первоцвет раскрыл свои

бледно-желтые звездочки, Мельник объявил своей жене, что идет проведать Маленького Ганса.

«У тебя золотое сердце! — воскликнула жена. — Ты всегда думаешь о других. Не забудь, кстати, захватить с собою корзину для цветов».

Мельник привязал крылья ветряной мельницы тяжелой железной цепью к скобе и спустился с холма с пустой корзиной в руках.

«Здравствуй, Маленький Ганс», — сказал Мельник.

«Здравствуйте», — отвечал Маленький Ганс, опираясь на лопату и улыбаясь во весь рот.

«Ну, как ты провел зиму?» — спросил Мельник.

«До чего же любезно, что вы меня об этом спрашиваете! — воскликнул Маленький Ганс. — Признаться, мне подчас приходилось тужо. Но весна наступила. Теперь и мне хорошо, и моим цветочкам».

«А мы зимой частенько вспоминали о тебе, Ганс, — молвил Мельник, — все думали, как ты там».

«Это было очень мило с вашей стороны, — ответил Ганс. — А я уж начал бояться, что вы меня забыли».

«Ты меня удивляешь, Ганс, — сказал Мельник, — друзей не забывают. Тем и замечательна дружба. Но ты, боюсь, не способен оценить всю поэзию жизни. Кстати, как хороши твои первоцветы!»

«Они и в самом деле удивительно хороши, — согласился Ганс. — Мне повезло, что их столько уродилось. Я отнесу их на базар, продам дочери бургомистра и на эти деньги выкуплю свою тачку».

«Выкупишь? Уж не хочешь ли ты сказать, что заложил ее? Вот глупо!»

«Что поделаешь, — ответил Ганс, — нужда. Зимой, видите ли, мне пришлось несладко, время уж такое — не на что было даже хлеба купить. Вот я и заложил сперва серебряные пуговицы с воскресной куртки, потом серебряную цепочку, потом свою большую трубку и, наконец, тачку. Но теперь я все это выкуплю».

«Ганс, — сказал Мельник, — я подарю тебе свою тачку. Правда, она немного не в порядке. У нее, кажется, не хватает одного борта и со спицами что-то неладно, но я все-таки подарю ее тебе. Я понимаю, как я щедр, и многие скажут, что я делаю ужасную глупость, расставаясь с тачкой, но я не такой, как все. Без щедрости, по-моему, нет дружбы, да к тому же я купил себе новую тачку. Так что ты теперь о тачке не беспокойся. Я подарю тебе свою».

«Вы и вправду очень щедры! — отозвался Маленький Ганс, и его забавное круглое лицо прямо засияло от радости. — У меня есть доска, и я без труда ее починю».

«У тебя есть доска! — воскликнул Мельник. — А я как раз ищу доску, чтобы починить крышу на амбаре. Там большая дыра, и, если я ее не заделаю, у меня все зерно отсыреет. Хорошо, что ты вспомнил про доску! Просто удивительно, как одно доброе дело порождает другое. Я подарил тебе свою тачку, а ты решил подарить мне доску. Правда, тачка много дороже, но истинные друзья на это не смотрят. Достань-ка ее поскорее, и я сегодня же примусь за работу».

«Сию минуту!» — воскликнул Ганс, и он тут же побежал в сарай и притащил доску.

«Да, невелика доска, невелика, — заметил Мельник, осматривая ее. — Боюсь, что, когда я починю крышу, на тачку ничего не останется. Но это уже не моя вина. А теперь, раз я подарил тебе тачку, ты, наверно, захочешь подарить мне побольше цветов. Вот корзина, наполни ее до самого верха».

«До самого верха?» — с грустью переспросил Ганс. Корзина была очень большая, и он увидел, что, если наполнить ее доверху, не с чем будет идти на рынок, а ему так хотелось выкупить свои серебряные пуговицы.

«Ну, знаешь ли, — отозвался Мельник, — я подарил тебе тачку и думал, что могу попросить у тебя немного цветочков. Я считал, что настоящая дружба свободна от всякого расчета. Значит, я ошибся».

«Дорогой мой друг, лучший мой друг! — воскликнул Маленький Ганс. — Забирайте хоть все цветы из моего сада! Ваше доброе мнение для меня гораздо важнее каких-то там серебряных пуговиц».

И он побежал и срезал все свои дивные первоцветы и наполнил ими корзину для Мельника.

«До свидания, Маленький Ганс!» — сказал Мельник и пошел на свой холм с доской на плече и большой корзиной в руках.

«До свидания!» — ответил Маленький Ганс и принялся весело работать лопатой: он очень радовался тачке.

На другой день, когда Маленький Ганс прибывал побеги жимолости над своим крылечком, он вдруг услышал голос окликавшего его Мельника. Он спрыгнул с лесенки, подбежал к забору и выглянул на дорогу.

Там стоял Мельник с большим мешком муки на спине.

«Милый Ганс, — сказал Мельник, — не снесешь ли ты на базар этот мешок с мукой?»

«Ах, мне так жаль, — ответил Ганс, — но я, право, очень занят сегодня. Мне нужно поднять все выюнки, полить цветы и подстричь траву».

«Это не по-дружески, — сказал Мельник. — Я собираюсь подарить тебе тачку, а ты отказываешься мне помочь».

«О, не говорите так! — воскликнул Маленький Ганс. — Я ни за что на свете не хотел поступить не по-дружески».

И он сбегал в дом за шапкой и поплелся на базар с большим мешком на плечах.

День был очень жаркий, дорога пыльная, и Ганс, не дойдя еще до шестого милевого камня, так утомился, что присел отдохнуть. Собравшись с силами, он двинулся дальше и наконец добрался до базара. Скоро он продал муку за хорошие деньги и тут же пустился в обратный путь, потому что боялся повстречаться с разбойниками, если слишком замешкается.

«Трудный нынче выдался денек, — сказал себе Ганс, укладываясь в постель. — Но все же я рад, что не отказал Мельнику. Как-никак он мой лучший друг и к тому же обещал подарить мне свою тачку».

На следующий день Мельник спозаранку явился за своими деньгами, но Маленький Ганс так устал, что был еще в постели.

«До чего ж ты, однако, ленив, — сказал Мельник. — Я ведь собираюсь отдать тебе свою тачку, и ты, думаю, мог бы работать поусерднее. Нерадивость — большой порок, и мне бы не хотелось иметь другом бездельника и лентяя. Не обижайся, что я с тобой так откровенен. Мне бы и в голову не пришло так с тобой разговаривать, не будь я твоим другом. Что проку в дружбе, если нельзя сказать все, что думаешь? Болтать разные приятности, льстить и поддакивать может всякий, но истинный друг говорит только самое неприятное и никогда не постоит за тем, чтобы доставить тебе огорчение. Друг всегда предпочтет досадить тебе, ибо знает, что тем самым творит добро».

«Не сердитесь, — сказал Маленький Ганс, протирая глаза и снимая ночной колпак, — но я так вчера устал, что мне захотелось понежиться в постели и послушать пение птиц. Я, право же, всегда лучше работаю, когда послушаю пение птиц».

«Что ж, если так, я рад, — ответил Мельник, похлопывая Ганса по спине, — я ведь пришел сказать тебе, чтоб ты, как

встанешь, отправляясь на мельницу починить крышу на моем амбаре».

Бедному Гансу очень хотелось поработать в саду — ведь он уже третий день не поливал своих цветов, — но ему неловко было отказать Мельнику, который был ему таким добрым другом.

«А это будет очень не по-дружески, если я скажу, что мне некогда?» — спросил он робким, нерешительным голосом.

«Разумеется, — отозвался Мельник. — Я, мне кажется, прошу у тебя не слишком много, особенно если припомнить, что я намерен подарить тебе свою тачку. Но раз ты не хочешь, я пойду и сам починю».

«Что вы, как можно!» — воскликнул Ганс и, мигом вскочив с постели, оделся и пошел чинить амбар.

Ганс трудился до самого заката, а на закате Мельник пришел взглянуть, как идет у него работа.

«Ну что, Ганс, как моя крыша?» — крикнул он весело.

«Готова!» — ответил Ганс и спустился с лестницы.

«Ах, нет работы приятнее той, которую мы делаем для других», — сказал Мельник.

«Что за наслаждение слушать вас, — ответил Ганс, присаживаясь и отирая пот со лба. — Великое наслаждение! Только, боюсь, у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас».

«О, это придет! — ответил Мельник. — Нужно лишь постараться. До сих пор ты знал только практику дружбы, когда-нибудь овладеешь теорией».

«Вы правда так думаете?» — спросил Ганс.

«И не сомневаюсь, — ответил Мельник. — Но крыша теперь в порядке, и тебе пора домой. Отдохни хорошенько, потому что завтра тебе надо будет отвести моих овец в горы».

Бедный Маленький Ганс не решился что-нибудь возразить и наутро, когда Мельник пригнал к его домику своих овец, отправился с ними в горы. Целый день у него пошел на то, чтобы отогнать овец на пастбище и пригнать обратно, и он вернулся домой такой усталый, что заснул прямо в кресле и проснулся уже при ярком свете дня.

«Ну, сегодня я на славу потружусь в своем садике!» — сказал он и тотчас принялся за работу.

Но как-то все время выходило, что ему не удавалось заняться своими цветами. Его друг Мельник то и дело являлся к нему и отсылал его куда-нибудь с поручением или уводил с собою помочь на мельнице. Порой Маленький

Ганс приходил в отчаяние и начинал бояться, как бы цветочки не решили, что он совсем позабыл о них, но он утешал себя мыслью, что Мельник — его лучший друг. «К тому же он собирается подарить мне тачку, — добавлял он в подобных случаях, — а это удивительная щедрость с его стороны».

Так и работал Маленький Ганс на Мельника, а тот говорил красивые слова о дружбе, которые Ганс записывал в тетрадочку и перечитывал по ночам, потому что он был очень прилежный ученик.

И вот однажды вечером, когда Маленький Ганс сидел у своего камелька, раздался сильный стук в дверь. Ночь была бурная, и ветер так страшно завывал и ревел вокруг, что Ганс поначалу принял этот стук за шум бури. Но в дверь снова постучали, а потом и в третий раз, еще громче.

«Верно, какой-нибудь несчастный путник», — сказал себе Ганс и бросился к двери.

На пороге стоял Мельник с фонарем в одной руке и толстой палкой в другой.

«Милый Ганс! — воскликнул Мельник. — У меня большая беда. Мой сынишка упал с лестницы и расшибся, и я иду за Доктором. Но Доктор живет так далеко, а ночь такая непогожая, что мне подумалось: не лучше ли тебе сходить за Доктором вместо меня. Я ведь собираюсь подарить тебе тачку, и ты, по справедливости, должен отплатить мне услугой за услугу».

«Ну конечно! — воскликнул Маленький Ганс. — Это такая честь, что вы пришли прямо ко мне! Я сейчас же побегу за Доктором. Только одолжите мне фонарь. На дворе очень темно, и я боюсь свалиться в канаву».

«Я бы с удовольствием, — ответил Мельник, — но фонарь у меня новый, и вдруг с ним что-нибудь случится?»

«Ну ничего, обойдусь и без фонаря!» — воскликнул Маленький Ганс. Он закутался в большую шубу, надел на голову теплую красную шапочку, повязал шею шарфом и двинулся в путь.

Какая была ужасная буря! Темень стояла такая, что Маленький Ганс почти ничего не видел перед собой, а ветер налетал с такой силой, что Ганс едва держался на ногах. Но мужество не покидало его, и часа через три он добрался до дома, в котором жил Доктор, и постучался в дверь.

«Кто там?» — спросил Доктор, высовываясь из окна спальни.

«Это я, Доктор, — Маленький Ганс».

«А что у тебя за дело ко мне, Маленький Ганс?»

«Сынишка Мельника упал с лестницы и расшибся, и Мельник просит вас поскорее приехать».

«Ладно!» — ответил Доктор, велел подать лошадь, сапоги и фонарь, вышел из дому и поехал к Мельнику, а Ганс потащился за ним следом.

Ветер все крепчал, дождь лил как из ведра. Маленький Ганс не поспевал за лошадей и брел наугад. Он сбился с дороги и попал в очень опасное болото, где на каждом шагу были глубокие топи. Там бедный Ганс и утонул.

На другой день пастухи нашли Маленького Ганса в большой яме, залитой водою, и отнесли его тело к нему домой.

Все пришли на похороны Маленького Ганса, потому что все его любили. Но больше всех горевал Мельник.

«Я был его лучшим другом, — говорил он, — и, по справедливости, я должен идти первым».

И он шел во главе погребальной процессии, в длинном черном плаще, и время от времени вытирал глаза большим платком.

«Смерть Маленького Ганса — большая утрата для всех нас», — сказал Кузнец, когда после похорон все собрались в уютном трактире и попивали там душистое вино, закусывая его сладкими пирожками.

«Во всяком случае, для меня, — отозвался Мельник. — Я ведь уже, можно считать, подарил ему свою тачку и теперь ума не приложу, что мне с ней делать: дома она только место занимает, а продать — так ничего не дадут, до того она изломана. Впредь буду осмотрительнее. Теперь у меня никто ничего не получит. Щедрость всегда человеку во вред».

— Ну, а дальше? — спросила, помолчав, Водяная Крыса.

— Это все, — ответила Коноплянка.

— А что случилось с Мельником?

— Понятия не имею, — ответила Коноплянка. — Да мне, признаться, и не интересно.

— Оно и видно, что вы существо черствое, — заметила Водяная Крыса.

— Боюсь, что мораль этого рассказа будет вам неясна, — обронила Коноплянка.

— Что будет неясно? — переспросила Водяная Крыса.

— Мораль.

— Ах, так в этом рассказе есть мораль?

— Разумеется, — ответила Коноплянка.

— Однако же, — промолвила Водяная Крыса в крайнем раздражении. — По-моему, вам следовало сказать мне об

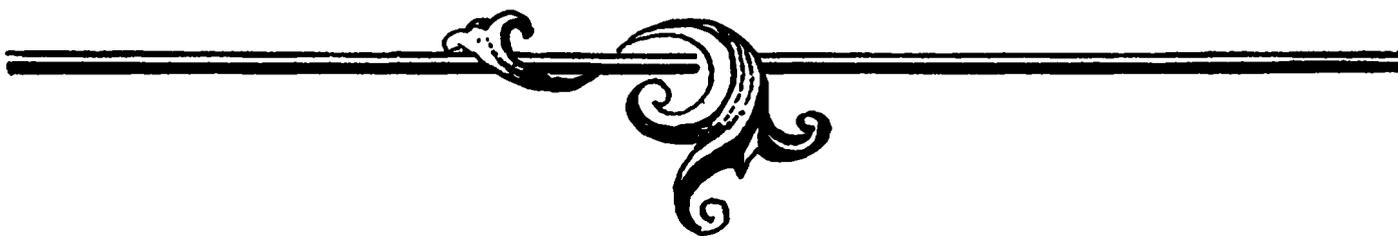
этом наперед. Тогда я просто не стала бы вас слушать. Крикнула бы «Гиль!», как тот критик, и все. А впрочем, и теперь не поздно.

И она во всю глотку завопила: «Гиль!», взмахнула хвостом и спряталась в нору.

— Скажите, а как вам нравится эта Водяная Крыса? — осведомилась Утка, приплывая обратно. — У нее, конечно, много хороших качеств, но во мне так сильно материнское чувство, что стоит мне увидеть убежденную старую деву, как у меня слезы навертываются на глаза.

— Боюсь, она на меня обиделась, — ответила Коноплянка. — Понимаете, я рассказала ей историю с моралью.

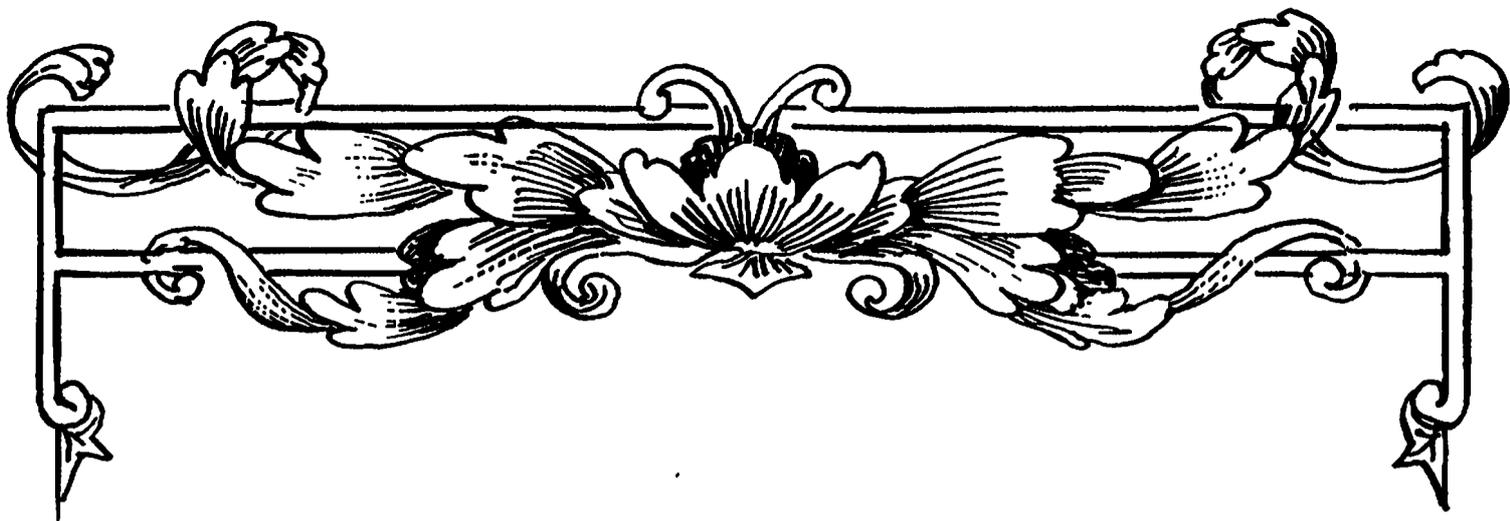
— Что вы, это опасное дело! — сказала Утка.
И я с ней вполне согласен.

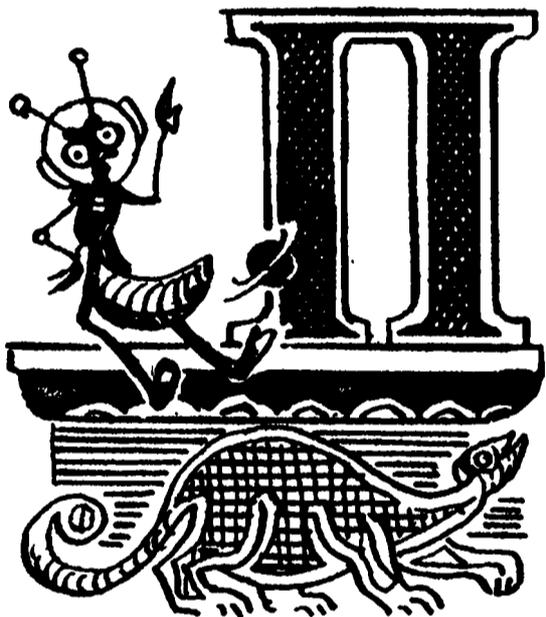

НЕБЫВАЛЬЩИНА

НЕБЫВАЛЬЩИНА

ервый приступ тошноты миновал, и Ян Прентисс воскликнул:

— Черт возьми, ты же насекомое!

Это звучало как констатация факта, отнюдь не как оскорбление, и нечто, сидевшее на рабочем столе Прентисса, подтвердило:

— Разумеется...

В нем было около фута росту. Тонюсенькое, со стебельками-ручками и кочерыжками-ножками, оно казалось маленькой неумелой пародией на разумное существо. И ручки и ножки брали свое начало в верхней части тела. Ножки были длиннее и толще, чем ручки, длиннее, чем само туловище, и в коленях переламывались не назад, а вперед. Нечто сидело на этих своих коленях, и конец его пушистого брюшка почти касался поверхности стола.

Времени, чтобы подметить все эти подробности, у Прентисса было хоть отбавляй. Нечто вовсе не возражало, чтобы его разглядывали. Казалось, оно привыкло вызывать восхищение, привыкло, чтобы им любовались.

— Откуда ты взялось?

Задавая свой вопрос, Прентисс был не слишком уверен, что поступает здраво. Пять минут назад он сидел себе за машинкой, неторопливо выстукивая рассказ, обещанный Хорасу Даблю Брауну еще для прошлого номера журнала

«Небывальщина и чертовщина». Настроение у Прентисса было самое обыкновенное, чувствовал он себя превосходно — и умственно, и физически. И вдруг какая-то часть пространства тут же, рядом с машинкой, замерцала, заключилась и сконденсировалась в этот нелепый кошмар, свесивший блестящие черные ножки над краем стола...

— Я авалонец, — высказался кошмар. — Из Авалона, другими словами... — Крошечное его личико заканчивалось роговыми челюстями. Пара качающихся трехдюймовых антенн поднималась из прыщей над глазами, фасеточные глаза сверкали множеством мелких граней, — и не было даже и признака ноздрей.

«Естественно, их нет, — пришла неясная мысль. — Оно должно дышать отверстиями в брюшке. Стало быть, и говорить оно должно брюшком. Или, может, с помощью телепатии...»

— Авалон? — зачем-то переспросил Прентисс. А про себя подумал: «Авалон? Страна эльфов из времен короля Артура?»

— Разумеется, — подтвердило создание, непринужденно отвечая на мысль. — Я эльф.

— Нет, нет!.. — Прентисс поднял руки к лицу, прижал их, но, когда отнял, увидел, что эльф по-прежнему тут, и ножки его постукивают по верхней доске стола. Прентисс не был ни алкоголиком, ни психопатом. Напротив, соседи считали его весьма прозаической личностью. У него был приличный животик, заметные, хоть и не очень, остатки волос на черепе, привлекательная жена и деятельный десятилетний сын. Конечно же, соседи пребывали в полном неведении, что взносы за дом он выплачивает, сочиняя фантастические рассказы для второсортных журналов.

До сих пор, однако, тайный этот порок никогда не отражался пагубно на его психике. Само собою, его жена не раз укоризненно качала головой — мнение ее сводилось, в сущности, к тому, что он растрчивает и даже извращает свой талант.

— И кто только это читает? — говаривала она. — Демоны, гномы, эльфы... Детские сказочки!..

— Ты совершенно не права, — отвечивал ей Прентисс. — Современные фантазии представляют собою вольные и, если хочешь, утонченные переработки народных мотивов. Под маской нереальности нередко кроется острый комментарий к злободневным событиям...

Бланш пожимала плечами.

— Кроме того, — добавлял он обычно, — за фантазии платят, и неплохо платят, не так ли?

— Может, и так, — отвечала она, — но как было бы славно, если б ты перестроился на детективы... По крайней мере, мы могли бы сказать соседям, чем ты зарабатываешь на жизнь...

Прентисс застонал — беззвучно, про себя. Ведь Бланш могла войти в любую минуту и застать его разговаривающим с самим собой. Нет, это все-таки слишком реально для сна — вероятно, галлюцинация. Уж после такого позора волей-неволей придется переключаться на детективы...

— Вы заблуждаетесь, — сказал эльф. — Я не сон и не галлюцинация.

— Почему же ты не исчезаешь? — спросил Прентисс.

— Дайте срок — исчезну. Перспектива поселиться здесь навсегда мне совсем не улыбается. Но вам придется последовать за мной.

— Мне? Придется? Черт побери, по какому праву ты распоряжаешься мной?

— Если вы полагаете, что это вежливо так обращаться с представителем древней культуры, то остается лишь пожалеть, что вы не получили хорошего воспитания...

— Какая там древняя культура!

Он хотел было добавить: «Просто плод моего воображения!» — но он слишком давно начал писать, для того чтобы скомпрометировать себя подобным штампом.

— Мы, насекомые, — молвил эльф свысока, — существовали за полмиллиарда лет до того, как на Земле появилось первое млекопитающее. Мы видели, как воцарились динозавры, и видели, как они вымерли. А что до вас, человекообразных тварей, — вы-то уж и вовсе новоселы...

— Так стоило ли, — заметил Прентисс, — растрачивать на нас свое высокое внимание?

— Не стал бы, — ответил эльф, — поверьте, не стал бы, если б не насущная потребность...

— Послушайте, времени у меня в обрез. Бланш... моя жена, может зайти сюда с минуты на минуту. Она будет очень расстроена...

— Она не придет, — заверил эльф. — Я заблокировал ее сознание.

— Что???

— Совершенно безвредно, уверяю вас. В конце концов, вы и сами не хотите, чтобы нас потревожили, не правда ли?

Прентисс сжался в кресле, ошеломленный и несчастный.

— Мы, эльфы, начали сотрудничество с человекообразными сразу же, как только наступил последний ледниковый период. Вы себе представить не можете, какое это было скверное для нас время. Не могли же мы носить звериные шкуры или жить в пещерах, как ваши неотесанные предки. Понадобилось невероятно много психоэнергии, чтобы сохранить тепло...

— Невероятно много чего?

— Психоэнергии. О ней вы ровным счетом ничего не знаете. Ум ваш слишком груб, чтобы уловить хотя бы суть концепции. И не перебивайте меня, пожалуйста...

Необходимость вынудила нас поставить эксперимент. Ваш человеческий мозг незрел, но велик. Клетки его неэффективны и медлительны, зато их множество. Вот нам и удалось применить ваш мозг как усилитель, как своеобразную линзу, концентрирующую психолучи, и многократно увеличить сумму используемой нами энергии. Оледенение мы пережили довольно сносно, и нам не пришлось эвакуироваться в тропики, как в эпохи предыдущих оледенений...

Разумеется, мы избаловались. Когда тепло вернулось, мы не бросили человекообразных, нет! Мы использовали их, чтобы поднять наш жизненный уровень в целом. Чтоб передвигаться быстрее, питаться лучше, успевать больше. И мы навсегда утратили наш старый, простой, целомудренный образ жизни. А потом — еще и молоко...

— Молоко? — удивился Прентисс. — Не вижу связи.

— Божественная жидкость! Сам я пробовал ее лишь однажды, но классическая поэзия эльфов воспевает ее в таких выражениях... В прежние времена, бывало, вы снабжали нас молоком в достатке. Какое несчастье, что человекообразные отбились от рук!

— Отбились?..

— Двести лет назад.

— Уже неплохо.

— Да не будьте вы таким ограниченным! — сказал эльф жестко. — Сотрудничество было полезным для обеих сторон, покуда вы, человекообразные, не научились сами управлять энергией. С вашей стороны это было просто гнусно, — впрочем, чего еще от вас ждать...

— Почему же гнусно?

— Ну как вам объяснить!.. Было так хорошо освещать ночные наши пирушки светлячками — это требовало психоэнергии всего на две человеческих силы. Но вы провели повсюду электрический свет. Наши антенны годны для

связи на целые мили, но вы придумали телеграф, телефон и радио. Наши слуги-кобольды добывали всевозможные руды куда эффективней, чем вы, покуда не был изобретен динамит. Вам понятно?

— Нет.

— А вы полагаете, чувствительные создания высшего порядка, эльфы, могли равнодушно взирать на то, как кучка волосатых млекопитающих теснит их и обгоняет? Это, может, и не было бы трагично, если бы мы были способны развить свою электронику или скопировать вашу, но для такой цели наша психоэнергия оказалась, увы, неприменима. И вот мы ушли от мира. Мы рассердились, зачахли, упали духом. Назовите это комплексом неполноценности, если угодно, но за последние два столетия мы мало-помалу расстались с человечеством и удалились в такие местечки, как Авалон...

Прентисс напряженно размышлял.

— Давай-ка без обиняков. Значит, как я понимаю, вы способны читать мои мысли?

— Разумеется. Труд довольно грязный и неблагодарный, но могу, если надо. Ваша фамилия Прентисс, и вы сочиняете рассказы о том, что считаете небывальщиной. У вас есть детеныш, который сейчас в так называемой школе. Я знаю о вас достаточно много.

Прентисс поморщился.

— А где находится Авалон?

— Вы его все равно не найдете. — Эльф щелкнул челюстями два-три раза подряд. — И не помышляйте даже о том, чтобы вызвать полицию. Вы окажетесь в сумасшедшем доме. Авалон — если уж вы надеетесь, что это вам как-то поможет, — находится в самой середине Атлантики и к тому же совершенно невидим. Когда вы, человекообразные, придумали пароходы, то взяли себе в привычку плавать как попало, очертя голову, и мы были вынуждены накрыть весь остров психоэкраном.

Разумеется, оградить себя от инцидентов мы все-таки не могли. Однажды корабль, огромный до безобразия, стукнул нас точнехонько посередине, и потребовалась психоэнергия всего населения, чтобы придать нашему острову вид айсберга. Кажется, «Титаник» — вот какое название было на борту корабля. А сегодня над нашими головами то и дело проносятся самолеты, и с ними происходят аварии. Один раз мы подобрали несколько ящиков сгущенного молока. Тогда-то я его и попробовал...

— Ну, так почему же, черт возьми, — воскликнул Прен-

тисс, — вам не сидится на вашем Авалоне? Почему вы здесь, а не там?

— Меня выслали, — сказал эльф со злостью. — Дурачье!..

— Выслали?..

— Вы же знаете, чем это пахнет, когда вы разнитесь ото всех хотя бы на самую малость. Я не такой, как они, и бедное дурачье, слепо верующее в традиции, вознегодовало. Они приревновали ко мне. Вот оно, лучшее объяснение. Приревновали!..

— Чем же это вы не такой, как они?

— Подайте мне вон ту лампочку, — сказал эльф. — Нет, нет, просто выверните ее из патрона...

Содрогнувшись от отвращения, Прентисс сделал, что ему было велено, и передал лампочку в лапки эльфа. Тот осторожно, пальчиками, тонкими и гибкими, словно усики, коснулся цоколя снизу и сбоку. Нить накаливания слабо засветилась.

— Боже милостивый, — вымолвил Прентисс.

— Это, — заявил эльф гордо, — мой величайший талант. Я говорил вам, что мы, эльфы, не способны применять психоэнергию к электронике. Зато я — я могу! Я не просто заурядный эльф. Я мутант! Суперэльф! Новая ступень в нашей эволюции! Этот накал, как вы понимаете, возник лишь благодаря активности собственного моего мозга. Теперь взгляните, что получится, когда я использую ваш как линзу...

И едва он произнес это, лампочка раскалилась добела, на нее стало больно смотреть. Где-то внутри, глубоко под черепом, у Прентисса возникло смутное, но отнюдь не противное ощущение сродни щекотке. Лампочка погасла, и эльф положил ее на стол позади машинки.

— Я еще не пробовал, — сказал он горделиво, — но подозреваю, что сумел бы даже расщепить ядро урана...

— Но постойте, чтоб зажечь лампочку, нужна энергия. Нельзя же просто взять ее и...

— Я ведь говорил вам — психоэнергия. Великий Оберон, ну постарайся же понять, человекообразный!..

Прентисс чувствовал растущее беспокойство, но ограничился осторожным вопросом:

— И что вы намерены делать с этим вашим даром?

— Вернуться в Авалон, разумеется. Я мог бы предоставить дурачье их собственной судьбе, но эльфам не чужд известный патриотизм... Мы вернемся обратно вместе, вы и я.

— Но постойте...

— Подумать только, — продолжал эльф, раскачиваясь взад и вперед в своего рода экстазе, — наши ночные пирушки на волшебной лужайке озарит причудливое сияние неоновых трубок. В свои летающие тележки мы впрягали раньше осиный рой — теперь мы приспособим к ним двигатели внутреннего сгорания. Когда наступало время спать, мы завертывались в листья — теперь мы покончим с этим обычаем, построим заводы по производству матрасов. Мы заживем, доложу я вам!.. А они, которые меня выслали, будут ползать передо мной на коленях...

— Но я не могу отправиться с вами, — заблеял Прентисс. — У меня обязательства. У меня жена и ребенок. Вы же не станете отрывать человека от его... от его детеныша? Не станете, правда?

— Я не жесток, — сказал эльф, уставив свои глазищи прямо на Прентисса. — У меня нежная душа эльфа. Однако есть ли у меня выбор? Мне необходим человеческий мозг, чтоб сфокусировать его на стоящих передо мной задачах, или я ничего не свершу. И вовсе не всякий человеческий мозг пригоден для этой цели...

— Почему же не всякий?

— Великий Оберон, ну пойми же ты, существо! Мозг — это тебе не пассивный кусок дерева или камня. Чтобы принести пользу, он должен вступить в сотрудничество. А сотрудничество возможно, только если сам мозг уверен, что мы, эльфы, действительно способны им управлять. Я могу, например, использовать твой мозг, но мозг твоей жены был бы для меня бесполезен. Понадобились бы годы, чтоб она поняла, кто я и откуда.

— Это черт знает что, — оскорбился Прентисс. — Уж не хотите ли вы убедить меня, что я верю в сказки? Считаю своим долгом сообщить вам, что я полный рационалист.

— Неужто? Когда я впервые тебе явился, у тебя мелькнуло было сомненьице по части снов и галлюцинаций, но ты говорил со мной, ты принял меня как факт. Твоя жена, наверно, завизжала бы и забилась в истерике...

Прентисс молчал. Он не мог придумать никакого ответа.

— В том-то и горе, — признался эльф уныло. — Практически все вы, люди, позабыли о нас с тех самых пор, как мы вас покинули. Ваши умы закрылись для нас, сделались бесполезными. Конечно, детеныши ваши верят еще в легенды о «маленьком народце», но их мозги недоразвиты и годны лишь для самых простых процессов. Повзрослев, они

тут же теряют веру. Честно, я и не знаю, что бы я делал, если б не вы, писатели-фантасты...

— Что вы имеете в виду?

— Вы принадлежите к тем немногим взрослым, которые еще способны поверить в наше существование. Ты, Прентисс, более всех других. Ведь ты сочиняешь свои фантазии вот уже двадцать лет...

— Вы не в своем уме. Я вовсе не верю в то, что пишу.

— И не хочешь, а веришь. Сие от тебя не зависит. В том смысле, что если уж пишешь всерьез, то всерьез принимаешь и сюжет, и все, что к нему относится. Один-два абзаца — и вот уже твой мозг обработан настолько, что способен войти в контакт... Но к чему спорить? Я же тебя использовал. Ты видел, как загорелась лампочка. Так что придется тебе отправиться вместе со мной...

— Но я не хочу! — Прентисс скрестил упрямо руки. — Или вы можете заставить меня против воли?

— Мог бы, но насилие, видимо, принесло бы тебе вред, а этого не хочу я. Предположим, будет так. Или ты отправляешься со мной добровольно, или я пропускаю ток высокого напряжения через твою жену. Насколько я понимаю, у тебя в стране принято казнить врагов государства именно таким способом, так что тебе, вероятно, подобная мера не покажется слишком уж отвратительной. Не хотелось бы мне выглядеть чрезмерно жестоким даже по отношению к человекообразному...

Волосики на виске у Прентисса начали слипаться от пота.

— погоди, — сказал он, — не делай ничего такого. Давайте еще раз все обсудим...

— Обсудим, обсудим... Мне это надоело. У тебя, конечно, есть молоко. Не очень-то ты заботливый хозяин, если не предложил мне освежиться по собственному почину...

Прентисс постарался припрятать возникшую у него мысль, схоронить ее как можно дальше, в самой глубине сознания. Он произнес небрежно:

— У меня найдется кое-что получше, чем молоко. Сейчас, минуточку...

— Ни с места! Позови жену. Пусть она подаст.

— Но я не хочу, чтоб она вас видела. Она еще испугается...

— Не волнуйся, — сказал эльф. — Я управлюсь с ней так, что она не почувствует ни малейшей тревоги...

Прентисс поднял руку.

— Учти, — предупредил эльф, — как бы стремительно ты ни напал, электрический ток прошьет твою жену насквозь неизмеримо быстрее...

Рука упала. Прентисс сделал шаг к дверям кабинета.

— Бланш! — крикнул он на лестницу. — Принеси банку с гоголь-моголем и стаканчик, ладно?

— Что такое гоголь-моголь? — спросил эльф.

Прентисс постарался вложить в свой ответ весь энтузиазм, на какой только был способен.

— Это смесь молока, сахара и яиц, взбитая и восхитительно вкусная. Простое молоко по сравнению с ней совершеннейшая ерунда...

Вошла Бланш с гоголь-моголем. Ее милостивое личико ровным счетом ничего не выражало. Хотя она взглянула на эльфа, но осталось непонятным, видит ли она его.

— Пожалуйста, Ян, — сказала она и присела на старенькое, крытое кожей кресло у окна. Руки ее безвольно упали на колени. Какое-то время Прентисс с тревогой смотрел на жену.

— Вы что, собираетесь так ее здесь и оставить?

— За ней будет легче следить... Ну что же ты, предложишь мне свой гоголь-моголь?

— О, конечно! Пожалуйста!

Он налил густую белую жидкость в стаканчик для коктейлей. За два дня до того он приготовил пять таких банок для своих друзей из Нью-Йоркской ассоциации фантастов и щедрой рукой замешал туда вино, поскольку хорошо известно, что фантасты именно это и любят.

Антенны эльфа яростно затрепетали.

— Небесный аромат, — пробормотал он.

Кончиками тоненьких своих лапок он обнял стакан за доньшко и поднял его ко рту. Уровень жидкости в стаканчике сразу упал.

— Когда твой детеныш вернется из так называемой школы? — спросил эльф. — Он мне нужен.

— Скоро, скоро, — ответил Прентисс нервно. Он взглянул на ручные часы. Действительно, Ян-младший должен был появиться, пронзительно требуя пирога с молоком, минут эдак через пятнадцать, не позже.

— Подливай себе, — настойчиво сказал Прентисс, — подливайте...

Эльф весело прихлебывал.

— Как только детеныш будет здесь, — заявил он, — ты сможешь идти.

— Идти?

— В библиотеку и сразу обратно. Ты возьмешь там книги по электронике. Мне нужно точно знать, как строят телевизоры, телефоны и все такое прочее. Мне нужны инструкции по телефонной связи, правила производства вакуумных ламп. Все как можно точнее, Прентисс, и как можно подробней! Перед нами стоят огромные задачи. Нефтепромыслы, перегонка бензина, моторы, научная агротехника. Мы с тобой построим новый Авалон. Технический. Волшебную страну по последнему слову науки. Новый, небывалый мир!..

— Великолечно! — воскликнул Прентисс. — Но не забывайте про свое питье...

— Вот видишь! Ты уже загорелся моей идеей. И ты будешь вознагражден. Ты получишь дюжину самок человекообразных для себя одного...

Прентисс опасливо глянул на Бланш. Никаких признаков, что она это слышала, но кто знает?..

— А какой мне прок, — сказал он, — от дюжины сам... женщин, я хотел сказать?

— Не прикидывайся, — осадил его эльф, — будь правдив. Вы, человекообразные, известны моему народу как распутные и лживые создания. Вот уже много поколений матери пугают вами свое потомство!.. — Он поднял стакан с гоголь-моголем и, провозгласив: — За мое потомство! — осушил его.

— Подливайте себе, — сказал Прентисс сразу же, — подливайте.

Эльф так и сделал.

— У меня будет много детей, — сказал он. — Я продолжу и разовью расу суперэльфов. Расу электр... — он икнул, — электронных чудодеев, расу необозримого будущего...

Громко хлопнула дверь вниз, и юный голос позвал:

— Мам! Эй, мама!..

Блестящие глаза эльфа, пожалуй, были слегка затуманены.

— Затем мы приступим, — говорил он, — к перевоспитанию человекообразных. Некоторые и сейчас верят в нас, остальных мы будем, — он опять икнул, — учить... Настанут прежние времена, только еще счастливее: эльфократия будет становиться все совершеннее, сотрудничество все теснее...

Голос Яна-младшего прозвучал уже ближе и с оттенком нетерпения:

— Мам, эй! Тебя что, нет дома?..

Бланш сидела неподвижно. Речь эльфа стала чуть хрипловата, равновесие он держал как-то неуверенно. Если Прентисс вообще собирался рискнуть, сейчас, вот сейчас самое время...

— Сиди смиренно, — потребовал эльф властно, — не валяй дурака. Что в твоём гоголь-моголе есть алкоголь, я узнал в тот же миг, когда ты задумал свой идиотский план. Вы, человекообразные, весьма и весьма коварны. У нас, у эльфов, про вас есть много пословиц. К счастью, алкоголь на нас почти не влияет. Вот если бы ты взял кошачью мяту и добавил бы к ней капельку меду... А-а, детеныш! Как поживаешь, маленький человекообразный?

Эльф застыл на столе, бокал с гоголь-моголем — на полпути к его челюстям, а Ян-младший — в дверях. Ян-младшему было десять лет, лицо у него было замазюкано, волосы встрепаны. В серых глазах читалось величайшее изумление. Потертые учебники болтались на конце ремешка, зажатого в кулаке.

— Пап! — позвал он. — Что случилось с мамой? И — и что это такое?

Эльф повернулся к Прентиссу.

— Бегом в библиотеку! Нельзя терять ни минуты. Какие мне нужны книги, ты знаешь...

От притворного опьянения не осталось уже и следа, и Прентисс окончательно упал духом. Существо играло с ним как кошка с мышью. Он поднялся, чтобы идти.

— И без фокусов, — предупредил эльф. — Никаких подлостей. Твоя жена по-прежнему заложница. Убить ее я могу и с помощью мозга детеныша, на это его хватит. Правда, мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Я член Эльфетарианского общества этики, и мы выступаем за гуманное отношение к млекопитающим, так что можешь рассчитывать на мое благородство, если, конечно, будешь подчиняться моим приказам...

Прентисс, спотыкаясь, направился к двери.

— Пап, а оно разговаривает! — вскричал Ян-младший. — Оно грозит, что убьет маму. Эй, не уходи!..

Прентисс был уже за порогом, когда услышал, как эльф сказал:

— Не пялься на меня, детеныш. Я не причиню твоей матери вреда, если ты будешь делать все точно, как я скажу. Я эльф, волшебник и чародей. Ты, разумеется, знаешь, кто такие волшебники...

И Прентисс был уже на крыльце, когда услышал, как дискант Яна-младшего сорвался на резкий крик... Мощные,

хоть и невидимые вожжи, тянувшие Прентисса из дому, вдруг порвались и исчезли. Он бросился назад, вновь обретая контроль над собой, и взлетел вверх по лестнице.

На столе лежал сплюснутый панцирь, из-под него сочилась бесцветная жидкость.

— Я его стукнул, — всхлипывал Ян-младший. — Стукнул своими книжками. Оно обижало маму...

Понадобился час, чтобы Прентисс понял, что нормальный мир потихоньку возвращается на место и что трещины, пробитые в реальности созданием из Авалона, мало-помалу затягиваются. Сам эльф превратился уже в горстку пепла в печи для мусора на заднем дворе, и о нем напоминало теперь лишь влажное пятно под столом.

Бланш была еще болезненно бледна. Говорили они шепотом.

— Как там Ян-младший? — спросил Прентисс.

— Смотрит телевизор.

— С ним все в порядке?

— О, с ним-то все в порядке, зато меня теперь неделями будут мучить кошмары...

— Знаю. Меня тоже, пока мы не заставим себя выбросить все это из головы. Не думаю, чтобы здесь еще раз появилось что-нибудь... что-нибудь подобное.

— Не могу передать тебе, — сказала Бланш, — какой это был ужас. Я ведь каждое его слово слышала, даже пока была еще внизу в гостиной.

— Телепатия, видишь ли...

— Просто двинуться не могла, и все. Потом, когда ты вышел, я набрала сил чуть-чуть пошевелиться. А потом Ян-младший шарахнул его, и я тотчас же освободилась. Не понимаю, как и почему.

Прентисс ощутил своеобразное мрачное удовлетворение.

— А я, пожалуй, знаю, в чем тут дело. Я был под его контролем, поскольку допускал, что он существует на самом деле. Тебя он держал в повиновении через меня. А когда я вышел, он решил, что пришла пора переключиться с моего мозга на мозг Яна-младшего. Это и была его ошибка.

— Почему же ошибка? — спросила Бланш.

— Он считал само собой разумеющимся, что дети, все без исключения, верят в эльфов и волшебников. Он заблуждался. Сегодняшние американские дети ни в каких волшебников не верят. Они просто никогда о них не слы-

шали. Они верят в Тома Корбетта и Дика Трэйси, в неустрашимых сыщиков и неуловимых преступников, в сверхчеловека и во множество других вещей, но только не в волшебников. И когда он попытался завладеть сознанием Яна-младшего, ему это просто не удалось...

Прентисс засунул руки в карманы и медленно ухмыльнулся.

— Знаешь, Бланш, когда я увижусь с Уолтом Рэем, я, наверное, намекну ему, что писал до сих пор чепуху. Пришло, наверно, время, чтоб соседи и впрямь узнали...

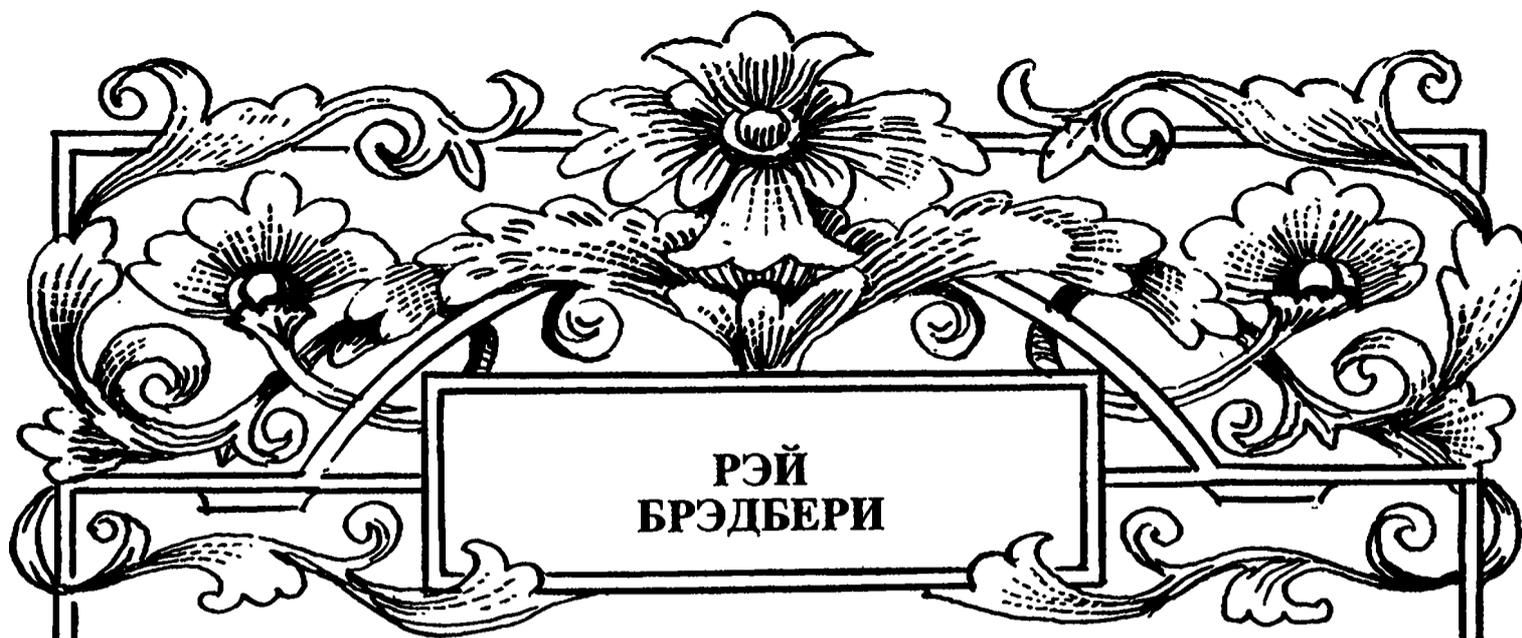
Ян-младший, держа в руке огромный бутерброд, забрел в кабинет отца в погоне за недавним, но уже тускневшим воспоминанием. Папа то и дело похлопывал его по спине, и мама совала ему пирожки и печенье, а он уже забывал почему. Там, на столе, сидело какое-то чучело, которое могло разговаривать...

Все случилось так быстро, что сам он ни в чем не успел разобраться.

Он пожал плечами и глянул туда, куда ударил луч предвечернего солнца — на частично уже напечатанную страницу в машинке, затем на стопку бумаги, ожидавшую на столе. Прочел немножко, скривил губу и буркнул:

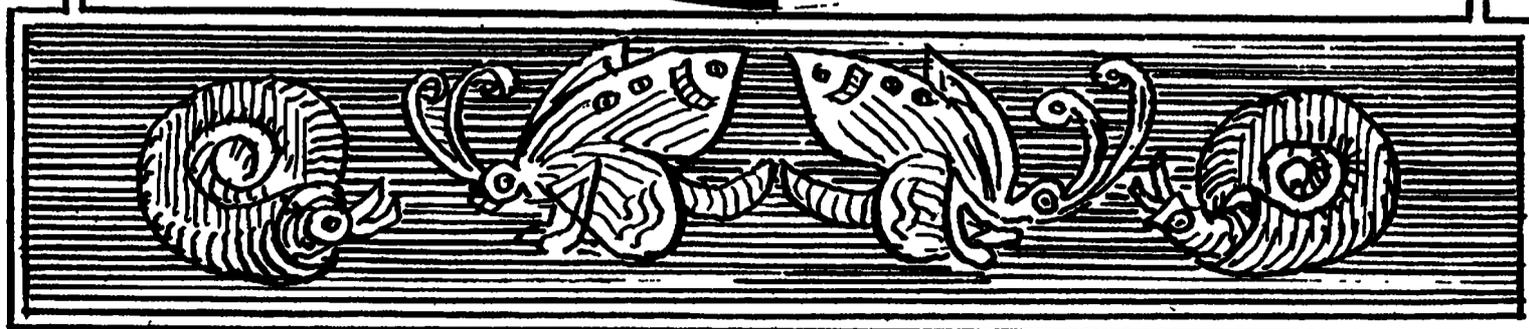
— Ха! Опять чародеи. Небывальщина. Детские сказки. И убежал на улицу.

РЭЙ
БРЭДБЕРИ

АПРЕЛЬСКОЕ КОЛДОВСТВО

АПРЕЛЬСКОЕ КОЛДОВСТВО

ысоко-высоко, выше гор, ниже звезд, над рекой, над прудом, над дорогой летела Сеси. Невидимая, как юные весенние ветры, свежая, как дыхание клевера на сумеречных лугах... Она парила в горlinkах, мягких, как белый горноста́й, отдыхала в деревьях и жила в цветах, улета́я с лепестками от самого легкого дуновения. Она сидела в прохладной, как мята, лимонно-зеленой лягушке рядом с блестящей лужей. Она бежала в косматом псе и громко лаяла, чтобы услышать, как между амбарами вдалеке мечется эхо. Она жила в нежной апрельской травке, в чистой, как слеза, влаге, которая испарялась из пахнувшей мускусом почвы.

«Весна... — думала Сеси. — Сегодня ночью я побываю во всем, что живет на свете».

Она вселялась в франтоватых кузнечиков на пятнистом гудроне шоссе, купалась в капле росы на железной ограде. В этот неповторимый вечер ей исполнилось ровно семнадцать лет, и душа ее, поминутно преображаясь, летела, незримая, на ветрах Иллинойса.

— Хочу влюбиться, — произнесла она.

Она еще за ужином сказала то же самое. Родители переглянулись и приняли чопорный вид.

— Терпение, — посоветовали они. — Не забудь, ты не как

все. Наша семья вся особенная, необычная. Нам нельзя общаться с обыкновенными людьми, тем более вступать в брак. Не то мы лишимся своей магической силы. Ну скажи, разве ты захочешь утратить дар волшебных путешествий? То-то... Так что будь осторожна. Будь осторожна!

Но в своей спальне наверху Сеси чуть-чуть надушила шею и легла, трепещущая, взволнованная, на кровать с пологом, а над полями Иллинойса всплыла молочная луна, превращая реки в сметану, дороги — в платину.

— Да, — вздохнула она, — я из необычной семьи. День мы спим, ночь летаем по ветру, как черные бумажные змеи. Захотим — можем всю зиму проспать в кротах, в теплой земле. Я могу жить в чем угодно — в камушке, в крокусе, в богомоле. Могу оставить здесь свою невзрачную оболочку из плоти и послать душу далеко-далеко в полет, на поиски приключений. Лечу!

И ветер понес ее над полями, над лугами.

И коттеджи внизу лучились ласковым весенним светом, и тускло рдели окна ферм.

«Если я такое странное и невзрачное создание, что сама не могу надеяться на любовь, влюблюсь через кого-нибудь другого», — подумала она.

Возле фермы, в весеннем сумраке, темноволосая девушка лет девятнадцати, не больше, доставала воду из глубокого каменного колодца. Она пела.

Зеленым листком Сеси упала в колодец. Легла на нежный мох и посмотрела вверх, сквозь темную прохладу. Миг — и она в невидимой суетливой амебе, миг — и она в капле воды! И уже чувствует, как холодная кружка несет ее к горячим губам девушки. В ночном воздухе мягко отдались глотки.

Сеси поглядела вокруг глазами этой девушки.

Проникла в темноволосую голову и ее блестящими глазами посмотрела на руки, которые тянули шершавую веревку. Розовыми раковинками ее ушей вслушалась в окружающий девушку мир. Ее тонкими ноздрями уловила запах незнакомой среды. Ощутила, как ровно, как сильно бьется юное сердце. Ощутила, как вздрагивает в песне чужая гортань.

«Знает ли она, что я здесь?» — подумала Сеси.

Девушка ахнула и уставилась на черный луг.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Это всего-навсего ветер, — прошептала Сеси.

— Всего-навсего ветер. — Девушка тихо рассмеялась, но ей было жутко.

Какое чудесное тело было у этой девушки! Нежная плоть облекала, скрывая, остов из лучшей, тончайшей кости. Мозг был словно цветущая во мраке светлая чайная роза, рот благоухал, как легкое вино. Под упругими губами — белые-белые зубы, брови красиво изогнуты, волосы ласково, мягко гладят молочно-белую шею. Поры были маленькие, плотно закрытые. Нос задорно смотрел вверх, на луну, щеки пылали, будто два маленьких очага. Чутко пружиня, тело переходило от одного движения к другому и все время как будто что-то напевало про себя. Быть в этом теле, в этой голове — все равно что греться в пламени камина, поселиться в мурлыканье спящей кошки, плескаться в теплой воде ручья, стремящегося через ночь к морю.

«А мне здесь славно», — подумала Сеси.

— Что? — спросила девушка, словно услышала голос.

— Как тебя звать? — осторожно спросила Сеси.

— Энн Лири. — Девушка встрепенулась. — Зачем я это вслух сказала?

— Энн, Энн, — прошептала Сеси. — Энн, ты влюбишься.

Как бы в ответ на ее слова, с дороги донесся громкий топот копыт и хруст колес по щебню. Появилась повозка, на ней сидел рослый парень, его могучие руки крепко держали натянутые вожжи, и его улыбка осветила весь двор.

— Энн!

— Это ты, Том?

— Кто же еще? — Он соскочил на землю и привязал вожжи к изгороди.

— Я с тобой не разговариваю! — Энн отвернулась так резко, что ведро плеснуло водой.

— Нет! — воскликнула Сеси.

Энн опешила. Она взглянула на холмы и на первые весенние звезды. Она взглянула на мужчину, которого звали Томом. Сеси заставила ее уронить ведро.

— Смотри, что ты натворил!

Том подбежал к ней.

— Смотри, это все из-за тебя!

Смеясь, он вытер ее туфли носовым платком.

— Отойди!

Она ногой оттолкнула его руки, но он только продолжал смеяться, и, глядя на него из своего далекого далека, Сеси видела его голову — крупную, лоб — высокий, нос — орлиный, глаза — блестящие, плечи — широкие и налитые силой руки, которые бережно гладили туфли платком. Глядя вниз из потаенного чердака красивой головки, Сеси потянула скрытую проволочку чревовещания, и милый ротик тотчас открылся:

— Спасибо!

— Вот как, ты умеешь быть вежливой?

Запах сбри от его рук, запах конюшни, пропитавший его одежду, коснулся чутких ноздрей, и тело Сеси, лежащее в постели далеко-далеко за темными полями и цветущими лугами, беспокойно зашевелилось, словно она что-то увидела во сне.

— Только не с тобой! — ответила Энн.

— Тсс, говори ласково, — сказала Сеси, и пальцы Энн сами потянулись к голове Тома.

Энн отдернула руку.

— Я с ума сошла!

— Верно. — Он кивнул, улыбаясь, слегка озадаченный. — Ты хотела потрогать меня?

— Не знаю. Уходи, уходи! — Ее щеки пылали, словно розовые угли.

— Почему ты не убегаешь? Я тебя не держу. — Том выпрямился. — Ты передумала? Пойдешь сегодня со мной на танцы? Это очень важно. Я потом скажу почему.

— Нет, — ответила Энн.

— Да! — воскликнула Сеси. — Я еще никогда не танцевала. Хочу танцевать. Я еще никогда не носила длинного шуршащего платья. Хочу платье. Хочу танцевать всю ночь. Я еще никогда не была в танцующей женщине, папа и мама ни разу мне не позволяли. Собаки, кошки, кузнечики, листья — я во всем свете побывала в разное время, но никогда не была женщиной в весенний вечер, в такой вечер, как этот... О, прошу тебя, пойдём на танцы!

Мысль ее напряглась, словно расправились пальцы в новой перчатке.

— Хорошо, — сказала Энн Лири. — Я пойду с тобой на танцы, Том.

— А теперь — в дом, живо! — воскликнула Сеси. — Тебе еще надо умыться, сказать родителям, достать платье, утюг в руки, за дело!

— Мама, — сказала Энн, — я передумала.

Повозка мчалась по дороге, комнаты фермы вдруг ожили, кипела вода для купанья, плита раскаляла утюг для платья, мать металась из угла в угол, и рот ее оцетинился шпильками.

— Что это на тебя вдруг нашло, Энн? Тебе ведь не нравится Том!

— Верно. — И Энн в разгар приготовлений вдруг застыла на месте.

«Но ведь весна!» — подумала Сеси.

— Сейчас весна, — сказала Энн.

«И такой чудесный вечер для танцев», — подумала Сеси.

— ...для танцев, — пробормотала Энн Лири.

И вот она уже сидит в корыте, и пузырьчатое мыло пенится на ее белых покатых плечах, лепит под мышками гнездышки, теплая грудь скользит в ладонях, и Сеси заставляет губы шевелиться. Она терла тут, мылила там, а теперь — встать! Вытереться полотенцем! Духи! Пудра!

— Эй, ты! — Энн окликнула свое отражение в зеркале: белое и розовое, словно лилии и гвоздики. — Кто ты сегодня вечером?

— Семнадцатилетняя девушка. — Сеси выглянула из ее фиалковых глаз. — Ты меня не видишь. А ты знаешь, что я здесь?

Энн Лири покачала головой.

— Не иначе в меня вселилась апрельская ведьма.

— Горячо, горячо! — рассмеялась Сеси. — А теперь одеваться.

Ах, как сладостно, когда красивая одежда облекает пышущее жизнью тело! И снаружи уже зовут...

— Энн, Том здесь!

— Скажите ему, пусть подождет. — Энн вдруг села. — Скажите, что я не пойду на танцы.

— Что такое? — сказала мать, стоя на пороге.

Сеси мигом заняла свое место. На какое-то роковое мгновение она отвлеклась, покинула тело Энн. Услышала далекий топот копыт, скрип колес на лунной дороге и вдруг подумала: «Полечу, найду Тома, проникну в его голову, посмотрю, что чувствует в такую ночь парень двадцати двух лет». И она пустилась в полет над вересковым лугом, но тотчас вернулась, будто птица в родную клетку, и заметалась, забила в голове Энн Лири.

— Энн!

— Пусть уходит!

— Энн! — Сеси устроилась поудобнее и напрягла свои мысли.

Но Энн закусил удила.

— Нет, нет, я его ненавижу!

Нельзя было ни на миг оставлять ее. Сеси подчинила себе руки девушки... сердце... голову... исподволь, осторожно: «Встань!» — подумала она.

Энн встала.

«Надень пальто!»

Энн надела пальто.

«Теперь иди!»

«Нет!» — подумала Энн Лири.

«Ступай!»

— Энн, — заговорила мать, — не заставляй больше Тома ждать. Сейчас же иди, и никаких фокусов. Что это на тебя нашло?

— Ничего, мама. Спокойной ночи. Мы вернемся поздно.

Энн и Сеси вместе выбежали в весенний вечер.

Комната, полная плавно танцующих голубей, которые мягко распускают оборки своих величавых, пышных перьев, комната, полная павлинов, полная радужных пятен и бликов. И посреди всего этого кружится, кружится, кружится в танце Энн Лири...

— Какой сегодня чудесный вечер! — сказала Сеси.

— Какой чудесный вечер! — произнесла Энн.

— Ты какая-то странная, — сказал Том.

Вихревая музыка окутала их мглой, закружила в струях песни; они плыли, качались, тонули и вновь всплывали за глотком воздуха, цепляясь друг за друга, словно утопающие, и опять кружились, кружились в вихре, в шепоте, вздохах, под звуки «Прекрасного Огайо».

Сеси напевала. Губы Энн разомкнулись, и зазвучала мелодия.

— Да, я странная, — ответила Сеси.

— Ты на себя непохожа, — сказал Том.

— Сегодня да.

- Ты не та Энн Лири, которую я знал.
- Совсем, совсем не та, — прошептала Сеси за много-много миль оттуда.
- Совсем не та, — послушно повторили губы Энн.
- У меня какое-то нелепое чувство, — сказал Том.
- Насчет чего?
- Насчет тебя. — Он чуть отодвинулся и, кружа ее, пристально, пытливо посмотрел на разругавшееся лицо. — Твои глаза, — произнес он, — не возьму в толк.
- Ты видишь меня? — спросила Сеси.
- Ты вроде бы здесь, и вроде бы где-то далеко отсюда. — Том осторожно ее кружил, лицо у него было озабоченное.
- Да.
- Почему ты пошла со мной?
- Я не хотела, — ответила Энн.
- Так почему же?..
- Что-то меня заставило.
- Что?
- Не знаю. — В голосе Энн зазвенели слезы.
- Спокойно, тише... тише... — шепнула Сеси. — Вот так. Кружись, кружись.

Они шуршали и шелестели, взлетали и опускались в темной комнате, и музыка вела и кружила их.

- И все-таки ты пошла на танцы, — сказал Том.
- Пошла, — ответила Сеси.
- Хватит. — И он легко увлек ее в танце к двери, на волю, неприметно увел ее прочь от зала, от музыки и людей.

Они забрались в повозку и сели рядом.

- Энн, — сказал он и взял ее руки дрожащими руками, — Энн.

Но он произносил ее имя так, словно это было вовсе и не ее имя. Он пристально смотрел на бледное лицо Энн, теперь ее глаза были открыты.

- Энн, было время, я любил тебя, ты это знаешь, — сказал он.

— Знаю.

— Но ты всегда была так переменчива, а мне не хотелось страдать понапрасну.

- Ничего страшного, мы еще так молоды, — ответила Энн.

— Нет, нет, я хотела сказать: прости меня, — сказала Сеси.

— За что простить? — Том отпустил ее руки и насто-рожился.

Ночь была теплая, и отовсюду их обдавало трепетное дыхание земли, и зазеленевшие деревья тихо дышали шуршащими, шелестящими листьями.

— Не знаю, — ответила Энн.

— Нет, знаю, — сказала Сеси. — Ты высокий, ты самый красивый парень на свете. Сегодня чудесный вечер, я на всю жизнь запомню, как я провела его с тобой.

И она протянула холодную чужую руку за его сопротивляющейся рукой, взяла ее, стиснула, согрела.

— Что с тобой сегодня, — сказал, недоумевая, Том. — То одно говоришь, то другое. Сама на себя непохожа. Я тебя по старой памяти решил на танцы позвать. Поначалу спросил просто так. А когда мы стояли с тобой у колодца, вдруг почувствовал — ты как-то переменялась, сильно переменялась. Стала другая. Появилось что-то новое... мягкость какая-то... — Он подыскивал слова. — Не знаю, не умею сказать. И смотрела не так. И голос не тот. И я знаю: я опять в тебя влюблен.

«Не в нее, — сказала Сеси, — в меня!»

— А я боюсь тебя любить, — продолжал он. — Ты опять станешь меня мучить.

— Может быть, — ответила Энн.

«Нет, нет, я всем сердцем буду тебя любить! — подумала Сеси. — Энн, скажи ему это, скажи за меня. Скажи, что ты его всем сердцем полюбишь».

Энн ничего не сказала.

Том тихо придвинулся к ней, ласково взял ее за подбородок.

— Я уезжаю. Нанялся на работу, сто миль отсюда. Ты будешь обо мне скучать?

— Да, — сказали Энн и Сеси.

— Так можно поцеловать тебя на прощанье?

— Да, — сказала Сеси, прежде чем кто-либо другой успел ответить.

Он прижался губами к чужому рту. Дрожа, он поцеловал чужие губы.

Энн сидела будто белое изваяние.

— Энн! — воскликнула Сеси. — Подними руки, обними его!

Она сидела в лунном сиянии, будто деревянная кукла.

Он снова поцеловал ее в губы.

— Я люблю тебя, — шептала Сеси. — Я здесь, это меня ты увидел в ее глазах, меня, а я тебя люблю, хоть бы она тебя никогда не полюбила.

Он отодвинулся и сидел рядом с Энн такой измученный, будто перед тем пробежал невесть сколько.

— Не понимаю, что это делается?.. Только сейчас...

— Да? — спросила Сеси.

— Сейчас мне показалось... — Он протер руками глаза. — Неважно. Отвезти тебя домой?

— Пожалуйста, — сказала Энн Лири.

Он почмокал лошади, вяло дернул вожжи, и повозка тронулась. Шуршали колеса, шлепали ремни, катилась серебряная повозка, а кругом ранняя весенняя ночь — всего одиннадцать часов, — и мимо скользят мерцающие поля и луга, благоухающие клевером.

И Сеси, глядя на поля, на луга, думала: «Все можно отдать, ничего не жалко, чтобы быть с ним вместе, с этой ночи и навсегда». И она услышала издали голоса своих родителей: «Будь осторожна. Неужели ты хочешь потерять свою магическую силу? А ты ее потеряешь, если выйдешь замуж за простого смертного. Берегись. Ведь ты этого не хочешь?»

«Да, хочу, — подумала Сеси. — Я даже этим готова поступиться хоть сейчас, если только я ему нужна. И не надо больше метаться по свету весенними вечерами, не надо вселяться в птиц, собак, кошек, лис — мне нужно одно: быть с ним. Только с ним. Только с ним».

Дорога под ними, шурша, бежала назад.

— Том, — заговорила наконец Энн.

— Да? — Он угрюмо смотрел на дорогу, на лошадь, на деревья, небо и звезды.

— Если ты когда-нибудь, в будущем, попадешь в Грин-Таун в Иллинойсе — это несколько миль отсюда, — можешь ты сделать мне одолжение?

— Возможно.

— Можешь ты там зайти к моей подруге? — Энн Лири сказала это запинаясь, неуверенно.

— Зачем?

— Это моя хорошая подруга... Я рассказывала ей про тебя. Я тебе дам адрес. Минутку.

Повозка остановилась возле дома Энн, она достала из сумочки карандаш и бумагу и, положив листок на колесо, стала писать при свете луны.

— Вот. Разберешь?

Он поглядел на листок и озадаченно кивнул.

— «Сеси Элиот. Тополевая улица, 12, Грин-Таун, Иллинойс», — прочел он.

— Зайдешь к ней как-нибудь? — спросила Энн.

— Как-нибудь, — ответил он.

— Обещаешь?

— Какое отношение это имеет к нам? — сердито крикнул он. — На что мне бумажки, имена?

Он скомкал листок и сунул бумажный шарик в карман.

— Пожалуйста, обещай! — взмолилась Сеси.

— ...обещай... — сказала Энн.

— Ладно, ладно, только не приставай! — крикнул Том.

«Я устала, — подумала Сеси. — Не могу больше. Пора домой. Силы кончаются. У меня всего на несколько часов сил хватает, когда я ночью вот так странствую... Но на прощание...».

— ...на прощание, — сказала Энн.

Она поцеловала Тома в губы.

— Это я тебя целую, — сказала Сеси.

Том отодвинул от себя Энн Лири и поглядел на нее, заглянул ей в самую душу. Он ничего не сказал, но лицо его медленно, очень медленно разгладилось, морщины исчезли, каменные губы смягчились, и он еще раз пристально всмотрелся в озаренное луной лицо, белеющее перед ним.

Потом помог ей сойти с повозки и быстро, даже не сказав «спокойной ночи», покатыл прочь.

Сеси отпустила Энн.

Энн Лири вскрикнула, точно вырвалась из плена, побежала по светлой дорожке к дому и захлопнула за собой дверь.

Сеси чуть помешкала. Глазами сверчка она посмотрела на ночной весенний мир. Одну минуточку, не больше, глядя глазами лягушки, посидела в одиночестве возле пруда. Глазами ночной птицы глянула вниз с высокого, купающегося в лунном свете вяза и увидела, как гаснет свет в двух домиках — ближнем и другом, в миле оттуда. Она думала о себе, о всех своих, о своем редком даре, о том, что ни одна девушка в их роду не может выйти замуж за человека, живущего в этом большом мире за холмами.

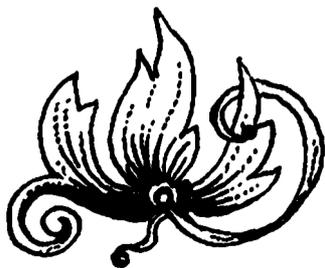
«Том. — Ее душа, теряя силы, летела в ночной птице под деревьями, над темными полями дикой горчицы. — Том, ты сохранил листок? Зайдешь когда-нибудь, как-нибудь, при

случае навестить меня? Узнаешь меня? Вглядишься в мое лицо и вспомнишь, где меня видел, почувствуешь, что любишь меня, как я люблю тебя — всем сердцем и навсегда?»

Она остановилась, а кругом — прохладный ночной воздух, и миллионы миль до городов и людей, и далеко-далеко внизу фермы и поля, реки и холмы.

Тихонько: «Том?»

Том спал. Была уже глубокая ночь; его одежда аккуратно висела на стульях, на спинке кровати. А возле его головы на белой подушке ладонью кверху удобно покоилась рука, и на ладони лежал клочок бумаги с буквами. Медленно-медленно пальцы согнулись и крепко его сжали. И Том даже не шелохнулся, даже не заметил, когда черный дрозд на миг тихо и мягко прильнул к переливающемуся лунными бликами окну, бесшумно вспорхнул, замер — и полетел прочь, на восток, над спящей землей.

С о д е р ж а н и е

Вашингтон Ирвинг. ЛЕГЕНДА О ТРЕХ ПРЕКРАСНЫХ ПРИНЦЕССАХ. Перевод А. Бобовича	4
ЛЕГЕНДА О ПРИНЦЕ АХМЕДЕ АЛЬ КАМЕЛЬ, ИЛИ ПАЛОМНИК ЛЮБВИ. Перевод А. Бобовича	23
Ханс Кристиан Андерсен. АННЕ ЛИСБЕТ. Перевод А. Ганзен	52
БЛОХА И ПРОФЕССОР. Перевод А. Ганзен	61
ДОЧЬ БОЛОТНОГО ЦАРЯ. Перевод А. Ганзен	65
Льюис Кэрролл. АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС. Перевод А. Щербакова	98
Оскар Уайльд. СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ. Перевод К. Чуковского	170
ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ РАКЕТА. Перевод Т. Озерской	179
МОЛОДОЙ КОРОЛЬ. Перевод В. Орла	191
РЫБАК И ЕГО ДУША. Перевод К. Чуковского	202
ПРЕДАННЫЙ ДРУГ. Перевод Ю. Гарлицкого	233
Айзек Азимов. НЕБЫВАЛЬЩИНА. Перевод К. Сенина и В. Тальми	244
Рэй Брэдбери. АПРЕЛЬСКОЕ КОЛДОВСТВО. Перевод Л. Жданова	258

Scan Kreider |

Литературно-художественное издание

**СКАЗКИ
ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ**

II том

(Великие сказочники мира)

Составитель А. Старовойтов

Редактор О. Ханжина
Художник Е. Шелонников
Художественный редактор В. Остапенко
Технический редактор Г. Пантелеева
Корректор И. Тетерина

Сдано в набор 18.09.91. Подписано в печать 30.03.92. Формат
84 x 108 ¹/₃₂. Бум. офсетная. Гарнитура № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 29,2. Уч.-изд. л. 16,689 .
Тираж 200 000 экз. Заказ № 6143. С-10.
Издательство «КАПИК». 614000, г. Пермь, ул. 9-го Мая, 21.
Типография АО «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131,
ул. Дружбы, 34.

С 421 Сказки для взрослых. II том. /Сост. А. Старовойтов. Оформ. Е. Шелонникова. — Пермь: Издательство «КАПИК», 1992. — 270 с. (Великие сказочники мира).

